Коммунистическая Академия
экономическая секция

О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР

Дискуссия в Коммунистической Академии

Издательство
Коммунистической Академии
Москва ★ 1928

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

О ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

ДИСКУССИЯ
В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА — 1928

„Мосполиграф“ 14-я тип.
Варгунихина гора, 8.
Москва,
Главлит № А 11477. ИКА № 186.
Тираж 5000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы планового хозяйства нас получают особое значение в настоящий период, являющийся периодом реконструкции народного хозяйства на новой технической базе. Вследствие огромных задач, вставших перед нашим экономическим развитием и хозяйственной деятельностью, бывшее до сих пор планирование, устанавливавшее хозяйственные планы на год (контрольные цифры), является недостаточным для периода реконструкции каковой требует более длительных расчетов, так как капитальное строительство и переоборудование требуют нескольких лет для своего окончания, даже в отношении отдельных объектов. Поэтому выдвинулся проект создания *крупного пятилетнего плана народного хозяйства*.

Огромное значение этого плана для всего нашего общественного развития заставляет *с особенной силой концентрировать на нем внимание*. Уже предшествующая работа потребовала много сил и средств для создания необходимых подготовительных материалов. XV съезд партии дал определенные директивы по выработке пятилетнего плана народного хозяйства. К его проработке необходимо привлечь силы не только хозяйственников и оперативных работников, но и теоретические силы страны.

Коммунистическая Академия сделала в этом отношении почин и постановкой ряда докладов по пятилетнему плану народного хозяйства поставила на обсуждение ряд теоретических вопросов, связанных с осуществлением директив партии по построению пятилетнего плана народного хозяйства. В настоящей книжке мы печатаем стенографический отчет первых докладов

по пятилетнему плану: тт. Милютина и Струмилина и прения по этим докладам, в которых приняли участие тт. Кржижановский, Базаров, Мотылев, Ронин и др. Этими докладами Коммунистическая Академия лишь открывает ту работу по теоретическому освещению вопросов, связанных с пятилетним планом народного хозяйства, которая должна будет в дальнейшем развернуться в проработке секциями и учреждениями Коммунистической Академии ряда теоретических вопросов, связанных с построением и осуществлением пятилетнего плана народного хозяйства.

ДОКЛАД В. П. МИЛЮТИНА

Сама постановка вопроса о пятилетнем плане народного хозяйства свидетельствует о значительных наших достижениях в области планирования. Пятилетний план народного хозяйства, как у нас предположено, будет являться не только перспективным планом развития производительных сил страны, но и в значительной степени оперативным планом. Он должен дать не только директивы о том, как планировать, но и определенные расчеты, определенную пропорцию в развитии отдельных частей народного хозяйства; он должен сказать, в каком размере и как мы будем организовывать наш труд и наши материальные ресурсы на этот пятилетний отрезок времени.

Уже то, что мы в таком разрезе можем поставить пятилетний план народного хозяйства, свидетельствует о том, что мы достигли более высокой ступени развития, ибо до сих пор наши оперативные планы, так называемые контрольные цифры Госплана, которые как ориентировочные утверждал СТО. охватывали только годичный период времени.

Кроме годичных планов, мы имели план Гоэлро, который давал перспективы развития производительных сил. главным образом, в области электрификации. Но он не являлся оперативным планом производства, потребления, финансирования и т. д. Трудность составления пятилетнего плана заключается именно в том, что он должен сочетать черты плана, который дает перспективы развития производительных сил, техники, капитального строительства, развития рабочей силы, с чертами оперативного плана, дающего систему расчетов производства и потребления.

Должен сказать, что именно эти трудности привели к тому, что до сих пор мы не имеем в сущности утвержденного пятилетнего плана народного хозяйства. То, что Госплан до сих пор дал в виде объемистого тома перспектив развертывания народного хозяйства СССР, и то, что он дал к XV съезду партии в виде небольшой брошюры—ориентировки по пятилетнему плану народного хозяйства, и тот материал, который до сих пор давали отдельные Наркоматы, ВСНХ и Наркомзем—все это, по признанию самого Госплана, лишь подготовительный материал. На съезде, как вы знаете, были даны директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства, но там не был утвержден сам

пятилетний план народного хозяйства, не была утверждена система расчетов и фактических данных относительно развития производительных сил. Съездом дано лишь направление, в каком необходимо нам разрабатывать пятилетний план. Это направление определяется дальнейшим развитием социалистического строительства, дальнейшим изживанием существующих диспропорций, дальнейшей индустриализацией страны, дальнейшим развертыванием и подъемом производства и улучшением на этой базе положения рабочих и крестьянских масс. Вот в кратких словах те директивы, которые даны XV партийным съездом для составления и проработки пятилетнего плана.

Нужно сказать, что в настоящее время в области количественных расчетов мы уже достигли такой степени предвидения, что в общем и целом за последние годы наши контрольные цифры осуществлялись почти на 100%; даже те материалы пятилетнего плана, которые до сих пор давались, показывают по проверке за 1925/26 и 1926/27 гг., что в этом отношении наше предвидение себя оправдало.

Таким образом, с точки зрения количественного предвидения, проблема составления пятилетнего плана как будто довольно ясна. Но дело в том,—и это чувствует и Госплан и целый ряд товарищей, которые работают над этой проблемой,—что подобного рода только количественная постановка вопроса недостаточна.

Приблизительные, первоначальные, количественные расчеты заключаются в том, что по истечении 5 лет промышленность, учитываемая ВСНХ СССР, примерно удвоится по сравнению с 1926/27 г. Она вырастет к 1930/31 г. на 108%, по данным, которые привел т. Куйбышев на съезде, причем на 194% вырастет тяжелая индустрия и на 95% вырастет легкая индустрия. По отдельным отраслям промышленности те количественные задачи, которые мы себе ставим, сводятся к тому, чтобы в таких областях, как область машиностроения, в особенности с.-х. машиностроения, достичь значительного освобождения от заграницы. По машиностроению мы примерно, по расчету ВСНХ, на 80% будем удовлетворять спрос нашим внутренним производством и лишь процентов на 20 будем еще зависить от заграницы. На капитальное строительство предполагается затратить около 8 млрд. рублей.

В области электрификации,—следующая важная область,— предполагается примерно в 7 раз поднять производство электрической энергии по сравнению с тем, что мы имели в 1926/27 г.

В области сельского хозяйства данные по расчетам пятилетки значительно более скромные. В общем, валовая продукция сельского хозяйства вырастет примерно на 24%.

Вот те количественные общие цифры, которые нам дает предварительная проработка ВСНХ и Госплана. И самый метод построения этих данных и выводы подверглись критике с двух

сторон. С одной стороны, их подвергли критике наши **неонародники** во главе с Кондратьевым. Кондратьев, Макаров, Челинцев и другие критикуют расчеты и самое направление этого плана. Самое важное, что они приводили по этому поводу, по моему мнению, следующее. Проф. Кондратьев подверг критике в довольно большой статье, напечатанной в „Путях сельского хозяйства“, самый метод построения пятилетки. Он говорит, что, конечно, наша задача предвидеть экономическое развитие, но что закономерность в области общественного развития мы предвидеть не можем. В этом отношении он остается на старой народнической позиции и говорит, что отличие общественного развития от развития природы заключается в том, что в последнем мы можем установить точно закономерности, а в первом мы никаких таких закономерностей установить не можем. Поэтому предвидеть перспективы развития народного хозяйства мы не можем; и поэтому все расчеты, которые делает Госплан, по его мнению, зиждятся на песке и не могут найти осуществления в действительности. Он предлагает выработать общие директивы по развитию народного хозяйства и этим ограничиться. В этом же направлении развивали свои мысли и другие критики. Но дело заключается в том, что в сущности все эти группы выступали против индустриализации страны. Смысл их критики заключается в том, что необходимо сохранить аграрный характер нашей страны. Под видом критики, направленной против методологии построения пятилетки, против возможности установления определенных закономерностей они по существу взяли под обстрел наш курс на установление примата индустрии в нашей стране, на удвоение в течение пяти лет производства цензовой ВСНХовской промышленности при увеличении только на 24% продукции сельского хозяйства. Между тем, преобладающее развитие промышленности оказывается основной закономерностью всех развивающихся стран, а не только СССР. Америка, например, из страны, вывозящей сырье, за последние годы сделалась страной, вывозящей продукты промышленности. Если бы мы не учитывали этой закономерности и поддались бы тем убеждениям, которые мы слышим со стороны неонародников, мы пошли бы против объективного экономического развития. Пропорции развития нашего сельского хозяйства и нашей промышленности мы строим, исходя, с одной стороны, из объективных закономерностей нашего развития, ибо промышленность должна развиваться и развивается быстрее, чем сельское хозяйство, и из того, с другой стороны, что самая основная диспропорция, которая существует у нас,—это диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью. Недостаточный удельный вес промышленности является основным задерживающим тормозом в области развития всего нашего народного хозяйства. И если мы думаем сейчас бросить на капитальное строительство промышленности около 8 млрд. руб. в течение пятилетия, то это обусловливается тем объектив-

ным положением, в котором она сейчас находится. Та практика, которую мы имели в течение последних лет, доказывает с очевидностью, что основные опасности таятся в диспропорции между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Это мы видели на „ножницах“, которые существовали и которые поставили нас под угрозу, это мы видим в нынешнем году в области хлебозаготовок. Одна из основных причин затруднений, с которыми мы встречаемся в нынешнем году, заключается в основной диспропорции между нашей промышленностью и сельским хозяйством, в недостаточном насыщении рынка промтоварами. Таким образом, тот путь, который нам рекомендуют неонародники, идет против закономерностей бескризисного экономического развития и извращает его перспективы.

Наша методология построения плана пятилетки должна прежде всего зиждиться на учете законов нашего экономического развития. Этого не понимают неонародники, этого не понимала и наша оппозиция. Тов. Преображенский, как вам известно, пытался выдвинуть как основную законосообразность свой закон социалистического накопления. По существу он подходил к экономике переходного периода, к экономике движения, к социализму в условиях диктатуры пролетариата с трафаретом, который он взял из истории развития капиталистического строя, где процесс накопления, особенно на первых этапах капитализма, являлся определяющим моментом. У нас применение этого закона привело к обоснованию той ошибочной политики, которую предлагала нам оппозиция, которая шла вразрез с социалистическим строительством и вела к экономическому кризису, к противопоставлению одной части народного хозяйства другой, ибо закон социалистического накопления, который выдвигал Преображенский, который был потом основанием программы оппозиции, заключается в том, что накопление это может происходить лишь при разрыве между городом и деревней. В этом заключалась, так сказать, суть той теории, которая нам предлагалась.

В нашем же хозяйстве определяющим моментом экономического развития является *обобществление народного хозяйства, усиливающийся процесс этого обобществления.*

Законы теперешнего времени это есть законы обобществления народного хозяйства, которое происходит по всем направлениям. И те противоречия, которые указывает Преображенский в своей статье, помещенной в „Вестнике Ком. академии“, № 22, которые являются тормозом для осуществления нашего социалистического строительства и которые нельзя, по его мнению, изжить (результат неверной теории, которую он положил в основу), в действительности изживаются процессами обобществления народного хозяйства. *В этом смысле неонародники и наша оппозиция в отношении социа-*

листического строительства очутились на общей платформе,—непонимание закономерности нашего экономического развития привело их к отрицанию нашего планирования и нашего пятилетнего плана народного хозяйства, который заключается именно в развитии социалистического строительства, в развитии — превалирующем развитии — индустрии, в усилении социалистического сектора народного хозяйства, в изживании противоречий в нашем народном хозяйстве, которые возникают между городом и деревней.

Практика последних лет и нынешнего года, несмотря на трудности, которые имеются и которые, несомненно, будут у нас, все же показывает растущую роль, значение и удельный вес социалистического сектора. И то обстоятельство, что мы путем капитальных вложений на индустриализацию страны в значительной степени исполняли те расчеты, идущие в этом направлении, которые давались Госпланом за последние годы, подтверждает именно этот вывод.

Теперь необходимо остановиться на следующей, крайне важной области, которую я лично считаю центральной в своем докладе.

Дело, товарищи, в следующем: наше экономическое развитие на предстоящий период, как вы знаете, заключается в реконструкции всего народного хозяйства. Реконструкцию нашего народного хозяйства обычно понимают только в смысле изменения количественных данных—вот построим такое-то количество новых заводов, поставим столько-то новых машин, поднимем на такой-то уровень наше производство, Это неправильно. Несомненно, тот факт, что мы закончили постройкой 219 новых предприятий, закончим в течение этих пяти лет еще 285 предприятий, заложенных в течение этих же пяти лет, и заложим еще новых 92 предприятия говорит о значительности размаха капитального строительства. В это пятилетие по данным ВСНХ предполагается закончить на 89% начатое нами строительство и примерно 11% начатого строительства отодвинуть на следующие годы. Если ресурсы нам позволят, то, несомненно, будет начато строительство гораздо большее, чем это теперь намечается. Теперешняя же проекция основывается на тех 8 млрд. рублей, которые мы собираемся в течение этих пяти лет как максимум вложить в наше капитальное строительство.

Так вот, реконструкция обычно понимается только в виде количественных изменений в области нашей техники, и поэтому наше планирование и наши расчеты обычно выливаются в расчеты количественного порядка. Дальше, если вы возьмете те материалы, которые до сих пор нам давались в качестве расчетов по проектируемому нами пятилетнему плану, то они также выражались обычно в таком-то росте производства, в таких-

то единицах (рублях) по отношению к 1926/27 г. и к довоенному времени, в таком-то росте финансирования, в таком-то росте зарплаты, в таком-то капитальном вложении и т. д. и т. д. Но дело в том, что в наступающий период огромное значение будет иметь не только закон перехода количества в качество, но и качества в количество. И вот оказывается, что особенное наше внимание нужно обратить на качественный анализ наших экономических процессов. Мне представляется, что у нас имеется огромный минус в оценке и анализе нашей экономики, который заключается в том, что мы до сих пор подходим к ней почти исключительно с точки зрения количественной. Мы остались в этом отношении на старых, так сказать, основах в нашем планировании, в нашем определении перспектив экономического развития. Мы, в сущности, применяем и сейчас метод, который был вполне законным и необходимым в рамках восстановительного периода нашего народного хозяйства, когда мы на старой технической базе старались наиболее быстрым темпом поднять и развить наше производство, когда мы задавались не столько проблемами реконструкции, сколько проблемами восстановления нашего народного хозяйства на той технической базе, которая у нас имелась, и когда второстепенную роль, по материальным условиям и по целому ряду иных условий, играли у нас вопросы изменения самой структуры хозяйства и вопросы методов работы.

Сейчас уже нам к экономике приходится подходить не только с точки зрения количества, но и с точки зрения качества самой работы, с точки зрения качественного анализа. Больше того, я должен сказать, что если мы не будем учитывать изменения в самом методе нашей работы, мы и в количественных расчетах будем всегда натыкаться на целый ряд крупнейших ошибок и промахов. Для подтверждения я приведу вам только два ярких примера. Вы знаете, что в 1926/27 г. мы решили снизить цены на 10%; и в первом же полугодии мы на этом сорвались, мы не снизили, не сумели снизить цены на 10%. Потом, в ударном порядке, путем сильнейшего партийного нажима, путем мобилизации партийных сил нам удалось эту задачу к концу года более или менее разрешить. И то полностью во многих областях мы этой задачи провести не сумели. Это первый пример, когда экономика давала возможность снизить цены, когда мы считали возможным и необходимым снижение всяких накидок, когда накладные расходы были огромны, когда кооперация безобразно наживалась, когда, в сущности говоря, экономически можно было провести это снижение цен и когда тем не менее самый характер организации дела нам не позволял претворять этого решения в жизнь, не давал нам возможности достичь определенных результатов. Второй пример—наши теперешние

хлебозаготовки. Ни у кого нет сомнения, что в стране хлеб есть. Мы имели три хороших урожая подряд. Тем не менее к концу первого квартала—падение заготовок, и опять-таки благодаря качеству нашей работы. В январе нового года в первую пятидневку мы заготовили, как вам известно, 6 млн. пудов хлеба, а затем, благодаря применению организованных мероприятий, когда был сделан нажим и в партийном порядке, сумели эту заготовку поднять в последние пять дней втрое. Я не знаю, каковы будут окончательные результаты января, но ясно сейчас, что уже произошел определенный перелом, и что он вызван рядом определенных организованных мероприятий. Вот вам два примера, когда мы столкнулись при существовании определенных благоприятных экономических данных с невозможностью осуществления наших экономических задач благодаря отсутствию необходимых организационных мероприятий. Точно так же в других областях. Мы затрачиваем на капитальное строительство крупнейшие суммы, в прошлом году мы затратили миллиард и в нынешнем году затратим 1 100 000 с лишним на промышленность. Если вы спросите любого хозяйственника, какова эффективность капитальных затрат, никто вам не скажет. Но уже отдельные случаи открывают перед нами сплошь и рядом безобразнейшие в этом отношении результаты. Это мы знаем. Мы недавно в печати могли читать относительно того, как было поставлено строительство в области бумажной промышленности; вероятно завтра или послезавтра вы будете иметь удовольствие прочитать относительно стекольной промышленности. Мы построили завод недалеко от Москвы с расчетом, что производство бутылки будет обходиться в пять копеек, на самом же деле бутылка стоит 40—50 коп. Это вновь организованный, теперь построенный завод.

(С места:—„Их под суд надо отдать!")

Их под суд отдают, так что не беспокойтесь, товарищи. Это не единственный пример, таких примеров можно найти несомненно много. Мы сейчас результата эффективности этой работы не знаем. Это третий пример, когда нам нужно знать не только то, сколько мы затратим, сколько заводов построим, но также и то, как эти заводы будут работать. Было бы нелепостью, понятно, предполагать, что мы это новое строительство можем произвести без единой ошибки. Конечно, будут ошибки, конечно, нам еще много надо учиться, но надо учиться умеючи. Вот вам еще пример того, как мы плохо учимся. Мы выписали для учебы одного американца, привезли его сюда, заплатили ему 13 тысяч золотом, он приехал и оказалось, что он работать на наших машинах не может, и пришлось его отправить обратно.

Повторяю, нам нужны не только количественные плановые расчеты, но и качественные. Мне представляется, что в наших пятилетних планах мы не можем удовлетвориться только расчетом относительно подъема производства, финансирования, затрат; наши планы должны дать на основании того, что я называю ка-

чественным анализом, развитие качества нашего хозяйства. Каковы же основные задачи в этой области? Это прежде всего задачи в отношении стандартизации; во-вторых, задачи — в области рационализации и, главным образом, в области рационализации организации труда; третья задача — в области специализации нашей экономики по районам; четвертая задача — в области снижения себестоимости; пятая — в области подъема урожайности и коллективизации сельского хозяйства.

Вот, мне представляется, примерно основные задачи, которые могут быть решены путем развертывания специальных мероприятий. Мы строим, например, план электрификации, мы на карте намечаем, где и как мы построим ту или иную районную станцию. На VIII съезде Советов т. Кржижановский очень эффектно демонстрировал развитие электрификации, которое в значительной степени осуществилось сейчас. Точно такую же проектировку мы должны будем сделать в отношении этих задач. Несомненно, осуществление этого — задача труднейшая. Мы еще буквально только подходим к решению этих проблем, но нам без решения этих проблем не разрешить тех задач экономического развития и подъема, которые перед нами стоят. Мы должны менять не только технику в смысле изменения оборудования нашей промышленности, в смысле изменения техники нашего сельского хозяйства, не только строить наши новые предприятия, но мы должны менять структуру нашего хозяйствования. Залог нашего экономического развития лежит не только в том, что мы имеем единое хозяйство, что мы можем планово согласовывать отдельные его части и использовать это преимущество по сравнению с капиталистическими странами, но и в том, что мы можем и должны изменить организационную структуру хозяйствования. В этом, так сказать, и заключается наша задача. И мы ее должны решать не только в стихийном порядке, в порядке кустарничества, которое у нас сейчас наблюдается в этой области, но именно в решение этой задачи должна быть внесена планомерность.

Вы знаете, что массовое производство невозможно без стандартизации. Любой шаг сейчас в области стандартизации приносит нам огромные преимущества. Капиталистический мир уже дал определенную практику в этом отношении, но там при борьбе, при конкуренции проблемы стандартизации более или менее планового характера разрешаются или с величайшим трудом, или совсем не решаются, потому что сама конкуренция заставляет избегать однотипности. заставляет вводить индивидуальные отличия признаков, которые могли бы на рынке отличать производство данной фирмы от ее противника, которые дают возможность конкурировать с ним, и т. д. и т. д. В этом отношении у нас

огромные преимущества, потому что при постановке массового производства мы можем принципы стандартизации ввести самым широким образом. У нас в 1925 г. созданы комитеты по стандартизации. До сих пор мы установили по отчетам, которые только что изданы, 94 стандарта, из них: 4 стандарта селекционных сортов сельскохозяйственных растений, 24 сортамента прокатных металлов, 4 стандарта — по основным элементам машиностроения, 22 качественных химических стандарта, 4 стандарта бумаги, 9 торговых стандартов (махорка, спички, тряпье), 3 сырьевых стандарта (солод, хлопок), 6 сортаментов керамических канализационных труб, 8 стандартов строительных материалов, 1 сортамент автошин, 7 качественных пищевкусовых стандартов и один стандарт сплавов.

Несомненно, уже этим достигается огромная экономия. Я вам только одну иллюстрацию приведу. Вот, например:

„Установление стандартного сортамента прокатных металлов ведет, в первую очередь, к повышению производительности работы прокатных станков.

До установления стандартного сортамента, еще в 1924/25 г., на некоторых заводах приходилось каждый день либо сменять, либо перестраивать валки. Иногда это приходилось делать по несколько раз в сутки. Объяснялось это многосортностью вырабатываемого на заводе металла и, следовательно, отсутствием плановости в работе.

Для перемены валков при прокате крупных балок требуются две смены, или 16 часов работы; для установки валков железнодорожных рельсов надо 8 часов, столько же для смены валков на среднесортном и на мелкосортном станах. Если надо сменить только отделочные и предшествующие пары валков, то для среднесортных профилей надо потратить от 4 до 6 часов, для мелкосортных — от 2 до 4 часов.

Считая, что на заводе приходится менять только отдельные и предшествующие пары валков и что прокатывается среднесортовый металл, то при ежедневной смене валков, т. е. при ежедневной потере 4—5 рабочих часов, суточная производительность снижалась на 20%.

В связи с введением стандартного сортамента считается нормальным производить перевалку в среднем через трое суток.

Поэтому при потере тех же 4—5 часов на смену валков понижение производительности исчисляется в $\frac{4{,}5 \times 100}{3 \times 24} = 6{,}2\%$, т. е. в три раза меньше, чем прежде.

Понижение производительности прокатной мастерской повышает стоимость прокатного металла. Излишние расходы по смене валков слагаются: из оплаты труда рабочих, не работающих, когда стан стоит; из расхода топлива на нагревательные печи, которые должны быть нагреты так же сильно, как и во время работы, и из ряда цеховых и общезаводских расходов.

В совокупности при 4—5-часовой средней потере времени эти расходы составляют около 400—500 рублей.

При одной перевалке за трое суток, в течение которых может быть выпущено максимум 460 тонн железа, на одну тонну продукции ложится около 1 рубля расходов по перевалке.

До установления стандартного сортамента этот накладной расход составлял 3 рубля 50 коп. на тонну".

Вот вам только одна из иллюстраций. Но если вы присмотритесь к самим стандартам, которые здесь установлены, к тому перечню стандартов, который имеется в этой брошюрке, то вы увидите, что какого-либо плана в проведении стандартизации у нас до сих пор нет. До сих пор, например, еще стандартов сельскохозяйственных машин не существует. В других областях нашего машиностроения такая же картина. Здесь самый подход совершенно не верен. Нам необходимо уже сделать определенный, опять-таки плановый подход к этой важнейшей области в нашем экономическом развитии потому, что все наше массовое производство и эффективность этого массового производства зависит от проведения такого организационного мероприятия, как стандартизация. Если мы хотим осуществить те расчеты, тот подъем производства, который мы сейчас намечаем, то нужно иметь в виду, что этого мы не сможем сделать без проведения стандартизации. В самой стандартизации мы должны не вырывать отдельные области, а должны вложить в нее определенный плановый принцип. Мне представляется, что стандартизацию мы должны начать со стандартизации средств производства, главным образом средств производства массового характера. В этом отношении уже целый ряд достижений имеется в капиталистических странах, которые мы могли бы использовать. Мы же до сих пор еще к этому плановому развертыванию не приступили.

Второе — относительно рационализации. У нас, несомненно, в известной части эта идея была дискредитирована. У нас была Лига Времени, которая сама никакого времени не могла установить и провести. У нас были отдельные попытки проведения научной организации труда, которые кончились крахом. У нас были те попытки рационализации, которые высмеивались на страницах „Правды", когда от рационализации получилось не улучшение, а ухудшение в области производства или в области положения труда и т. д. Мы еще находимся в преддверии развития рационализации, и в особенности рационализации в области организации труда. Те пути, которыми РКИ проводила сокращение излишнего аппарата, излишней отчетности, которая насчитывалась буквально вагонами, это является уже определенным подходом к устранению просто нелепости и глупости в нашей экономике. Но помимо устранения глупостей и нелепостей в нашей экономике перед нами действительно стоит задача научной организации труда, как важнейшая задача. И ее кустарно не осуществишь; при кустарном осуществлении мы

сплошь и рядом будем больше дискредитировать это важнейшее мероприятие в развитии нашей экономики, чем достигать определенных результатов. Перед Госпланом стоит задача в пятилетнем плане при учете изменений нашей экономики дать план проведения рационализации нашего хозяйства.

Теперь о снижении себестоимости. Эта проблема больше всего разработана в пятилетке, но все же недостаточно. Сначала в пятилетке предполагалось только на 17% в течение 5 лет снизить себестоимость. Сейчас ВСНХ уже делает расчеты, которые говорят о том что себестоимость снизится примерно на 25%. Вне всякого сомнения, одно из наиболее болезненных явлений нашей экономики, это наша дороговизна, это высокая себестоимость производства и благодаря этому — высокие цены. Если вы проследите индекс, который у нас имеется, по сравнению с тем индексом, который имеется в капиталистических странах, то, примерно, на промтовары у нас цены в 2, в $2^1/_2$ раза дороже, чем в капиталистических странах.

Это на промтовары, в то время как на с.-х. продукты цены у нас ниже, чем в капиталистических странах. Когда мы анализируем причины этого, причины дороговизны, мы сталкиваемся с высокой себестоимостью. Вне всякого сомнения, высокая себестоимость обусловлена нашей отсталой техникой; но помимо этого—и нерациональной затратой нашего топлива, нерациональной организацией труда на заводе, нерациональным расходованием сырья и т. д., не говоря уже о том, что когда товар идет от завода к потребителю, на него еще накидывается целый ряд нерациональных накладных расходов; например, до сих пор мы не достигли еще того, чтобы с.-х. машина с завода могла направляться прямо в деревню, не заезжая из одного города в другой, с одного склада на другой, чтобы все это накладными расходами не ложилось на ее цену. Проработке этой проблемы точно так же необходимо уделить больше внимания, чем это делалось до сих пор.

Вопросы урожайности. Урожайность у нас в 2 раза примерно меньше, чем в капиталистических странах. Мы проектируем по пятилетке поднять валовую продукцию сельского хозяйства только на 24%. Если нам удастся при тех же ресурсах, которыми мы сейчас владеем, перейти к улучшенным методам сельского хозяйства, в виде многополья, в виде применения селекционных семян, более широкого распространения с.-х. машин, то у нас урожайность значительно может подняться против тех скромных расчетов, которые сделаны в пятилетке. Но тут нужен более усиленный нажим, чем мы это делали до сих пор.

Повторяю, есть целый ряд примеров, когда нам приходится разрешать ту или иную задачу в ударном порядке, когда мы мобилизуем энергию и внимание общественных слоев, и в первую очередь партии, вокруг разрешения такой задачи, как, скажем, снижение цен на 10% или хлебозаготовки, и когда мы добиваемся вполне

определенных результатов. Таким образом, потенциальные возможности у нас огромны, но мы их недостаточно пускаем в ход и благодаря этому добиваемся недостаточных результатов.

Наконец, проблемы районирования, проблемы специализации районов. В этом отношении,—это признано Госпланом,—в экономических расчетах, которые были до сих пор сделаны,—не по вине Госплана, а по вине, главным образом, отдельных республик и отдельных районов—мы не имели плановости в порайонном экономическом развитии. А сейчас по всем данным нашего экономического развития без планирования в районном резрезе мы общих перспектив экономического развития не сумеем должным образом рассчитать. Мы будем встречаться в осуществлении нашего плана, если не будем иметь ясной и определенной политики в районном разрезе, с целым рядом огромных и существенных затруднений, которые будут сказываться не только в районном, но и общесоюзном масштабе. Я приведу только следующий пример.

Когда мы, скажем, снабжаем сельское хозяйство машинами, у нас нет планов порайонного машиноснабжения деревни, а если эти планы и имеются, то они составлены так, что очень часто с.-х. машины попадают в деревню после начала сельскохозяйственного года, т. е. тогда, когда машины часто бывают не нужны. Кроме того, необходимо учитывать то обстоятельство, что нельзя одни и те же с.-х. машины посылать в Туркестан и на Украину и на север СССР. Укажу еще такой пример, пример со льном. Мы нажимали на производство льна, на увеличение посевной площади льна, но завоза в достаточных размерах хлеба в льнопроизводящие районы не производилось, и у нас происходил срыв наших планов производства льна на следующий год. Так было неоднократно и с хлопком, когда мы площадь посева хлопка увеличивали, а хлеба не привозили; так было неоднократно и с кукурузой, когда мы предлагали расширить посев кукурузы в определенных районах, а переработку ее не развили, и т. п. Все это было бы возможно учесть только при строго порайонном экономическом анализе.

Проблемы специализации по районам относятся по существу к качеству нашего хозяйства. Построение пятилетнего плана должно быть не только в сводных общесоюзных данных, но и по районным данным, и не только по союзным республикам, т. е. по административному делению, но именно по экономическому делению, по районному экономическому делению. Это следующая задача, на которую необходимо обратить самое усиленное внимание.

Наконец, проблема коллективизации сельского хозяйства.

Есть предположения, которые высказывались и на XV партийном съезде представителями кооперации, что в области с.-х. кооперации мы сможем в течение ближайших пяти лет достичь

охвата всей бедноты и примерно охватить до 50, а может быть до 70% всех крестьянских хозяйств. Но процесс коллективизации, т. е. процесс перехода к крупному сельскому хозяйству, требует плановой разработки, чего опять-таки до сих пор у нас не было. Этот процесс в значительной степени до сих пор происходил стихийно, стихия здесь превалировала над плановостью. В этом отношении у нас имел место даже такой факт, что 40% наших колхозов не было землеустроено. А вы прекрасно понимаете, что организовать коллективное хозяйство, когда нет первоначальной предпосылки, т. е. организации земельной территории, на которой этот колхоз должен организовываться, почти что невозможно.

Таким образом, я констатирую, что здесь не было плановости, и только сейчас, в самое последнее время, дана твердая директива о том, что в первую очередь на государственный счет мы землеустраиваем колхозы.

Теперь о снабжении колхозов. Льготы колхозам предоставлены, первоочередность предоставлена, но есть ли план снабжения колхозов? Этого плана снабжения колхозов, то есть определенных расчетов того, как нужно снабжать колхозы, у нас нет, хотя самих колхозов у нас не так уж много. И несмотря на это, в силу несомненного преимущества коллективного хозяйства перед индивидуальным, колхозы добились того, что они в с.-х. отношении становятся сильнее индивидуальных крестьянских хозяйств. Однако отсутствие плановости тормозит развитие коллективизации сельского хозяйства. Здесь необходимо обратить внимание на снабжение колхозов производственными средствами— без этого значительного шага вперед колхозы не сделают. Именно тот переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному кооперированному объединенному хозяйству, который сейчас партией дан как определенная директива, как определенная задача для осуществления, этот переход требует от наших государственных органов, и в первую очередь от наших планирующих органов, плановых расчетов, потому что необходимо знать, в каком именно порядке следует бросать средства на это дело. Нам нужно в этом отношении иметь тщательно составленные данные, учитывающие определенные этапы развития нашего сельского хозяйства. Только таким путем мы сможем разрешить эту задачу. И вот этот качественный анализ в подходе к основным проблемам пятилетки в целом ряде материалов не находит отражения. Эту задачу, мне кажется, нужно поставить во что бы то ни стало сейчас перед нашими планирующими органами. Не надо закрывать глаза на всю трудность, которая имеется в этом отношении! Мы имеем прекрасные статистические расчеты, мы имеем балансовый метод начисления пятилетнего плана, мы имеем инженерный метод и т. д. Но мы не имеем того плана организации народного хозяйства, который нам необходим. Партия дала установку, определенное направление в развитии нашей экономики, нарисовала перспективы строительства социализма,

дала определенные задачи в этом строительстве. Эти задачи только статистическим, только бухгалтерским методом не разрешить. Нужно дать организационное разрешение этих задач, дать его в плановом порядке, не полагаясь только на самодеятельность масс (она, правда, велика и необходима для нас); нужно дать качественный анализ нашей экономики и определенное экономическое разрешение тех проблем, которые я здесь поставил как основные проблемы.

В разрешении этих директив, в разрешении этих задач, в разрешении этого плана нам необходимо должны помочь наши специалисты, наши инженеры. Тут нужна и заграничная научно-техническая помощь, которая несомненно должна привлекаться.

Я думаю, товарищи, что когда мы этот план развернутых организационных мероприятий перед собой поставим, тогда те наши расчеты, которые в определенных частях весьма скромно нам даны, будут превзойдены. Я всегда являлся сторонником скромных расчетов, я всегда являлся злейшим противником тех, кто наши расчеты представлял в сильно преувеличенном виде. Я всегда выступал против такого перенапряжения наших материальных средств, которое угрожало бы экономическими кризисами, ибо такой экономический кризис был бы для нас величайшим несчастьем. Я лично полагаю, что лучше в этом отношении итти медленно, но равномерно, чем сорваться на быстром темпе и попасть в кризисное положение. Это несомненно величайшая опасность. Но, повторяю, сейчас, в наступающий период, с полной очевидностью ясно, что задачи, которые перед нами стоят в области реконструкции нашего хозяйства, его развития, не разрешимы без планового подхода к тем проблемам, которые я здесь нарисовал. Мне кажется, что их возможно разрешить только при плановой постановке этих проблем. Хотя здесь мы столкнемся с величайшими трудностями, но зато мы получим большие, в том числе и количественные результаты и создадим такую культуру хозяйствования, которая нам необходима и отсутствие которой мы чувствуем сейчас. В эту сторону нам нужно направить наши усилия.

Вот, товарищи, какая задача стоит перед нами как одна из основных задач развития нашего хозяйства и его организации. И повторяю, если мы сумеем сейчас же, немедленно подойти к разрешению этой задачи и на разрешение ее мобилизовать внимание партии, внимание профсоюзов, внимание наших специалистов, мы достигнем тех результатов, которые дадут себя чувствовать немедленно же в смысле определенных достижений, в виде удешевления себестоимости, увеличения массового производства, улучшения благосостояния населения и в

смысле создания хозяйственной культуры, недостаток которой мы так ощутительно чувствуем.

Теперь я обращаюсь к следующему вопросу: темп нашего экономического развития. Мне представляется, что прежде всего нужно очень серьезно проанализировать темп нашего экономического развития и не переоценить его. Мы предполагаем, что в течение пяти лет наше хозяйство будет примерно нарастать по 15% ежегодно. Таков темп нашего экономического развития, главным образом, в отношении промышленности; в отношении сельского хозяйства это более скромная цифра, там мы в течение пяти лет имеем увеличение валовой продукции всего только на 24%, в то время как промышленность, примерно, вырастет в течение пяти лет процентов на 75—76. За последнее время нам указывали на то, что в последний год этот темп значительно выше, чем темп капиталистических стран. Здесь нужно определенно сказать следующее: я был противником того, чтобы все капиталистические страны подводились под общую гребенку и для всех стран давался определенный темп экономического развития. Я не помню, чья статья была в „Большевике"...

(С места.—Мотылева.)

...может быть Мотылева, где взято за последние десять лет, с 1913 г. по 1925 г., примерное нарастание промышленности капиталистических стран и разделено на 10 и таким образом установлен средний темп развития. Так, по-моему, неправильно делать, необходимо оперировать с теми конкретными данными, которые имеются о каждой стране. В отношении США мы имеем значительный темп, а например, Англия наоборот показывает деградацию в своем экономическом развитии и т. д. В общем же капитализм в целом находится в эпохе распада.

Основное заключается в том, что в капиталистических странах кризис является закономерным явлением, и сейчас мы можем наблюдать, как Соединенные штаты на полном ходу въехали в этот экономический кризис. Недавно это переживалось в Германии, вероятно она скоро будет переживать точно такой же кризис и т. д. В капиталистических странах именно этот подъем и падение являются законосообразным явлением, присущим капиталистическому развитию. Мне представляется важным учитывать именно эту закономерность, считаясь, однако, с тем, что в отдельных случаях та или другая капиталистическая страна будет в тот или другой момент обгонять нас. Но на что мы должны обратить внимание,—это на то, что в определенных решающих областях народного хозяйства мы должны взять более быстрый темп, чем окружающие капиталистические страны. Таковыми решающими областями надо считать важнейшие отрасли нашей промышленности; и тут, то возрастание, которое обосновал ВСНХ, отвечает этой задаче.

Несомненно, перед нами стоит в ближайшее время перспектива обострения не только политической, но и экономической борьбы с капиталистическим миром. Должен сказать, что на бывшей экономической конференции в Женеве представители капитализма в этом смысле вполне определенно высказались, делая, однако, палиативные предложения по „плановому“ регулированию хозяйства, которые ни к чему не приводили. Но их высказывания представляют вполне определенный интерес. Так, например, редактор английского „Экономиста“ Лэйтон говорил следующее:

„Вследствие образования в Средней Европе многих мелких государств, таможенные границы увеличились на 11 тыс. километров по сравнению с довоенным положением. Эти мелкие государства с точки зрения экономической являются анахронизмом. Ввиду этого создавшегося нового положения должны быть набросаны новые планы. Но план создания международного механизма для урегулирования экономических вопросов, как это предложил ЖУО, для этого вряд ли пригоден“.

„Еще нельзя предсказать, когда и как произойдет неизбежное столкновение между обеими враждебными экономическими системами. Но мы можем предложить делегатам СССР, чтобы они нам объяснили, какие имеются возможности при нынешних экономических взаимоотношениях для достижения внешней торговлей СССР довоенного уровня“.

Наши взаимоотношения с капиталистическим миром, которые, повидимому, в ближайшие пять лет будут испытывать экономическое обострение, представляют большой интерес. Нам Лэйтон и Лушер задают вопрос—как мы себе представляем дальнейшее регулирование наших отношений с капиталистическим миром. Наш ответ таков—установление более нормальных торговых отношений, чем мы имели до сих пор, т. е. предоставление нам определенных кредитов и займов. Без этого наши экономические отношения с капиталистическим миром будут развиваться крайне медленно.

Тот темп развития, который мы сейчас взяли, те расчеты, которые даны Госпланом относительно пятилетия, и то состояние хозяйства капиталистических стран, которое имелось до сих пор, говорят за то, что в течение пяти лет мы, повидимому, быстрее всего нагоним Францию.

На второй очереди стоит, так сказать, Англия, дальше Германия и совсем далеко от нас отстоят несомненно США. Я только дам один расчет относительно угля. В дореволюционное время мы добывали угля меньше, чем в Англии в 10 раз, меньше чем в Германии в 5 раз, меньше чем во Франции от $1^1/_2$ до 2 раз. В 1926/27 г. это соотношение, т. к. мы достигли довоенного уровня, восстановилось, ибо в это время и капиталистические страны восстановили свое хозяйство. Примерно, если соотношение в развитии будет сохранено такое, которое мы

имели хотя бы на протяжении этих двух лет, то мы, повидимому, в конце пятилетия почти догоним Францию, всего лишь в 3 раза будем иметь меньше, чем в Германии, и в 5 раз меньше, чем в Англии. Это при том условии, если будет сохранен тот темп развития, который мы имели в течение 2 лет как в капиталистических странах, так и у нас, и если оправдаются те расчеты, которые дает нам ВСНХ в смысле развертывания добычи угля.

Такова проблема догоняния капиталистических стран. Но сейчас эта проблема ставит перед нами даже более важную проблему—об усилении взаимоотношений с этими странами, в смысле расширения экономических отношений. В этом случае, повторяю, вопросы займов и кредитов являются теми основными вопросами, при благоприятном разрешении которых мы можем развить эти отношения.

Вся наша пятилетка, весь наш пятилетний план развития народного хозяйства сейчас ставит перед собой. согласно директив XV партийного съезда, задачи сочетания развертывания нашего производства с улучшением благосостояния рабочих и крестьянских масс, т. е. ту проблему, которую капитализм никогда перед собой не ставил и не может ставить. Часто нам говорят, и даже, надо сказать, некоторые профессора из Госплана, что в сущности эти задачи как бы исключают друг друга. Если мы больше даем на благосостояние рабочих, то этим самым мы якобы меньше должны давать на капитальное строительство. Таким образом, эту задачу мы якобы не можем разрешить. Должен сказать, что на этой позиции оказался и т. Преображенский в своей теории противоречий, которую он выдвигал. Там у него тоже улучшение благосостояния, снижение цен противоречат проблеме накопления, а благодаря этому противоречат проблеме индустриализации и т. д. Действительно ли неизбежны эти противоречия в развертывании нашей пятилетки? Мы всегда рассматриваем живую человеческую энергию как резервуар, который создает те материальные ценности, которыми мы пользуемся. В этом отношении подъем благосостояния рабочего класса есть гарантия проведения тех организационных мероприятий по рационализации, по улучшению самих процессов хозяйственной работы, которые перед нами стоят как важнейшие. Без разрешения этих задач мы даже вопросов технического развертывания не сможем разрешить. Поэтому, даже если бы мы подходили только технически, подъем благосостояния рабочих делался бы неизбежным. Но вместе с этим несомненно, что вся наша экономика базируется именно на том, чтобы результаты ее в первую очередь сказывались на благосостоянии рабочих и крестьянских масс, на улучшении их положения, на подъеме культурного уровня. Поэтому наш пятилетний план развития народного хозяйства должен быть в высшей степени связан с этим вопросом. Правда, реальную заработную плату рабочих мы в течение пятилетия думаем увеличить на 50%, а если выкинуть

коммунальные расходы—то по предположению Госплана на 35—37% в течение 5 лет. Но этого недостаточно. Когда мы говорим об улучшении благосостояния рабочих масс, мы этот вопрос должны поставить как определенную систему мероприятий, как определенный целостный комплекс мероприятий.

Больным вопросом будет для нас безработица, больным вопросом будет для нас использование подрастающего рабочего поколения, больным вопросом будет для нас повышение квалификации рабочих масс. Это все вопросы, которые требуют опять-таки своего планового разрешения. Эти вопросы должны быть выделены как определенный отдельный комплекс, требующий отдельных мероприятий и развертывания в плановом порядке, и должны быть внесены в нашу пятилетку. И здесь мы точно так же не должны удовлетвориться предложениями. которые нам до сих пор делались и давались,—они должны быть значительно развернуты.

Товарищи, я не думаю, что все эти мероприятия, все эти расчеты, вся эта работа не может быть нами выполнена. Опыт, который мы имеем в течение десяти лет, говорит за то, что к этой работе мы сейчас можем приступить, можем ее выполнить, если сознаем всю ее необходимость, сознаем, что все наше и экономическое, и культурное, и общественное развитие требует углубления нашей работы, применения тех методов, о которых я говорил, к нашему планированию, к нашим расчетам, к нашей организации. Иначе у нас в этой области будет то, что было когда-то в области экономики в эпоху военного коммунизма, когда мы ставили ударные задачи для достижения определенных количественных результатов. Вы помните, многие, вероятно, из вас помнят, как мы в ударном порядке подкрепляли то или иное отдельное предприятие, ту или иную отдельную область. Но, разумеется, когда в ударном порядке подкрепляется там, где ударяешь или подкрепляешь, то в других местах рвется. А нам нельзя эти разрывы допускать, нам нужно их всемерно избегать. А для того, чтобы их избегать, нам нужна планомерная, систематически организованная работа именно в этом направлении.

Поэтому те задачи, которые определены по социалистическому строительству XV съездом партии, те задачи, которые сейчас определены в предварительных материалах, которые мы имеем, те задачи, которые диктуются нам сейчас конкуренцией, борьбой с капиталистическим миром, требуют от нас углубления нашей работы по организационным мероприятиям, по изменению структуры нашего хозяйствования и по применению планового метода. Экономика является основой всех других сторон нашей жизни, и если мы сможем сдвинуть этот вопрос с места в более широком масштабе, это скажется на всех других областях нашей общественной жизни. Нам надо его сдвинуть так. чтобы мы в ближайшем будущем, в ближайшее время имели опреде-

ленные практические результаты, а с теми недочетами, которые имели место, нужно решительным образом покончить.

Вот, товарищи, задачи, которые, мне кажется, стоят сейчас по выработке наших перспектив и по работе нашей на предстоящее пятилетие. Нам нужно углубить работу в тех новых областях, которые заключаются в рационализации, в улучшении качества всей нашей работы. Эти задачи стоят перед нами, как самые повелительные задачи. Без этого все наши количественные расчеты, статистические прогнозы, бухгалтерские балансы в значительной степени не будут подкреплены именно теми организационными мероприятиями, той системой определенного изменения, реконструкции нашего хозяйствования, которое сейчас диктуется наступившим периодом. В этом будет точно так же заключаться наше социалистическое строительство, как и в том, что мы сейчас меняем нашу техническую базу, как и в том, что мы сейчас усиливаем наш социалистический сектор по сравнению с частно-хозяйственным сектором. В этом будет заключаться наше социалистическое строительство. В эту область нам необходимо внести широкий плановый принцип. Необходимо сосредоточить внимание рабочих масс, внимание профсоюзов, внимание нашей партии на разрешении этой задачи. (*Аплодисменты.*)

СОДОКЛАД С. Г. СТРУМИЛИНА

Выступая в качестве содокладчика т. Милютина на тему о пятилетке, я имел в виду, что может быть мне придется кое в чем дополнить его доклад, а может быть и свое особое мнение заявить по отношению к тем положениям, которые, естественно, бывают в докладах, оценивающих нашу работу, и которые могут не совпадать с нашей собственной оценкой. Для полноты этого освещения, мне кажется желательным, чтобы вы услышали нашу собственную самооценку, т. е. самооценку составителей пятилетки.

Нас критиковали с самых различных сторон, как это уже здесь т. Милютин указывал. И говоря по правде, может быть мы сами могли бы себя критиковать еще более радикально, и во всяком случае критиковать по целому ряду таких пунктов, по которым нас не критикуют. Но я должен сказать, что очень часто, все-таки, когда нас упрекают в тех или других упущениях или дефектах нашей работы, в этих упреках сказывается незнакомство с теми ресурсами, с которыми мы эту работу совершили. Такая переоценка наших возможностей во всяком случае очень часто чувствуется в тех критических отзывах, которые обращены к нам.

Дело в том, товарищи, что эта работа по составлению пятилетки и для нас, для плановых работников, для работников Госплана, представляет собою дело относительно новое. Правда, мы этим делом занимаемся уже третий год, срок как будто бы не малый... (Тов. Крицман. Но дело еще не потеряло интереса новизны.) Да, для нас это дело еще не потеряло интереса новизны, не потеряло потому, что в сущности, такой готовой плановой науки, которую мы могли бы откуда-нибудь позаимствовать с какой-нибудь кафедры одного из наших вузов или даже, пожалуй, и из мировой практики, такой науки еще нет. Нам приходится создавать, в сущности, совершенно новые методы, новые области знания, причем мы учимся, как говорится, на собственных ошибках. И вполне понятно, при этом, что отношение к этим ошибкам у нас несколько иное, чем у тех, кто приходит к нам и оценивает нашу работу со стороны.

Я не буду сейчас останавливаться на дополнении доклада т. Милютина с цифровой стороны, поскольку материалы о пятилетке опубликованы, и новый вариант в основном тоже опубликован и продолжает публиковаться в „Плановом хозяйстве"

Эти материалы будут еще долго публиковаться, так как мы хотим дать возможно больше материала по этому вопросу для того, чтобы с ним могла лучше и легче ознакомиться коллективная мысль и оценить нашу работу. Мне кажется. что моей сегодняшней задачей было бы только оценить, как мы сами составители или, как лично я,—я лучше буду говорить только о себе, так как я не могу говорить за всех, как я—один из составителей этой работы, оцениваю те новые требования, которые нам предъявляет докладчик. В сущности, он очень большие и серьезные требования предъявляет к пятилетке. Он говорит,—и это обвинение мы довольно часто слышим, что основной дефект нашей работы в том виде, как она сейчас представлена, заключается в том, что здесь наблюдается слишком статистический подход, бухгалтерский подход к делу, и чувствуется недостаток экономического анализа, чувствуется недостаток, наконец, в качественной проработке целого ряда больших экономических проблем.

Весьма возможно, что мы сами виноваты в том, что на нас такие упреки сыпятся. Дело в том, что всю лабораторию нашей работы мы сейчас не можем опубликовать, мы не можем предложить ее всеобщему вниманию. В нашей работе мы публикуем лишь свои выводы, и эти выводы действительно находят свое выражение в количественном виде; в результате нашего экономического анализа по той или иной линии народного хозяйства мы должны ведь представить сумму цифровых директив.

Вообще, я не совсем понимаю, можно ли так противополагать количественные моменты качественным моментам в плане, как их противополагал докладчик. Ведь само собой разумеется, что качественный анализ не противополагается и не может быть противополагаем количественному анализу, количественным выводам из какого-нибудь экономического анализа нашего хозяйственного положения, потому что качество, вообще говоря, это лишь недостаточно осознанное количество. Когда мы говорим. что становится теплее или еще холодно, или что мы имеем переход из жидкого состояния в газообразное—эти качественные характеристики могут быть выражены и числом. И тогда они становятся только более точными. Я думаю, что тут вообще напрасно противополагается качественный анализ количественному. Качественный анализ есть только предварительная стадия всякого другого—более точного, более углубленного изучения. И в области экономики точно так же, как это можно сказать про химию,—и это поймет всякий студент, работавший в химической лаборатории, — нельзя сказать количественный анализ раньше качественного. Но если мы имеем только качественный анализ. то у нас имеется только половина знаний, у нас нет полных знаний.

Где, в каком отношении в наших установках должны рассматриваться эти самые качественные моменты? Мы прежде всего думаем, что можно разно подходить к этому. Если иметь в виду

говоря о качественных моментах, организационные мероприятия, организационную структуру и технико-экономический анализ намечаемой реконструкции, тогда, несомненно, можно признать, что этим моментам уделено недостаточное место в нашей пятилетке, во всех ее вариантах.

Это один из тех дефектов, который мы должны будем в дальнейшей работе устранить. Но тут нужно знать и наш подход к этому делу. Прежде всего, мы себе представляем дело так, что построение такой структурной модели того социального уклада, к которому мы должны итти, — это дело генерального плана. В сущности вот то, что сегодня здесь говорил т. Милютин о пятилетке, я помню, год или полтора тому назад, он уже высказал по поводу наших первых контрольных цифр. Обсуждая их, он и тогда находил, что качественная сторона в наших плановых построениях чрезвычайно недостаточна, дефектна и т. д. Но мы ему и тогда говорили и теперь можем повторить, что на наш взгляд полное свое развитие эта качественная структурная часть нашей работы может найти только в генеральном плане. Там должен быть минимум количественных выражений, потому что вообще, когда идет дело о построении перспектив на 10—15 лет, то и по условиям возможностей нашего предвидения на такой срок и по целому ряду других условий, мы отнюдь не собираемся построить какой-нибудь подробный баланс на 15 лет вперед, даже не бухгалтерски-точный, а просто в цифровом выражении. Там, действительно, мы должны обратить самое большое внимание на то, *каким* образом мы перейдем, каким образом мы должны будем перейти к социализму в области сельского хозяйства, о чем здесь говорил докладчик, в области торговли, или, будем говорить иначе, в области распределения и в целом ряде других областей нашего народного хозяйства. Вот там придется уже вполне отчетливо наметить эти пути, хотя бы в *качественных* характеристиках, качественной наметке: *что* нужно делать, *каким* путем мы будем приближаться к социализму в технике, *какую* общую реконструкцию мы должны себе наметить в качестве основной цели, венчающей наш генеральный план. Это все должно найти свое место в генеральном плане. И если бы мы были более счастливы и строили бы пятилетний перспективный план уже после генерального плана,—а наша идея такова, что пятилетний план должен быть *отрезком* генерального плана, только конкретизацией задач, поставленных в генеральном плане,—то тогда, естественно, к нам не пришлось бы применять многих упреков. Но у нас нет еще генерального плана, и мы волей-неволей должны в пятилетке разрешить такие задачи, какие по существу должны быть разрешены в генеральном плане. Мы и разрешаем их, как можем, но разрешаем, очевидно, недостаточно четко и отчетливо для того, чтобы удовлетворить, скажем, тем требованиям, которые к нам предъявил докладчик. И в этом отношении он, вероятно, не вполне удовле-

творится и той дальнейшей работой, которую мы должны завершить в течение года, так как и за это время едва ли мы сумеем закончить генеральный план.

Мы считаем, что основная задача пятилетки—это план капитального строительства. Если у нас имеется структурная модель, к которой мы должны притти в течение генерального плана, то пятилетний план мы строим для того, чтобы обеспечить бесперебойное финансирование тех капитальных затрат, какие намечаются планом, и действительное значение которых может выявиться только в следующих пятилетиях. Таков реальный строительный период для достаточно крупного сооружения, такого, например, как Днепрострой, т. е. способного повлиять на физиономию целого района. С этой точки зрения, основная задача пятилетки,—выделить из наметки генерального плана те крупнейшие и важнейшие сооружения, которые могут и должны быть построены в пятилетний срок, и обосновать программу их финансирования в том отношении, что эта программа действительно в достаточной степени реальна, что она обеспечена соответствующим накоплением и т. д... Все остальное—и темпы развития, которые нами даются, и некоторые попытки сбалансировать не только намечающиеся капитальные затраты с возможными накоплениями, что, само собой разумеется, необходимо, но и, скажем, спрос с предложением и т. д.,—все это является лишь подсобными материалами, на которых мы проверяем, не сделали ли мы в основном плане какой-нибудь крупной ошибки. Задачи бескризисного развития путем построения специальных балансов спроса и предложения и т. п. могут быть сколько-нибудь конкретно разработаны только в планах годовых. В годовом плане это возможно почему? Прежде всего потому, что годовой план составляется с известным урожаем, т. е. нам уже не приходится гадать в той области, в которой мы меньше всего можем предвидеть. Мы должны уже знать этот самый урожай для того, чтобы сказать, как распределить все остальные наши ресурсы, тоже нам заранее данные, чтобы без кризиса осуществить производство и распределение и реально осуществить все наши хозяйственные мероприятия в течение года. Имеются предложения и в пятилетнем плане строить баланс спроса и предложения на каждый год пятилетки. Но мне кажется, что это совершенно утопическая задача. Уже просто потому, что один неурожай, попав не на тот год, на который мы его запроектировали, опрокинет все наши расчеты.

В более широком смысле перспективный план, конечно, не может все-таки ограничиться одной лишь задачей построения плана капитального строительства, т. к. он должен быть, как я уже сказал, отрезком генерального плана. С этой точки зрения он должен дать на данный отрезок времени достаточную конкретизацию в цифровом выражении всей системы экономической политики, намеченной генеральным планом.

Однако, если рассматривать его с этой стороны, то возникает вопрос—можно ли такую конкретизацию мыслить иначе, как в цифровом выражении, и если наша экономическая политика, отраженная в предлагаемых цифрах пятилетки, не оспаривается, то можно ли обвинять ее в отсутствии или дефектах экономического анализа?

Но ведь такого обвинения, что сама экономическая политика, отраженная в наших цифрах, неверна, — такого обвинения со стороны докладчика не было. У нас были другие критики, которые шли в этом отношении гораздо дальше: они как раз указывали,—и поэтому нас очень резко критиковали,— что та экономическая политика, которая отражена в наших цифрах, неправильна. С точки зрения народников, наш план, как они говорят, ведет нас к сверхиндустриализации, а с точки зрения нашей партийной оппозиции мы слышали упреки в том, что в нем отражена политика крохоборчества в противоположном смысле—недоиндустриализации. Об этом можно, конечно, спорить. Но раз вы сами признаете, что в этих цифрах нашла свое выражение правильно намеченная экономическая политика, то по-моему нелогично упрекать нас в недостатке качественного экономического анализа, потому что правильная экономическая политика не может быть намечена по наитию святого духа без углубленного экономического анализа. Значит, он имел место. А если вы будете искать теперь, где же этот экономический анализ имел место, я должен буду сказать, что вот уже на XV партийном съезде мы все совершенно определенно пришли к выводу,—а госпланщики по этому принципу уже и раньше строили свой план,—что пятилетний план следует рассматривать как отрезок партийной программы. Партийная программа предусматривает определенную систему экономической политики, направленную к социализму. Но на данном отрезке времени мало сказать, мы стремимся к социализму, а надо сказать, что мы стремимся к индустриализации страны, к социалистической индустриализации. Мы еще больше конкретизируем эту директиву, обоснованную не только в партийной программе, но и в других партийных документах, например, в директивах к построению пятилетнего плана. Нужно ли было нам для того, чтобы показать, что у нас есть экономический анализ, переписать в свою пятилетку нашу партийную программу и директивы XIV съезда об индустриализации страны и резолюции XV съезда со всем тем, конечно, анализом, который положен в их обоснование. Мне представляется, что мы этого делать не должны были. Правда, некоторые директивы партии формально только теперь на XV съезде даны нам. Но придется ли нам все переделывать теперь заново потому, что мы их не предусмотрели? Нет, не придется. В сущности т. Милютин сам участвовал в составлении этих директив по пятилетнему плану и может засвидетельствовать, точно так же, как и я и многие другие, что может быть не такой четкой фор-

мулировки, не так прекрасно выраженные, но в основном все эти моменты, которые даются нам в директивах XV съезда, уже находились, были положены в основу нашей работы и худо или хорошо уже нашли свое отражение в пятилетке.

Таким образом, я утверждаю, что, несомненно, тот экономический анализ,—если о нем идет речь,—тот экономический анализ, который необходим для того, чтобы построить такую систему качественных установок, т. е. заданий, выраженных в качественных формулировках, какие нам дает резолюция XV съезда, у нас был, мы им руководились в своей работе.

Почему мы это могли сделать? Само собой ясно, почему. Потому что в сущности в этих директивах нет ничего такого абсолютно нового и неожиданного, чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных съездов и руководящих центров. Конечно, все это было нам известно. Но все это не было в достаточной степени просуммировано.

Но если бы нам нужны были только качественные установки, тогда при наличии уже имеющихся директив по построению пятилетки, нам не нужна бы была сама пятилетка, потому что имеются уже все качественные указания, по какому пути мы должны итти, что мы должны делать в той или другой области народного хозяйства, и общие задачи, и более частные задачи, и проблема темпов нашего развития, и все остальные проблемы плана. Недостает лишь цифрового выражения всех этих проблем и заданий.

Есть еще другой момент в указаниях докладчика. Он отмечает у нас еще ряд дефектов, которые он тоже относит к категории качественных моментов. Недостает у нас по его указанию плана стандартизации, недостает хорошо разработанного плана рационализации, в особенности в области труда, плана организации труда, недостаточно разработан вопрос о снижении цен, проблема специализации районов не нашла своего отражения в пятилетке и т. д. Вот это уже конкретная постановка. Но я не думаю, чтобы даже в половине из этих вопросов дело шло о таких проблемах, отсутствие которых может свидетельствовать о недостаточности экономического анализа. Здесь перед нами стоят, главным образом, технико-экономические задачи. Но и они не могут быть разрешены иначе, как в количественном выражении. Несомненно, что каждый из 94 стандартов, о которых здесь говорилось, выражается цифрой, числом и мерою, не иначе. Но здесь будет уже гораздо больше техники, чем экономики. Вот этих технических моментов, действительно, мало в пятилетке, вернее говоря, они недостаточно в ней отражены, по крайней мере в тех результативных таблицах, которые мы даем. В частности, если говорить о стандартизации и рационализации, о которых так печется т. Милютин, и недаром печется, так как это, собственно говоря, специальность Рабкрина, где он работает, то я должен сказать, что если бы нам Рабкрин во время дал

составленный им план стандартизации и рационализации, то мы бы, конечно, его включили в свой план. Дело в том, товарищи, что Госплан не может заменить собой все ведомства. Каждое ведомство в пределах своей компетенции составляет свой план,—например, НКПС дает нам план железнодорожного строительства, ВСНХ—план промышленного строительства и т. д. Мы получаем, таким образом, элементы, которые и стремимся увязать в единый и целостный план. И вот, хотя, повидимому, составление такого плана организационных мероприятий в области стандартизации и рационализации, о котором говорил докладчик, лежит в пределах компетенции Рабкрина и хотя там ведется эта работа, но, к сожалению, там такого плана, о котором говорил т. Милютин, повидимому, еще нет. Мы, по крайней мере, его не нашли, и мы будем очень рады, если в порядке помощи нам Рабкрин даст в течение этого года такие элементы плана, которые в этой области будут им достаточно проработаны и смогут быть включены в наш общий пятилетний план.

Но вот, если говорить о таком мероприятии, как снижение цен, то, конечно, тут нельзя просто сказать, что это мероприятие недостаточно у нас проработано, а нужно конкретно указать, в чем именно заключаются недостатки этой проработки. Здесь менее всего возможно было ограничиться одним лишь качественным анализом. Дело в том, что довольно трудно вообразить себе снижение цен иначе, как в определенном проценте, т. е. в явно цифровом выражении. И было бы в высшей степени смешно, если б мы дали качественную директиву снижения цен, выразив ее не так, как она у нас выражается.

Мы давали такие качественные директивы своим секциям промышленной, сельскохозяйственной и т. д.—мы говорили им, что они должны стараться снизить свои цены так-то и так-то. Больше всего должна была снизить свои цены Стройсекция. Она должна была дать максимальное снижение в течение этих пяти лет, так как наибольшим из всех индексов является индекс строительный. Далее, мы говорили, что снижение цен в области средств производства должно быть больше, чем в области средств потребления. Все эти качественные директивы, которые вытекают из нашего понимания экономических условий, из анализа нашей конкретной экономики, наши секции должны были выразить в определенных цифрах. И они это сделали. И вот мне кажется, что когда т. Милютин говорит, что у нас эта область недостаточно проработана, он имеет в виду другое. Он имеет в виду, что тут недостаточно проведено снижение цен, что при большем углублении, при более углубленном анализе мы могли бы дать большее снижение. Если дело в этом, то тогда нужно противопоставить нашему разрешению вопроса какие-то доказательства того, что оно недостаточно. Но может быть т. Милютин видит это доказательство в том, что Госплан проектирует меньшее снижение цен, чем ВСНХ. Тут дело обстоит немного не так: в

минимальном варианте Госплана, последнем по публикации, намечено снижение на 18%, а по оптимальному варианту, проработанному ВСНХ, на 21%. Эти варианты отличаются тем, что один является более осторожным и рассчитан на худшие условия, он предполагает, что продукции у нас будет меньше, что мы дадим всего только 92% увеличения продукции за эти 5 лет, а другой, который Владимир Павлович Милютин называет весенховским, другой вариант, который мы называем оптимальным, рассчитан на более благоприятные условия и дает 108% прироста для этой продукции, выраженной в физическом ее объеме, без снижения цен. Естественно, что вот этот больший размах продукции позволяет нам дать и большее снижение отпускных цен при прочих равных условиях. Почему? Да потому, что, имея большее количество продукции, мы можем удовлетворить даже при пониженной ее расценке тот потребительский спрос, который нами запроектирован. Нужно сказать, это очень интересно для многих, так как, вероятно, это не все знают, что первоначально намеченное снижение цен запроектировано было совершенно одинаково и в ВСНХ и в Госплане, хотя мы работали совершенно независимо друг от друга. Но когда мы попробовали посмотреть, каковы будут условия для реализации этой продукции, то оказалось, что при тех ценах продукции, которые мы наметили,—у нас было намечено снижение на 20%, а в ВСНХ на 21%,—у нас сохранится такое же тяжелое соотношение между спросом и предложением, какое мы имеем сейчас. Мы не могли, поэтому, сохранить намеченный процент снижения цен при данной продукции. И пришлось остановиться на 18% снижения.

Может быть, это не отражено в наших коротких писаниях. Но, несомненно, что все это было построено на основании известного экономического анализа, того анализа, который мы, конечно, сделали. Вот я вижу, что мне с укоризной показывают в качестве коротких писаний том, в котором 700 страниц (*смех*). Но, товарищи, я все-таки настаиваю, что это чрезвычайно краткое описание (*смех*), потому что по каждому вопросу, каждому отдельному вопросу, ну. взять хотя бы для примера отдел о ценах, вы там найдете всего несколько страниц. Дело в том, что далеко не все то, что было у нас в Госплане проделано по каждому отдельному вопросу, нашло свое отражение в этом томе. В работе участвовало более сотни авторов, и каждому приходилось отводить 5, 8—10 страниц. И зачастую, на этих 5—8 страничках приходилось размещать ту огромную работу, которая была проделана по каждому отдельному вопросу в каждой секции десятками людей. Возьмите, например, весенховскую проектировку (Гинзбурга) по промышленности, там только одна промышленность, а объем такой же, как и у нас, и все-таки ВСНХ не мог на протяжении этих страниц дать значительных экономических комментариев, потому что едва хватило места для изложения самых основных расчетов и выводов.

Ведь наша пятилетка—это результат громадной коллективной работы. Так что тут объем того, что можно напечатать, далеко не отражает той работы, которая проделана. Нам пришлось ограничиться, главным образом, цифровыми выводами и лишь в самых редких случаях удавалось давать к ним комментарии общего характера. Они имеются все же во вводных статьях, в главах об индустриализации, труде, проблеме обобществления. В этих общих статьях показано, между прочим, как мы себе мыслим процессы коллективизации в сельском хозяйстве. И здесь вы найдете ту самую идею контрактации, которая была выдвинута в последнем варианте Госплана. Разве эта идея не является одной из центральных в тех процессах коллективизации, которые мы будем осуществлять. Несомненно так, это уже является общепризнанным, и XV съезд на этом месте сделал ударение, и сам т. Милютин признает большую ценность этой идеи.

Там же выдвинут целый ряд других экономических проблем, которые поставлены нами; может быть они недостаточно развернуты, но они все-таки поставлены в пятилетке. Ведь неслучайно у нас получился 7-часовой рабочий день. Ведь он вытекал из чего-то. Он вытекал из экономической действительности, из оценки тех трудовых ресурсов, которые мы будем иметь, из оценки тех возможностей использования, которые мы можем и должны иметь, и т. д. Это результат определенного экономического анализа. Вы говорите, что в области организации и рационализации труда у нас нет плана. Да, очевидно, можно было дать нечто гораздо более целостное, гораздо более обоснованное. Но нельзя сказать, что в этом отношении, как вы говорите в одном месте, почти нет ничего. Кое-что можно все же найти по этому вопросу в пятилетке ценного, хотя возможно, что одна небольшая ее страничка будет развернута современем талантливым экономистом в целую книгу.

Теперь эта установка на то, что нет или почти нет экономического анализа в работе по пятилетке, приводит к очень интересной проблеме. Нас ведь в этом упрекали с разных сторон. Мы должны себя признать в этом виноватыми. И проф. Кондратьев говорит, что у нас нет экономического анализа. Это очень тягостное для нас совпадение. Но интересно, о каком анализе идет речь в том и другом случае? Одинаковы ли их требования к нам? Возьмем хотя бы того же Кондратьева. Мы говорим, что всякий перспективный план заключает в себе элементы предвидения и предуказания. Кондратьев требует от нас, чтобы, изучая социально-экономические закономерности, мы на основе этого делали какие-то плановые выводы в порядке предвидения. А мы исходим из определенной целевой установки и пользуемся анализом социальных закономерностей лишь для проверки осуществимости поставленных перед собой заданий. Таким образом, по нашему мнению, всякого рода научные прогнозы для нас являются лишь служебным моментом, а целевые установки, которые мы

ставим себе сознательно, директивным моментом,—при построении нашего плана. Конечно, и эти целевые установки, которые вытекают из нашей политической программы, из наших классовых устремлений и т. д.—они должны быть проверены с точки зрения их реальности, не перемахнули ли мы в том или ином отношении,—но нам не приходится спрашивать, чего мы должны хотеть у представителей „объективной" науки. Совершенно иная установка у ученых типа Кондратьева, который хочет сказать, что даже наши цели должны быть выведены из анализа сущего и прошлого. Сущее и прошлое целиком должны определить наше будущее. У нас в Госплане эту точку зрения поддерживал В. Г. Громан, который считает ее марксистски обоснованной. Он говорит, что именно таким образом Маркс определял ту цель, к которой должен стремиться пролетариат — социализм. Социализм объективно вытекает из изучения сущего и прошлого капиталистического общества. Социализм-то действительно вытекает из этого анализа, но тут не нужно забывать, что тем не менее те выводы, которые сделал Маркс, совсем не представляются обязательными ни для Мильерана, ни для Муссолини, хотя они и штудировали когда-то Маркса. А пролетариат их приемлет даже без изучения „Капитала" Маркса.

Очевидно, здесь вопрос заключается вовсе не только в том, что мы можем вывести „объективно". Каждый класс имеет определенные целевые установки, определенные идеалы, объективно вытекающие из его классового положения, а не из той или иной научной доктрины. И если бы пролетариату какой-нибудь „независимый" ученый попытался навязать антипролетарские устремления, то он их не принял бы, несмотря на какую угодно псевдо-научную их видимость. Если бы ему пытался Кондратьев доказать, что совсем не к индустриализации, а к аграризации должно итти наше общество, исходя из наших возможностей, то пролетариат отверг бы эту установку точно так же, как он отвергает, не мудрствуя лукаво, тех мудрецов, которые говорят, что социализм нельзя построить в нашей стране потому, что по объективным условиям мы недостаточно еще для этого созрели. Громан недооценивает этого, выдвигая свой „примат генетики над телеологией". Из генетики,—говорит он,—должна вытекать цель. Мы, конечно, могли бы поставить этот вопрос так, как он стоял в 90-х гг. прошлого столетия, когда между народниками и марксистами шел спор о границах свободы и необходимости, и говорить, что все обусловлено, обусловлены и наши устремления и наши целевые установки. Но мы не должны забывать об одном, что когда мы имеем дело с капиталистическим обществом, где воля и интересы отдельных классов взаимно сталкиваются, взаимно противоречат друг другу, то равнодействующая их, объективно, с т и х и й н о складывающееся соотношение может быть получено лишь путем изучения, одного только изучения этих классовых, социальных соотношений. Но после социалистической

революции в той стране, где мы как раз не имеем этой стихии, где мы эту стихию преодолеваем, где мы имеем организованный в диктатуру пролетариата класс производителей, можем ли мы не учитывать его волю как одно из слагаемых и весьма решающее слагаемое в том направлении, в каком будет двигаться общественный процесс. Совершенно очевидно, что тут меняются условия, тут эта воля, эта целевая установка класса сама является одним из факторов, и ее значение никак не приходится игнорировать в плановой работе.

В конце концов ведь дело ставится так: мы всегда говорим, что бытие определяет сознание, а здесь нам хотят сказать, что сознание наше, т. е. научный прогноз „независимых" ученых, устанавливая, куда мы должны итти, должно определить наше грядущее бытие.

Есть в этом отношении еще одна точка зрения в наших внутренних госплановских спорах. Ее выдвигает В. А. Базаров. Он очень философски образованный человек, поэтому он говорит: гносеологически нельзя говорить о примате генетики над телеологией, это совершенно автономные, независимые друг от друга области. Для него совершенно достаточно, если мы для этой генетики обеспечиваем ее полную независимость от целевых установок. Но посмотрим, все-таки, к чему это приводит. Приводит это, прежде всего, к следующему. В. А. Базаров критиковал нашу пятилетку в толстом издании и теперь в тонких изданиях точно так же критикует с той точки зрения, что мы взяли неправильный уклон в области индустриализации страны. Он это называет „поверхностной индустриальной экспансией". Так вот, эта поверхностная индустриальная экспансия диктуется с его точки зрения „автаркической концепцией" в области международных отношений. Мы знаем, что это такое. Это та самая автаркическая концепция, которую т. Сталин защищал на XIV съезде и которая сводится к тому, что при нашем международном положении мы должны стремиться возможно скорее обеспечить нашу экономическую независимость от капиталистического окружения. Он критикует эту установку с той точки зрения, что международное разделение труда при такой концепции невозможно, оно чрезвычайно ограничивается. Мы, правда, не отказываемся от продолжения и даже расширения наших международных связей, но лишь постольку, поскольку это нашу независимость усиливает, а не ослабляет. Он говорит: это не так. Благодаря тому, что вы стремитесь к автаркии, вы должны стремиться переносить к нам все те производства, какие имеют уже чрезвычайно большой успех на Западе в капиталистических странах и которые не имеют больших шансов в ближайшее время быть поставленными у нас как массовое производство; вследствие этого, мы, естественно, растрачиваем напрасно силы. И вот он такую диктует методологическую концепцию. Он говорит: вы должны строить теперь варианты плана, исходя не только

из одной целевой установки на эту самую поверхностную индустриализацию, но параллельно с этим дать и вариант с установкой на международное разделение труда. Посмотрите, какие это дает экономические результаты, и тогда такой анализ покажет вам, чего вы должны хотеть.

Вот иллюстрация того, как достаточно даже независимости этой самой генетической точки зрения, чтобы поставить под „сумление" определенные, очень твердые, казалось бы, наши установки.

Само собой разумеется, заранее говорили мы в этих спорах: совершенно ясно, таким образом вы побьете все постановления и XV и XIV съездов. Само собою разумеется, что если возможно международное разделение труда, если это возможный путь, то он даст наилучшие результаты. Мы не будем строить авиационных заводов, будем покупать за границей летательные аппараты. Ведь некоторые товарищи говорили, что авиационные аппараты обходятся у нас в 2—3 раза дороже, чем за границей.

Но пока что мы все-таки построили авиационные заводы. И мы в псевдо-сталинских статьях читаем, что большевики уже „господствуют на небесах" благодаря этому обстоятельству. Это кое-что для нас значит. А если бы мы пошли по установке, которая арифметически вытекает из предложений т. Базарова, мы бы не должны были ни тракторы вводить, ни авиационные аппараты строить, ни многое, что нам пригодится в случае блокады, разрыва, военных осложнений. Но, к сожалению, нам никакой гарантии Владимир Александрович Базаров не может дать, что этот разрыв не последует. Мы имеем определенную целевую установку, которая нам диктует, что нам таких вариантов и разрабатывать незачем, потому что мы заранее знаем, что они будут выглядеть очень хорошо, но мы не сможем их применить.

Само собой разумеется, что я говорю это только потому, что той своей установкой, которая упрекает нас за недостаточный экономический анализ прошлого и сущего, т. Милютин льет, конечно, воду на мельницу таких независимых ученых, которые хотят диктатуры этого генетического анализа, желают поставить его выше всяких целевых установок. А к чему это, между прочим, приводит? Интересно в качестве иллюстрации привести еще один пример. В тех же наших внутренних спорах В. Г. Громан провозглашает еще один принцип: примат развития производительных сил над целевой установкой движения к социализму и другими задачами, которые у нас стоят.

Мы говорим, что нам вовсе не все равно, куда эти производительные силы развиваются, мы хотим, чтобы они развивались по направлению к социализму. Мы ставим себе определенную задачу, чтобы они развивались, во-первых, к социализму, во-вторых,—к увеличению благосостояния трудящихся в настоящий момент и, в-третьих,—чтобы они повышали нашу обороноспособность. Он говорит, что это теоретически неправильно, что можно

себе представить очень легко такие моменты, когда мы согласны будем, скажем, на то, чтобы наш обобществленный сектор вовсе не развивался, что мы даже найдем возможным на год-два отойти на шаг, отступить так, как мы отступили в эпоху перехода к нэпу, отступить от наших социалистических позиций, но что мы никогда и нигде не сможем отступить в направлении снижения наших производительных сил. Увеличение наших производительных сил, их расширение—это должно быть всегда нашим руководящим началом. Производительные силы всегда должны расти.

Вот такой струвианский подход,—по-моему, это несомненно струвианский подход,—является неверным и с точки зрения той критики, которую дает Владимир Густавович Громан.

Возможно, что будут такие моменты, когда мы скажем: мы отступаем в области социализма на годы и годы. Возможно, что нам придется это сделать. Но разве у нас не бывает таких моментов, когда мы идем на известные жертвы и производительными силами. Разве их не требует прежде всего сама эпоха социальной революции. Ведь мы не мальчики, мы прекрасно понимаем, что если мы идем на социальную революцию, то мы тем самым идем в течение ряда лет на понижение, на разрушение производительных сил, на попятное движение в этой области. Во имя чего же мы это делаем? Во имя социализма.

Таким образом, совершенно ясно, что если уже говорить о всяких приматах, то приматом для нас будет вовсе не развитие производительных сил как таковое,—оно ведь не само для себя, оно у нас является только средством, а не целью, его нельзя превращать в самоцель.

Точно так же совершенно ясно, что могут быть такие моменты и впредь, и не только теперь, когда, скажем, необходимость обороны от интервенции какой-нибудь капиталистической страны заставит нас, давая определенные суммы на оборону, тем самым задерживать темп развертывания наших производительных сил. И в случае войны мы не только произведем такую задержку, но мы произведем попятное движение. Ведь если бы мы провозгласили такой принцип—непременное движение вперед, всегда в сторону развития производительных сил, то, пожалуй, нам лучше было бы помириться со многими очень далеко идущими требованиями со стороны того же самого капиталистического мира, когда бы он под угрозой войны потребовал прекращения монополии внешней торговли или каких-либо других в этом отношении уступок. Вероятно, такой случай нам мог бы встретиться.

Вот почему мне кажется, что нужно было все-таки разделить тот лагерь, который критикует нашу пятилетку. Лучше уже точнее разграничить те идеологические фронты, на которых нам следует бороться за пятилетку. И если здесь будут бороться против нее с точки зрения приматов генетики над телеологией, производительных сил над движением к социализму и т. д., то нужно, чтобы голоса, которые критикуют ее, с другой стороны,

не смешивались с первыми. Я понимаю критику т. Милютина так, что у нас нет, по его мнению, достаточного экономического анализа. Но он не утверждает, что мы исходили из неправильного экономического анализа, из неправильной экономической установки, как это выходит по Кондратьеву. И это их разделяет. Но еще важнее установить то, что было установлено в тезисах XV партсъезда, что все-таки целевая установка, которая дается нам всей нашей экономической обстановкой и нашим классовым положением в международном масштабе и внутри страны, является для нас организующим, главенствующим принципом, по отношению к которому наука, несмотря на высокое звание этой особы, и все остальные вспомогательные средства являются только служанками. (*Аплодисменты.*)

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

РЕЧЬ ТОВ. БЕССОНОВА

Я хотел бы затронуть одну часть проблемы, на которой В. П. Милютин остановился мимоходом. Тов. Милютин развернул здесь проблемы количественной и качественной характеристики перспективного плана, пространственной его ориентации и развития плана во времени, т. е. проблему темпа. Я позволю себе остановиться на той стороне перспективного плана, которая затрагивается во всех без исключения работах по перспективному плану, но которая практически еще не разработана. Я имею в виду пространственную ориентировку перспективного плана.

Каковы бы ни были прошлые судьбы русской промышленности и русского сельского хозяйства, они дошли до нас в виде пространственно-застывших масс основного капитала, с сосредоточенными вокруг этих масс людскими поселениями. Спрашивается, теперь эта пространственная конфигурация, доставшаяся нам от капиталистического строя, соответствует или нет тем отношениям производства, распределения и обмена, которые у нас в советском строе сложились? Совершенно очевидно, что в некоторой и притом значительной части соответствует. Иначе советская система не могла бы существовать. Но в некоторой, и тоже немалой части, бесспорно, не соответствует и не может соответствовать, потому что старый основной капитал слагался в старых русских условиях, в условиях буржуазно-помещичьей России и к этим условиям приспособился в полной степени.

Теперь перед нами стоит проблема создания нового материального костяка, нового основного капитала, который полностью соответствовал бы *нашим* социальным формам.

И вот, товарищи, я ставлю перед собою следующий вопрос. За эти пять лет мы должны вложить в нашу промышленность, в наше сельское хозяйство, в жилищное строительство—словом, в народное хозяйство в целом около 20 млрд. рублей. Это почти удвоение того основного капитала, который у нас имелся до сего времени, создание, так сказать, второго материального костяка сверх того, который нам достался от старого строя. Спрашивается, этот новый материальный костяк, который мы должны за пятилетие создать, количественно и качественно приспособить к *нашему* строю, мы его пространственно расположим по старому костяку или иначе? Стоит так поставить

вопрос, чтобы видеть, что мы должны его расположить в ряде случаев иначе. Почему? Потому что старые вложения основного капитала, старые пространственные соотношения не всегда могут быть нами признаны идеальными. Они складывались отнюдь не под воздействием одних только факторов естественного внеисторического порядка. На них в высокой степени отразилась та специфическая общественная структура, в которой это пространственное расположение основного капитала складывалось. Другими словами, мы пока что имеем не советскую, а буржуазно-помещичью географию производительных сил.

Должен сказать, однако, что в значительной части, когда мы подходим к проблеме районной характеристики в нашем перспективном плане, к проблеме, которая, по общим отзывам, составляет самое слабое место наших планов, мы сталкиваемся по сути дела с неразрешимой задачей. Мы хотим пространственно ориентировать наш перспективный план в 20 млрд. рублей капитальных вложений. Не только количественно, но и качественно, не только во времени приспособить его к потребностям нашего общественного строя, но и пространственно его расположить так, чтобы это была наиболее целесообразная, научно обоснованная конфигурация вложений. Но для того, чтобы определить эту конфигурацию, мы вынуждены брать измеритель или показатель, вышедший целиком из старого строя и абсолютно для нее непригодный.

Когда вы читаете промышленную пятилетку ВСНХ и видите, что капитальные вложения в том или другом районе определяются минимальными издержками производства в этом районе, то строго говоря, этот критерий совершенно недостаточен. Почему? Потому что мы, кроме минимальных издержек производства, должны иметь еще в виду и минимальные издержки транспорта. А между тем правильного представления о минимальных издержках транспорта не может быть в наших условиях потому, что тарифная система, которую мы сейчас имеем, не есть тарифная система, покоящаяся на издержках транспорта или каким-нибудь образом с этими издержками связанная. Наоборот, наша тарифная система покоится на принципе платежеспособности. А что такое принцип платежеспособности? Продукт австрийской теории предельной полезности, порожденной в условиях монополистического капитализма. Этот принцип, унаследованный нами от довоенных тарифных систем, вместе с собою принес к нам и все довоенные соотношения тарифных ставок. Мы ориентируем практически наши тарифы на довоенные тарифные ставки. Тем самым новые капитальные вложения, считающиеся с тарифными ставками как основным показателем пространственной ориентировки, ориентируются в действительности на районы старых капитальных вложений.

Однако старые капитальные вложения и старые районы представляли из себя результат борьбы капиталистических

группировок. Крупная промышленность,—промышленность тяжелая,—добивалась пониженных тарифных ставок, и в результате мы получили совершенно иную конфигурацию основного капитала, чем та, которая должна была бы быть, если бы тарифы строились на принципе издержек производства.

Таким образом, сохраняя довоенную тарифную систему, мы по сути дела воспроизводим, без всяких к тому оснований, довоенное соотношение сил между районами и отраслями промышленности, оставляя в основе тарифной системы принцип платежеспособности, т. е. принцип ценообразования на основе борьбы между продавцом и покупателем, мы обрекаем наши районы на борьбу между собою. Борьба районов, существовавшая в капиталистическом мире, неминуемо будет существовать и у нас при этих условиях.

Когда на XV партийном съезде т. Куйбышев сказал, что мы должны будем нашу промышленность потихоньку передвигать на Восток, его немедленно взяли „в обработку" представители центральной промышленности России:—„Ага, вы хотите Москву превратить в город чиновников!" За свое положение будет бороться Украина, будет бороться Урал. И когда вы в Госплане получите планы всех отдельных республик и районов и попытаетесь их согласовать, то прежде всего произойдет драка районов. На основе какого принципа она будет разрешаться? На основе принципа платежеспособности. Но ведь принцип платежеспособности очень гибкая вещь; так как это принцип силы, то его можно приспособить к потребностям любого района. Захотите вы—и завтра любой район можно поставить благодаря этому принципу в наиболее благоприятные условия. Таким образом, вы вращаетесь в порочном кругу и, желая построить рациональный план, строите его по сути дела на произвольной основе.

Что касается пространственной характеристики плана, то я думаю, что единственным способом рационально построить план в районном разрезе, единственным путем, который даст нам возможность разумно ориентировать в пространстве наши огромные капитальные вложения, является путь перехода от теперешней тарифной системы, покоящейся фактически на произволе, на теоретически и практически чуждом для нас принципе платежеспособности,—к тарифной системе, построенной в основном на принципе реальной стоимости транспортной продукции. Только в этом случае мы можем получить правильное представление о действительном соотношении районов.

Нельзя, однако, не отметить, что переход с принципа платежеспособности на принцип себестоимости вещь очень тяжелая. Представьте себе, что вы завтра переведете тарифную систему с принципа платежеспособности на принцип себестоимости. Что это значит? Это значит, что товарные потоки, питающие страну, либо совершенно прекратятся, либо изменят свое направление. Это значит, что донецкий уголь, который сейчас перевозится по

1/150 копейки в Ленинград, стал бы перевозиться по 1/40 копейки и дороже, и мы стали бы перед проблемой либо направления его на другой какой-нибудь рынок, либо перед проблемой холостой работы значительной части основного капитала Донецкого угольного бассейна. Таким образом, переход с принципа платежеспособности на принцип стоимости по транспорту предрешает до известной степени судьбу громадных капитальных вложений. Поэтому-то он должен быть совершен с необходимой осторожностью, необходимой плановой увязкою наших мероприятий во всех направлениях, чтобы обеспечить безболезненный переход народного хозяйства со старых рельсов на новые.

Я думаю, товарищи, что этот вопрос должен быть включен в качестве одного из серьезнейших вопросов в разработку перспективного плана, потому что, каковы бы ни были качественная и количественная характеристики этого перспективного плана, каково бы ни было его определение во времени, перспективный план не может быть построен без характеристики пространственной. Пространственная характеристика ближе, ярче и сильнее всего интересует массы, когда они обсуждают вопросы капитального строительства, потому что массы не знают строительства вне пространства, а строительство в пространстве нельзя вести правильно, если опираться на платежеспособные тарифы.

РЕЧЬ ТОВ. ЛЯЩЕНКО

Я с некоторым сомнением выступаю сейчас на этой кафедре, так как в сущности говоря я однажды уже выступал здесь по докладу совершенно аналогичного характера. В прошлом году, весною, в Ком. академии, как, может быть, многие из присутствующих здесь помнят, был также доклад Струмилина, затем был специальный доклад по перспективному плану сельского хозяйства — доклад Вишневского. И вот в этих прениях я выступал с своими замечаниями. Мои выступления, как тоже многим читателям „Аграрного фронта“ известно, были напечатаны в № 7 „На аграрном фронте“ за прошлый год. Поэтому ~~я предполагаю своим настоя~~щим выступлением лишь увязать те свои возражения, которые я в прошлый раз делал, в общую цельную систему, ибо мои возражения, вследствие летнего времени, тогда остались без ответа, и в частности ни со стороны т. Вишневского по вопросам о плане сельского хозяйства, ни со стороны т. Струмилина по общим вопросам я ответа на свои замечания не слышал. Я рассчитываю здесь вновь поставить, в частности перед т. Струмилиным, эти вопросы. К сожалению, для многих из здесь присутствующих я буду повторяться. Они, возможно, уже знакомы с ними по уже напечатанной стенограмме. К сожалению, самого Струмилина здесь нет, но надеюсь, что он сочтет мое выступление преследующим именно такую цель, чтобы дать на него свои ответы.

После этих замечаний я весьма кратко в сравнении с теми возражениями, весьма подробными, которые я тогда делал, вновь только поставлю эти вопросы, но ожидаю со стороны работников Госплана, и в частности, от Струмилина, услышать на них более детальные указания.

Я полагаю, что в настоящей стадии рассмотрения 5-летнего плана, а также по тому направлению, которое это рассмотрение может принять в Ком. академии, мы, конечно, не можем задаваться целью детальной критики, а тем более детальной цифровой проверки тех подробных расчетов, которые в этом весьма обширном плане, в томе в 800 страниц, приведены. Эта проверка требовала бы большой, длительной работы. Эту проверку совершенно невозможно, конечно, провести здесь в такой большой аудитории, так как она требует более кабинетной большой счетной работы с карандашом в руках. Поэтому здесь о цифрах спорить, конечно, невозможно. Правда в литературе, уже довольно большой, появившейся по этому плану еще прошлой весной, имеются уже специальные расчеты, которые производились ведомствами, в частности, НКЗемом, ВСНХ и другими. В этих подсчетах имеются некоторые указания на те или иные неувязки цифровых подсчетов этого плана в смысле, например, хотя бы такого явления, на которое указывают подсчеты НКЗема, что в этом плане развертывания сельского хозяйства по зерновым и другим культурам предвидятся прямые неувязки в смысле баланса потребления и производства, в смысле возможности превращения Союза к концу пятилетия в страну импортную. Но о правильности таких подсчетов я не могу здесь судить, и поэтому я не буду останавливаться на этих вопросах. Я остановлюсь лишь на основных принципах, которые положены в основу построения плана. Второе замечание, которое я предварительно должен сделать, это ответ на указание, которое было сделано самим Струмилиным в предыдущем его докладе и повторено было здесь — именно необходимость „дружественной" критики, приемлющей самые основы и принципы планирования и планового хозяйства как важнейшего момента социалистического строительства. Эти мотивы были достаточно подробно развернуты и в сегодняшнем докладе т. Милютина. Я исхожу, как и раньше исходил, из „дружественной критики" в указанном смысле. Поэтому те возражения, которые я делал и буду делать здесь, прежде всего исходят из задач планового хозяйства, из задач необходимости развития этой плановости, а не из отрицания, открытого или скрытого, этой идеи. С другой стороны, эта „дружественность" критики будет заключаться именно в том, что эта критика не будет построена на тех основах, о которых упоминал т. Милютин в своем докладе, когда под флагом необходимости развития производительных сил, в абсолютном их понимании, некоторые критики отрицают вместе с тем и другую чрезвычайно важную сторону вообще перспективных планов

развития и планового хозяйства, именно переустройство всей структуры общественного хозяйства в смысле приближения к социализму.

Я должен только указать, что В. П. Милютин, в частности, не вполне прав, когда почти всех этих критиков или большую часть их берет за одни скобки „неонародников", причисляя туда, например, и проф. Кондратьева, наиболее ярко выступавшего с критикой этого плана. Конечно, проф. Кондратьев не только не принадлежит к неонародникам, но наоборот — представляет достаточно определенную фигуру другого направления. В своей критике он в значительной степени уклоняется от той, которая проводилась другими авторами, исходившими действительно из так называемых неонароднических построений и по отношению к крестьянскому сельскому хозяйству.

После этих общих замечаний я укажу на несколько основных принципов, с которыми здесь, по-моему, только и можно подходить к критике плана, именно, с точки зрения критики принципов, положенных в основу перспективного плана.

Прежде всего, понятно, нужно спросить, что должен представлять из себя этот перспективный план, и каким общим задачам, общим целям, социально-экономическим построениям он должен отвечать. Эти задачи совершенно определенно на первой же странице перспективного плана указываются. Я должен сказать, товарищи, что несмотря на то, что эта работа в 800 страниц уже издана целый год и даже больше, тем не менее, как мне кажется, далеко не все могли и имели возможность ее проштудировать достаточно внимательно или даже с ней познакомиться. Поэтому приходится не только останавливаться на некоторых основных положениях, но и точно цитировать различные определения и фактические указания этого плана для того, чтобы подтвердить определенным образом правильность своих положений, не ограничиваясь иногда несколькими неопределенными формулировками этих положений в устных заслушанных докладах.

Так вот, задачи этого перспективного плана самими авторами определяются так: „задача построения перспективного плана СССР в настоящий момент может быть сформулирована, как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные ресурсы страны, которая в оптимальной степени обеспечивала бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма".

Вот формулировка, которая положена в основу как основная задача перспективного плана, формулировка, которая, конечно, по своей четкости и ясности не заставляет желать ничего лучшего. Под ней, конечно, необходимо вполне подписаться. Тем не

менее, в дальнейшем необходимо прежде всего расчленить содержание этой основной задачи и посмотреть, насколько отдельные основные части этой задачи осуществлены перспективным планом.

Опять-таки, подходя к этой задаче как к принципиальной общей установке, я просил бы обратить внимание на то, что в этой формуле, если вы ее внимательно просмотрите, имеются три основных задачи. Прежде всего, задача технического характера, которая называется задачей реконструктивной, или задачей „перераспределения материальных ресурсов страны“, т. е. перераспределения тех материальных производительных сил и средств производства, которые имеются в настоящее время, того, что есть, что так или иначе, следовательно, является данным и только требует технической реконструкции, технического совершенствования, перераспределения и т. п. Затем в этой общей задаче имеется вторая задача, которая может быть названа экономической задачей, задача, которая сводится в конечном счете, выражаясь словами самой формулировки,—„к расширенному воспроизводству“, т. е. к развитию производительных сил в более быстром темпе и более обширном размере, чем имеется. И наконец, имеется еще и третья задача, которая могла бы быть названа по моему мнению, задачей социального порядка, это задача „переустройства общества на началах социализма и коммунизма“, задача, вытекающая из предшествующих задач материально-технического и экономического характера и поэтому лежащих в основе этой третьей социальной задачи.

Переходя, далее, к вопросу о том, в каком смысле понимаются и выполняются планом эти задачи, и обращаясь к источникам и методам выполнения их, необходимо опять-таки обратиться к подлинному перспективному плану и посмотреть, как он формулирует методы и осуществление этих задач. Перспективный план дает совершенно определенную и точную формулировку метода, который положен им в основу и который проходит красной методологической нитью через весь план. Он, по словам составителей плана, заключается в следующем. Констатируя недостаточность чисто-статистического метода экстраполяций, на основе которых не построишь нового общественного строя, составители плана говорят: «там, где дело идет о сознательном творчестве нового будущего (а у нас разговор идет об этом), необходимы методы инженерной проектировки новых социальных конструкций на основании тех или других плановых заданий“.

В этой формулировке, товарищи, отражаются именно те споры, о которых говорил прошлый раз т. Струмилин и которые заключались в приложении к планированию формально-статистического метода и метода, который выдвигал в работах Госплана т. Громан. Метод этот заключается в статистической экстраполяции, когда путем построения статистического ряда на основе динамики прошлого выводится продолжение статисти-

ческой кривой на будущее и, таким образом, устанавливаются пути дальнейшего экономического развития. Вот этот метод (который, если не ошибаюсь, по словам Струмилина, поддерживался в Госплане Громаном) был совершенно справедливо отвергнут. Этот метод и был заменен методом „инженерной проектировки новых социальных конструкций". Я полагаю, однако, что и этот „метод инженерной проектировки" вообще может быть тут применен только лишь для освещения первой основной технической задачи, поставленной планом, но никоим образом он не может быть применим в том смысле, как он тут формулируется в плане, как метод „проектировки новых социальных конструкций". Строить перспективный план без точного учета и анализа всех меняющихся социальных условий, хотя бы в пределах пятилетия, а с помощью „инженерных проектировок" на основе просто определенных „заданий", с помощью цифровых технических расчетов, — это метод совершенно неправильный, метод немарксистский. Для выяснения социальных условий и социально-экономических перспектив в какой-либо области хозяйства военной жизни или во всей ее совокупности, конечно, мы не можем исходить из простой „инженерной проектировки", из простых технических расчетов и моделей, на основании каких-либо определенных заданий, так как в этом случае дело свелось бы именно к простым, часто необоснованным и во всяком случае не ясным по своим источникам подсчетам. И, действительно, читателю „перспектив" даются иногда очень точные и чрезвычайно детально разработанные цифровые выражения плановых предположений, но ставят его перед недоуменным вопросом о том, каково же внутреннее обоснование этих предположений, каковы действительные социальные силы развития тех или иных явлений, которые выражаются в этих числах.

И поэтому во всем дальнейшем плане этот „метод инженерной проектировки" дает действительно то, что количественная сторона, как выражался т. Милютин, получает здесь совершенно законченный и как будто бы вполне удовлетворительный вид; но именно „качественное" содержание (качественное я понимаю в широком смысле слова, т. е. включая сюда и то социальное содержание, которое должно вместиться в это цифровое выражение), в этих цифрах, в этой инженерной проектировке, остается далеко недостаточным. При обилии и точности всех этих цифр все они остаются совершенно необоснованными. Поэтому я в частности вполне могу согласиться с теми возражениями, которые сделал т. Милютин, указывая на недостаточность „качественного обоснования" в этом плане, как он выражался. Причем я принимаю это выражение в том смысле, что в плане нет внутреннего социального и экономического анализа, который заменяется только законченной, определенной цифрой, ничем необоснованной. Действительно, если вы посмотрите на план, то во всех его частях пестрят, например,

такие выражения. То или иное развитие отдельной отрасли хозяйства „предусматривается“ в каком-то размере. Развитие производства, рост хозяйства, рост товарооборота, размер финансирования до определенных размеров, все это, как выражается план, „предусматривается“. Вот это слово „предусматривается“ встречается на каждой странице, но если вы захотите узнать, почему это „предусмотрение“ здесь имеется, то вы не найдете никакого экономического анализа и экономического обоснования этих цифр. С другой стороны, нет и социально-экономического анализа тех последствий и тех выводов, которые из этих цифр следуют. Правда, т. Струмилин здесь говорил, что работа у них в этом отношении проведена громадная, что каждая страница плана и каждая небольшая часть плана, занимающая две-три страницы, является результатом и экстрактом громаднейшей работы, совершенной десятками специалистов в течение чуть не целого года и представляет собою также результат массы черновой работы аналитического характера. Все это, вероятно, так и есть, но, к сожалению, вся эта работа для читателей и для нас представляется скрытой потому, что в тех обоснованиях, которые в плане имеются, эта работа не видна, а вместо нее даются голые цифры, часто сметно-ведомственного характера.

Другое возражение, на которое указывал т. Струмилин, заключалось в следующем. Мы, говорит он, дали перспективный пятилетний план, где эти общие обоснования и не должны иметь места. По его словам, получается такое соотношение отдельных частей плановой работы Госплана. С одной стороны, генеральный план, который дает общие генеральные перспективы, примерно для отрезка лет, исчисляемого десятилетиями. Здесь даются вместе с тем и требуемый социально-экономический анализ и определенные социально-экономические перспективы тех новых отношений, которые на этом большом отрезке лет будут иметь место. Для пятилетнего же плана этого не требуется, и потому все общие обоснования там отсутствуют точно так же, как в контрольных цифрах; т. е. в годовом отрезке того же перспективного плана. Я не могу с этим согласиться потому, что и для пятилетнего отрезка планирования, конечно, необходимы обоснования социально-экономического содержания тех перестроений, которые в плане предполагаются, а не только выражение их простыми „моделями“ и цифрами. При этом нужно указать, что этот печатный труд Госплана и самим Госпланом называется не „Перспективным планом“, а „Материалами к плану“. Этим изменением названия Госплан, очевидно, желал указать на то, что в нем имеется не столько строго сведенная система хозяйственного и социально-экономического переустройства, сколько отдельные части этой будущей работы. С этим можно было бы согласиться. Но даже рассматривая эту работу как „материалы“ для перспективного плана, все же чувствуешь недостаточность развития общих начал, общих принципов, по которым должно производиться переустрой-

ство хозяйства. А с другой стороны, загромождение такими материалами, такими вещами, которые никакого отношения ни к перспективному плану, ни к плановому хозяйству не имеют и представляют собою лишь просто ведомственные сметы, бухгалтерские подсчеты, которые при своей часто мелочности не имеют для планирования никакого значения. Я указывал в своей статье на целый ряд таких вещей, но и во многих других частях работы имеются пространные подсчеты, которые имеют к плану очень отдаленное отношение. Например, такой мелочный расход, как ассигнование на ремонт вентиляции в почтамте 50 000 руб., на ремонт почтовых сумок для письменосцев, подробный расчет замощения улиц в 1931 г. и их стоимости, или такой малоотносящийся к усвоению основных принципов построения финансового плана, как расчет числа телеграмм, которые будут посланы в 1931 г. и среднего числа слов в них и т. д. Все это находит место „в перспективном плане", но всем этим очень мало характеризуются основные принципы, которые были положены в основу этого плана для выполнения основных поставленных им задач бескризисного расширенного воспроизводства и социалистического строительства.

Необходимо, впрочем, сказать, что такого рода принципы имеются в плане, но они представляют из себя большей частью лишь простые декларации. Таким образом, с одной стороны, в плане голые цифры и необоснованные и неанализируемые расчеты, а с другой,—простые декларации основных принципов, высказанные иногда в двух-трех строках. Нельзя не согласиться с тем, что эти общие принципы, во-первых, недостаточно четко выражены, а во-вторых, эти декларации совершенно оторваны от реальных цифровых перспектив, которые в плане здесь имеются, и не являются обоснованием их.

Действительно, переходя к реальным подсчетам плана, мы встречаем единственное обоснование всех его цифровых выражений: „предусматривается". Как и почему они „предусматриваются" и почему нужно в плане такие мелочи предусматривать. Если эти мелочные подсчеты были нужны, то они могли бы найти место в таких работах, которые можно бы и не публиковать. А в тех работах, которые опубликовываются, нужно давать общие обоснования и анализы, потому что это является самой основной первой задачей в построении перспективного плана. В результате указанного неправильного подхода многие отдельные части и отдельные цифровые характеристики плана, если их рассмотреть с точки зрения обоснованности, представляются совершенно непонятными и неопределенными.

Возьмем хотя бы такую чрезвычайно важную проблему, как проблема обобществления хозяйства. Эта проблема является центральной, и она, естественно, составляет основное содержание всех тех трех задач, о которых я говорил; этой проблеме, правда, посвящена особая глава, но ее размеры всего 8 страниц из

800 страниц (с 44 по 52 стр.) В этой главе говорится об общих принципах процесса обобществления, которые сейчас должны быть поставлены на очередь. Но в дальнейшем опять все сводится к простым цифровым данным, а как связана с этими цифрами вся сложная проблема обобществления (о которой спорить не приходится), установить очень трудно. Надо отметить, что и даваемые на этих восьми страницах общие формулировки этих процессов обобществления весьма неопределенны. Например, задачей его ставится—„подтянуть некоторые отсталые участки нашей организации до уже достигнутого обобществленым сектором уровня развития производительных сил“.

Как видите, эта формулировка имеет самый общий смысл, а дальше, исходя из этой общей формулировки, прямой переход к цифровым фактическим данным. Вот например:

„Абсолютные размеры производства во всех секторах растут, но в различной степени. На первом месте стоит обобществленный сектор, продукция которого возрастает с 5 808 млн. рублей до 10 322 млн. руб., простой товарный—с 680 млн. до 933 млн., капиталистический — с 455 млн. до 582 млн.“. Но откуда все это— неизвестно.

Дальше говорится, что „весь обобществленный товарооборот вырастает с 15 996 млн. до 24 085 млн.. капиталистический — с 4 990 млн. до 5 144 млн., а кооперативный до 6 762 млн. руб.“.

Указывается, каков будет в 1931 г. размер государственной оптовой торговли и т. п., и т. д.

Но если бы вы пожелали найти обоснование этих общих цифровых указаний, связь их с общими задачами обобществления, которые приведены выше, то вы никаких таких обоснований не нашли бы.

То же самое нужно сказать и в отношении другой, тоже чрезвычайно важной проблемы—проблемы диференциации. Я беру только самые основные проблемы, чтобы не задерживать долго вашего внимания. Ведь этот вопрос о диференциации сельского хозяйства является одним из самых важных и существенных, которые за эти пять лет, во всяком случае, получат известное развитие и которые определят соотношение очень многих частей сектора обобществленного и необобществленного, государственного и частнохозяйственного. Так вот оказывается, что об этой проблеме диференциации сельского хозяйства говорится всего на всего на пяти строках. Буквально. Это совершенно мало вероятно, но это так. Вот, что говорится в этих строках:

„Состояние статистических материалов не позволило нам учесть и запроектировать классовую диференциацию деревни. Однако социальный эффект обеспечивается четкостью классовой линии, направленной на кооперирование бедняков и середняков и отметание кулаков в сторону“.

Таким образом, дана формулировка, не вызывающая абсолютно никаких споров и представляющая собой полное соответ-

ствие со всеми теми директивами, которые имеются в области экономической политики в деревне. Можно не только верить, но можно не сомневаться в правильности взятой Госпланом „классовой линии“. Но все же надо отметить, что самый метод, применяемый и в данном случае, является характерным для всего метода „перспектив“. Здесь „запроектировываются“, учитываются на основании этой самой „инженерной проектировки“ даже такие процессы, как процесс классовой диференциации в деревне *(смех)*. Конечно, какие-то объяснения этого „проектирования классовой диференциации“ в архивах Госплана, нужно думать, имеются, и я не думаю, чтобы они действительно так и просто... „проектированы“. Но то, что дано в „перспективах“, сводит эту задачу выяснения процесса классовой диференциации деревни, роста диференциации к простым цифровым статистическим данным.

Нет никакого внутреннего социального анализа этого явления, нет выяснения социальной обусловленности его, а есть только математическое исчисление, которое „проектирует“ процесс диференциации; „инженерная проектировка“ распространяется не только на почтовые сумки и число телеграмм в 1931 г., но даже на такие процессы, как процесс классовой диференциации деревни.

Понятно, что при таких условиях мы имеем, с одной стороны, совершенно правильно поставленную декларацию, которая показывает, конечно, высоту понимания задач социальной политики тех работников Госплана, которые ее составляли; но с другой стороны, отсутствие всякого анализа и экономического обоснования. И, понятно, что у читателей остается недоуменный вопрос о степени обоснованности всего того, что в этих декларациях имеется,

Совершенно так же разрешается целый ряд других вопросов, тоже чрезвычайно важных и существенных, например, о накоплении, о народном доходе. Здесь точно так же дается очень небольшая, всего на нескольких строках, декларативная часть, декларативное содержание этого понятия, а дальше на целом ряде цифр определяются размеры предполагаемого, вернее сказать „предусматриваемого“ накопления. Почему это предполагаемое накопление будет иметь именно такой вид и такой-то размер, это остается непонятным. А между тем, ведь проблема накопления представляется чрезвычайно важной и серьезной проблемой, и его нельзя учитывать вне строгого соответствия со всеми теми социальными сдвигами, которые произойдут в течение этих пяти лет. Вполне понятно поэтому, что эта проблема требует по отношению к себе самого сугубого внимания, в том смысле, в каком я говорю, в смысле выяснения социальных процессов, связанных с этим накоплением, социальных последствий, которые будут в связи с ним иметь место. Чтобы не задерживать очень долго вашего внимания, я не буду вдаваться в подробности, за которыми отсылаю к своей статье в „Аграрном

фронте", и ограничиваюсь только этими общими указаниями. Я считаю, что на эту сторону должно быть обращено особое внимание. Нужно, чтобы помимо этих голых цифровых обоснований был дан и более углубленный социально-экономический анализ их содержания. Чтобы была дана не только одна цифровая „инженерная проектировка", а были даны более углубленные обоснования социальной обусловленности тех выводов, которые имеются в плане в виде голых цифр.

Заканчивая свои указания, я должен повторить, что я лично считаю, что та работа, которая была произведена Госпланом и представлена здесь на этих 800 стр., эта работа представляется работой чрезвычайной важности, во-первых, как первый опыт, и во-вторых, конечно, и по тем выводам, которые там так или иначе даются. Но в этой работе все же отсутствует особенно требующийся здесь углубленный социально-экономический анализ. В силу этого эта работа приобретает иногда формально-статистический, а иногда даже и прямо бухгалтерский характер ведомственных смет или, наконец, характер инженерного проектирования. В ней нет той заостренной формулировки основных социально-экономических положений, которые именно для этого плана представляли бы чрезвычайную важность. Если в том генеральном плане, о котором говорит т. Струмилин, эта часть получит действительно большое развитие, то тем самым нам представится возможность судить о той работе, которая по словам т. Струмилина. была произведена, но которая в этом плане пока не выявлена. Это я считаю недостатком и одним из наиболее существеннейших дефектов для понимания и обоснования планов и перспектив нашего развития, которые в своей работе нарисовал Госплан.

РЕЧЬ ТОВ. РОНИНА

Несостоятельность сторонников т. н. „примата производительных сил", против которых заслуженно, хотя и не совсем удачно, ополчился т. Струмилин, легко вскрывается на анализе проблемы наших взаимоотношений с мировым хозяйством, на чем я вкратце остановлюсь.

Вопрос этот ставится у нас часто таким образом: или быстрое развитие производительных сил страны путем максимального расширения наших связей с мировым хозяйством, или автаркия и задержка развития. Подобная постановка вопроса слишком обща и однобока, а потому бесплодна.

Характер разделения труда между капиталистическими странами определяется, как известно, не столько естественно-географическими, сколько социально-историческими условиями. Мы знаем, что место отдельных стран в системе капиталистического мирового хозяйства меняется очень быстро, что особенно резко бросается в глаза в эпоху империализма. Чем больше развивается

национальный монополистический капитал, тем сильнее его стремление к внедрению в мировое хозяйство и экспансии. Это с необходимостью вытекает из самой природы монополистического капитализма. Развитие производительных сил отдельных стран в условиях монополистического капитализма неизбежно сопровождается усилением их связей с мировым хозяйством и их зависимости от последнего. Экономическое равновесие отдельных стран, таким образом, во все возрастающей степени определяется их положением в мировом хозяйстве.

Из сказанного, однако, отнюдь не следует, что всегда, при всяких условиях развитие разделения труда между той или иной капиталистической страной и мировым хозяйством действительно является фактором, способствующим росту производительных сил страны. Никак не следует забывать, что в систему международного разделения труда включаются и страны отсталые колониального и полуколониального типа. Для последних расширение связей с мировым хозяйством в силу специфического характера этих связей далеко не совпадает с их народнохозяйственными интересами. Быстрый рост отдельных отраслей хозяйства этих стран покупается ценой задержки развития всего народного хозяйства, ценой закабаления иностранному финансовому капиталу, в конечном счете тормозящему развитие производительных сил.

Этого последнего обстоятельства защитники „примата производительных сил", являющиеся одновременно горячими поклонниками максимального развития разделения труда между СССР и мировым хозяйством, совершенно не учитывают. Они при этом упускают из виду всю особенность нашего хозяйства, в частности его интегральный характер, наличие у нас огромного, быстро растущего внутреннего рынка, развитие которого обеспечивается всей нашей экономической политикой. Благодаря этим особенностям, основным фактором равновесия нашего хозяйства выступают его внутренние силы; связи же с мировым хозяйством, при всем их огромном значении, играют подчиненную роль. Это обстоятельство и дает нам возможность успешно бороться за самостоятельный, социалистический путь развития нашего народного хозяйства, которому может быть противопоставлено только одно—путь полуколониального развития.

Тов. Струмилин неправ в том отношении, что он в полемическом увлечении противопоставляет движение к социализму интересам развития производительных сил. При такой постановке вопроса может создаться впечатление, что наше социалистическое строительство действительно должно быть отнесено к категории „должного", а не „сущего". А ведь к этому именно и сводится вся премудрость тех „объективных ученых" критиков пятилетки, против которых выступал докладчик. Тов. Струмилину следовало бы направить всю силу своей аргументации как раз на то, чтобы показать, что самое противопоставление „сущего" и „должного" в данном случае неправомерно, что движение

к социализму и есть путь максимального развития производительных сил страны.

В заключение позволю себе сделать небольшое замечание по поводу одного из тезисов основного доклада. Тов. Милютин указывает, что мы должны стремиться к тому, чтобы не только в целом, но и по отдельным отраслям обогнать капиталистические страны. Правильнее было бы сказать, что на ближайший период центр тяжести лежит не в достижении благоприятных для нас „динамических коэфициентов“ по всем тем отдельным многочисленным отраслям, которые перечислены в указанном тезисе, а в первую очередь, в области средств производства. Совершенно понятно, что более эффективные и скорые результаты могли бы быть достигнуты как раз в других отраслях. Это однако не совпало бы с интересами социалистического строительства, а стало быть и с интересами максимального развития производительных сил.

РЕЧЬ ТОВ. МОТЫЛЕВА

Я намерен остановиться на нескольких основных вопросах пятилетнего плана. Так как времени у меня недостаточно, то я буду говорить сжато и кратко, не всегда развивая свою аргументацию.

В докладах обнаружилось разногласие по вопросу о принципах построения пятилетнего плана, и я думаю, товарищи, что нет никакой нужды это разногласие замазывать. Наоборот, мне кажется, что это разногласие имеет большое значение. Тов. Струмилин правильно отмечал, что нельзя противопоставлять количественный анализ качественному, что всякий количественный анализ предполагает качественный. Это бесспорно. Бесспорно, что нельзя дать обоснованного количественного анализа, без развернутого предварительного или одновременного качественного анализа. Но дело в том, что позиция т. Струмилина в целом противоречит этому основному положению.

Если верно утверждение т. Струмилина, что у Госплана в основе его количественного построения лежали определенные качественные построения, лежал качественный анализ, то одно из двух: либо этот качественный анализ был сделан с надлежащей тщательностью и серьезностью, тогда надо придать ему форму тех планов, о которых говорил т. Милютин в своем докладе, и планы эти опубликовать; либо опубликовать их нельзя по той причине, что этот качественный анализ не носил того тщательного развернутого характера, который он должен носить. Я думаю, что в этом суть дела. Я постараюсь показать, что слабым местом пятилетнего плана Госплана является в действительности слабая разработка качественных моментов.

Позвольте мне начать с основного вопроса. Вы знаете, что пятилетний план Госплана построен в двух вариантах—отправном

и оптимальном. Задачи обоих вариантов правильно формулированы в опубликованной „Перспективной ориентировке“. Задачи эти формулируются так:

„Первый—отправной, более осторожный, в расчете на менее благоприятные условия хозяйственного развития с тем, чтобы определить вполне обеспеченный масштаб накоплений и вложений; другой—оптимальный, который реально достижим при полном напряжении наших волевых усилий и материальных ресурсов в достаточно благоприятной внешней обстановке“. (Стр. 8.)

Итак, товарищи, оба варианта преследуют совершенно определенные задачи. Если отправной вариант должен дать нам план совершенно обеспеченного масштаба накоплений и вложений при менее благоприятных условиях, то оптимальный вариант должен дать план, рассчитанный на сравнительно благоприятные условия. Оптимальный вариант должен быть рассчитан на максимальную реализацию всех возможностей. Поэтому разница между отправным и оптимальным вариантами не должна быть незначительной. А между тем разница между цифрами роста национального дохода и продукции в отправном и оптимальном вариантах выражается в проекте Госплана в 7—8%. Вы знаете, что ошибку в 7—8% мы делаем и в пределах одного года, когда даже сравнительно правильно учитываем условия этого года. Здесь же дело касается пятилетнего плана. В пятилетнем плане мы не можем предусмотреть полностью все условия. Ведь за пять лет ряд факторов может перетерпеть существенные изменения, не поддающиеся сейчас точному учету: международная обстановка, урожай и неурожай, результаты социалистической рационализации, эффект волевого напряжения наших сил — все это с трудом поддается предварительному учету. Поэтому и необходимо построение двух вариантов—отправного и оптимального. И если оптимальный вариант отличается от отправного на 7—8%, то я беру на себя смелость заявить, что оптимального варианта мы не имеем, ибо отклонения в пределах 7—8% возможны и на основе отправного варианта, т. е. в условиях менее благоприятных.

Между тем оптимальный вариант существенно отличается от отправного суммой капитальных вложений. Оптимальный вариант намечает капитальные вложения в размере 22 192 млн. руб., а отправной—18 514 млн. руб., т. е. разница составляет 3 678 млн. руб., или 20%. Если даже учесть, что разница в приросте национального дохода и продукции в оптимальном варианте по сравнению с отправным на 7—8% относится ко всей сумме народного дохода и продукции всего основного капитала, то эту разницу в эффективности капитальных вложений все же нельзя признать достаточной.

На первый взгляд может показаться, что недостаточная эффективность объясняется тем, что часть добавочных капитальных затрат найдет свое выражение лишь во втором пятилетии. Я думаю, что это верно лишь наполовину и вот почему: ведь оптимальный

вариант должен предусмотреть не только рост эффективности вследствие роста капитальных вложений, но и возможность достижения большей эффективности всей суммы капитальных вложений. Не только добавочная сумма капитальных вложений должна дать добавочный эффект, но вся сумма капитальных вложений должна дать больший эффект потому. что в условиях оптимального варианта, в условиях благоприятных международных отношений, благоприятных урожаев, развернутой социалистической рационализации, можно и нужно достигнуть гораздо более значительной эффективности капитальных вложений и всего основного капитала.

Далее сопоставим оптимальный вариант Госплана с проектом ВСНХ, являющимся также оптимальным. Проект ВСНХ проектирует капитальные затраты в несколько меньшей сумме, чем оптимальный вариант Госплана: оптимальный вариант Госплана — 7 298 млн. руб. (включая 134 млн. руб. на индустриализацию сельского хозяйства), а вариант ВСНХ—7 088 млн., т. е. несколько меньше. Между тем эффект капитальных затрат по проекту ВСНХ значительнее. По всей цензовой промышленности оптимальный вариант Госплана проектирует рост продукции на 87%, а контрольные цифры ВСНХ на 102,3%, по госцензовой проект ВСНХ предполагает 105,1%, оптимальный вариант Госплана—93%, по гос. планируемой проект ВСНХ—108%, проект Госплана—103%.

Таким образом по проекту ВСНХ, при меньших капитальных затратах в госпромышленности. получается больший эффект. и в то же время нет основания утверждать, что этот эффект не обоснован. Прочитайте „Контрольные цифры" ВСНХ и вы увидите, что они сами недоучли всех возможностей, всех результатов социалистической рационализации. Они. например, прямо говорят, что при пересмотре второго проекта они не учли дополнительных возможностей в области стандартизации и специализации. Тов. Милютин здесь упоминал о стандартизации. Я должен сказать, что недостаточное внимание к ней является крупной ошибкой нашей промышленной политики. Мы имеем лишь 150 стандартов и в рассмотрении находится около 1 000 стандартов. Это явно недостаточно. Проект ВСНХ в области стандартизации не наметил сдвига. Между тем, товарищи, это такая область, в которой подлинное развертывание работы может дать эффект, который сейчас трудно предусмотреть. Все сказанное о стандартизации относится в равной мере и к специализации.

Все это дает основание говорить, что проект пятилетки не обоснован именно с качественной стороны.

Перехожу к другому вопросу, который опять-таки доказывает, что проекты недостаточно обоснованы со стороны качественной,—к вопросу о кривой капитальных затрат. Этот вопрос является одним из центральных вопросов. В первом проекте пятилетнего плана ВСНХ (ОСВОК'а) намечалась затухающая кривая капитальных затрат. В следующих проектах следовало этот затухающий характер кривой капитальных вложений устра-

нить, что до известной степени и было ими достигнуто. В неизмененных ценах эта кривая потеряла свой затухающий характер и приобрела даже слегка характер восходящий. В понижающихся же ценах она носит в последнем проекте ВСНХ во второй половине пятилетия стабильный характер, а в проекте Госплана—слегка затухающий.

Важно отметить, что главный рост капитальных вложений приходится на первые три года, а затем кривая приобретает характер либо стабильный, либо затухающий. Казалось бы, значительный рост капитальных вложений в первые годы пятилетия должен вызвать рост продукции в последние годы пятилетки. А между тем, кривая роста продукции показывает в последние годы пятилетки—в третий, четвертый и пятый—затухающий характер. Кривая роста продукции во второй половине пятилетия падает, и получается, таким образом, вопиющее противоречие, которое не может быть признано обоснованным. Не может быть такого положения, чтобы в последние годы пятилетки темп роста продукции у нас замедлялся, в то время как главные капитальные вложения приходятся на первые годы. Ведь в последние годы пятилетия должен сказаться эффект социалистической рационализации. Как же можно примириться с таким положением, как можно технически и экономически обосновать такую затухающую в последние годы пятилетки кривую роста продукции. Я полагаю, что главная причина всех этих противоречий в пятилетнем плане в том и заключается, прежде всего, что не было осуществлено подлинного качественного анализа, не было того развернутого качественного анализа, который в должной степени учел бы возможные результаты социалистической рационализации, заключающейся не только в технической рационализации производства, но и в реализации многообразных преимуществ нашей системы хозяйства. Конечно, это чрезвычайно сложная задача. Конечно, эта задача требовала бы гигантской коллективной работы, но ведь именно это нам теперь и нужно, без всего этого пятилетний план превращается в колонку сухих статистических таблиц, экономически необоснованных и, по-моему, противоречивых.

Я считаю, товарищи, что в общем и целом прав т. Милютин, когда он ставит вопрос ребром, что нам нужно иметь, прежде всего, план рационализации и, в частности, стандартизации производства, надо иметь план коллективизации сельского хозяйства, надо иметь, прежде всего, в основном план качественного роста нашей экономики, и только после того как эти планы будут разработаны с надлежащей убедительностью и тщательностью, можно будет говорить об обоснованности их количественных выражений. Я позволю себе привести пример, касающийся сельского хозяйства. Всем нам известно, что кооперирование крестьянского хозяйства должно вызвать рост производительности с.-х. труда. Следовательно, обеспечение быстрого темпа

кооперирования на протяжении пяти лет путем кредитования, путем контрактаций, путем организационных усилий должно иметь своим эффектом определенный рост продукции, большую урожайность и т. д. и т. д. Нельзя поэтому выяснить возможности подъема сельского хозяйства, не обеспечивая социально-экономические формы этого подъема. Хотя в проекте Госплана в отношении сельского хозяйства это отчасти сделано, можно и должно разработать это еще полнее. То же самое касается и промышленности. Если не запроектировать в должной мере эффект социалистической рационализации и т. д., нельзя запроектировать и накопления, ибо накопление в наших условиях является функцией социалистической рационализации. Чем больше мы успеем в области рационализации хозяйства, чем больших успехов достигнем мы в области снижения себестоимости, тем больше будет капитальных вложений.

Таким образом, я считаю, что точка зрения т. Милютина верна. И если т. Струмилин заявлял, что в их работе качественный анализ предшествовал количественному, то надо было быть последовательным, надо было признать, что следует придать этому качественному анализу характер качественных планов. Тов. Струмилин полагает, что только в генеральном плане эти планы качественного анализа могут найти свое выражение, развернутое в полном объеме. Само собой понятно, что в полном объеме они могут быть даны в таком плане, который будет разработан на 10—15 лет. Однако в пределах пятилетнего отрезка времени необходимо дать соответствующую их часть.

Перехожу еще к одному вопросу, касающемуся пятилетнего плана, вопросу, на который здесь указывал т. Ронин. Это—вопрос о мнимом противоречии между принципом развития производительных сил и принципом обобществления хозяйства. Полагаю, что этому вопросу надо придать гораздо более ясную установку. В основном тут противоречий нет и вот почему: так как система хозяйства социалистического, которую мы строим, является более прогрессивной, чем любая ей предшествующая,—она будет создавать возможность гораздо более быстрого развития производительных сил. Ведь для марксиста совершенно ясно, что чем быстрее мы будем двигаться в направлении к социализму, тем больше будет создаваться возможностей для ускорения развития производительных сил, ибо переходная система хозяйства имеет ряд преимуществ по сравнению с капиталистической.

Конечно, в отрезке одного, двух, трех лет могут быть противоречия. Например, в вопросе о связи с мировым хозяйством некоторые противоречия сейчас имеются. Если бы мы, например, отказались от производства внутри страны ряда машин и покупали бы их за границей, нам удалось бы купить их дешевле, значит, в большем количестве. (Р о н и н. Это только в течение нескольких лет.) Это, однако, кажущееся противоречие, ибо в конечном счете курс на развитие основных отраслей произ-

водства, курс на социалистический тип развития, обеспечивает прогресс социалистического характера нашей экономики, а значит. и возможность ускорения темпа развития производительных сил.

Вот как по-марксистски можно и нужно ставить вопрос. Не может быть для нас, марксистов, противоречия между этими двумя принципами. Мы потому и исходим из примата принципа социалистического обобществления нашего хозяйства, что в конечном счете он обеспечивает также гораздо более быстрый подъем производительных сил.

В заключение я вынужден остановиться на том упреке, который был брошен здесь т. Милютиным по моему адресу. Тов. Милютин заявил в своем докладе, говоря о темпе развития хозяйства СССР, следующее: „Я был противником того, чтобы все капиталистические страны подводились под общую гребенку, и чтобы для всех стран давался определенный темп экономического развития“.

Далее он упоминает о моей статье в «Большевике», посвященной проблеме темпа и продолжает:

„Мотылев сделал очень просто. Он взял последнее десятилетие, взял с 1913 г. по 1925 г., примерно, нарастание промышленности в капитализме и, разделив это на 10 лет, установил средний темп развития“. Таким приемом нельзя пользоваться, говорит т. Милютин. — здесь приходится оперировать темп конкретными данными, которые имеются в каждой стране.

Должен заявить, что этот упрек представляет сплошное недоразумение, и я это сейчас покажу. Т. Милютин утверждает в своей речи, что он против того, чтобы подводить капиталистические страны под общую гребенку. Я тоже противник этого. и в той статье, о которой говорит т. Милютин, я привел средние геометрические процента прироста отдельно по Соединенным штатам, Англии, Германии, Франции, как по промышленности, так и по сельскому хозяйству. Итак, все эти страны под общую гребенку я не подводил. Далее т. Милютин говорит, что я взял среднюю за десять лет—с 1913 по 1925 г. Смею заверить, что здесь имеет место недоразумение. Ни одной цифры с 1913 по 1925 г. у меня нет. Я даю в статье темпы роста с 1800 по 1913 г. Таким образом, с фактической стороны упрек неверен.

Неверно и то, будто я установил средний темп путем деления на десять лет. Я дал не арифметические средние, а геометрические. Геометрические же средние исчисляются алгебраическим путем. путем логарифмирования,

Перехожу к существу вопроса. Здесь интересен методологический вопрос. и мне кажется, что у меня есть разногласие с т. Милютиным, хотя я в этом не убежден.

Дело в том. что мы должны сейчас сопоставлять наш темп развития с темпом развития капиталистического хозяйства.

Я считаю, что сопоставлять следует со средними темпами за известные периоды и вот почему: капитализм проходит в своем развитии известные конъюнктурные фазы, периоды кризиса, депрессии, оживления, подъема, расцвета. Нам нужно в основном стремиться обогнать средний темп развития капитализма. Я поэтому и приводил средние геометрические темпы роста. Если сравнивать наш темп с годичными темпами прироста, то неясно, с какими периодами сравнивать, должны ли мы брать капитализм в периоды депрессии или в периоды подъемов. В периоды подъема в той или иной капиталистической стране, в той или иной отрасли, может быть достигнут исключительно высокий темп, который, однако, потому непоказателен, что он является временным. В среднем же, в течение цикла, темп оказывается значительно ниже. Поэтому сопоставлять нужно, по-моему, со средним геометрическим темпом роста, что я и проделал.

РЕЧЬ ТОВ. КРЖИЖАНОВСКОГО

Я прежде всего, товарищи, должен извиниться за то, что несколько опоздал с ответом на те замечания, которые имели место в предшествующих прениях. Прошу это не принять, как игнорирование. Дело в том, что горячка работ в Госплане не позволила нам своевременно быть в вашей среде. Если же мы перечисляем союзников в наших будущих работах по пятилетке, то всегда рядом с ЦСУ мы ставим Коммунистическую академию и думаем, что не создавши здесь дружественной среды, мы вряд ли успеем в преодолении тех огромных трудностей, которые нам предстоит преодолеть в этой работе в короткий срок.

Разрешите мне сделать очень короткое вступление к рассмотрению тех прений, которые здесь имели место. Я не мог приготовиться к систематическому докладу и прошу это учесть. Я сегодня имею в виду выступить не с докладом, а просто с некоторой беседой и буду, главным образом, рассматривать тот материал, который имеется по стенограмме. Но для того, чтобы подойти к нему систематически, я должен сделать несколько предварительных замечаний.

Вам известно, товарищи, как смотрел Владимир Ильич на обсуждение планов „вообще". Вы знаете, что он был до некоторой степени врагом слишком общих трактовок. Нужно сказать, что „план вообще"—это скользкая тема. Тов. Базаров дал мне некоторую выписку из труда одного философа, которая вчера имела необычайный успех в Совнаркоме. Вот что писал Кант по поводу плана: „Составлять планы дело легкое и тщеславное, посредством которого даешь себе вид творческого гения, требуя того, чего сам не можешь исполнить, порицая то, чего не можешь исправить, и предлагая то, чего сам не знаешь, где найти".

Но тот же самый Базаров напомнил мне одно шутливое стихотворение Г. Гейне о том, как господь бог творил мир. Он начал с того, что создал блоху. В этом, говорит он, повезло; затем оказалось, что создать доктора прав не так, чтобы было более трудно, чем создать блоху. Но когда господь бог поразмыслил о плане своего творчества в целом, то он, вроде того, что почесал затылок и признался, что такой план — дело трудное. Г. Гейне отводит нас от Канта.

Напомню, как относился Владимир Ильич к плану Гоэлро. Вы помните, как он, не любивший бросать слова опрометчиво, сказал, что считает этот план второй программой партии. Вы видите, какая дистанция от плана к плану. Следовательно, когда мы говорим о плане, то нельзя говорить о плане вообще, а надо говорить о конкретных планах и конкретной обстановке, и из анализа этой конкретной обстановки и вытекает, собственно говоря, вся сущность тех положительных выводов, которые мы можем на этой дороге получить.

Какова же конкретная обстановка у нас в планировании и каковы особенности нашего планирования? Надо сказать, что со времени Октябрьской революции ребром поставлен перед нами вопрос, стоим ли мы на дороге к победе, победим ли мы, или же мы будем раздавлены в борьбе. Если с этой точки зрения смотреть на плановую работу, на отношение нашей плановой работы к этому основному вопросу, то очень небольшой цепью рассуждений можно притти к таким выводам, что для нас план, для нас плановая работа — это совсем не то, о чем говорил Кант. Вспомните, как отвечал Владимир Ильич на вопрос — „Кто кого"; силу нашу он видел в нашей организованности. Нет никакого сомнения, что в смысле простого количества сил, которыми располагает партия, это — явное меньшинство. Наше „окружение" численно представляет собою колоссальное превосходство. Сила наша, товарищи, в организованности. А что такое план, над которым мы работаем. План, над которым мы работаем — это есть не что иное, как орудие достижения высшей организованности. Если вы продумаете, каковы наши шансы по созданию этой высшей формы организованности, то вы увидите, что, несмотря на нашу количественную слабость, мы имеем громадные шансы для того, чтобы именно нам выявить в глазах всего человечества необычайные формы организованности. Почему это так? Вспомним, товарищи, что учителя коммунизма говорили нам о процессе диалектического развертывания исторических событий. Они учитывали экономический базис, с одной стороны, а с другой стороны — тот перекрест воль, который имеет место в капиталистическом обществе. Они подчеркивали, что если экономический базис является, так сказать, первоосновой исторических событий, то эти перекрестные воли нельзя снять с учета. Каждая индивидуальная воля не достигает своей цели, но в сумме они дают известную равнодействующую, в которой они

в последнем счете, и дают себя знать. Историю творят живые люди.

Теперь представьте себе то строительство, которое мы ведем. Несмотря на то, что мы численно слабы, мы всегда смело апеллировали к массам, ибо в нашем строительстве нет таких внутренних противоречий, которыми проникнуто капиталистическое общество, нет противоречия между нами и живой силой масс.

Это динамически нам обеспечивает все более и более эффективное единство воль, с каждым этапом строительства все более и более реализующееся. Что это обозначает? Это обозначает небывалые шансы успеха в нашей борьбе за коммунизм. Если проследить всю историю, все этапы Октябрьской революции, и то, что развивалось на основах этой Октябрьской революции, то вы увидите, как выявлялись эти возможности при правильной установке партийного руководства в трудные моменты нашей революции. Этим объясняются наши военные успехи, этим объясняются успехи восстановительного периода и этим объясняются шансы успехов грядущего строительства. В этом залог нашей победы.

Я себе не представляю, каким более совершенным методом можно создать волеустремленность для громадных народных масс, как не путем таких планов. в которых мы будем конкретизировать ясно и точно, доступно массам, строительные задания по всем главным направлениям хозяйства и быта, работая в смычке с этими массами.

Мы отвергаем возможность того, что план может спуститься откуда-то в виде готового целого на землю и осчастливить человечество. Это действительно была бы тщеславная идея. Мы думаем, что путем практического строительства, путем правильного соотношения между теоретической обобщающей мыслью и практической хозяйственной работой,—что лишь в таком синтезе растет плановая дисциплина, растет все более и более единство воль, и только таким путем мы подходим постепенно к тому, к чему мы стремимся,—к созданию такого перспективного плана нашей хозяйственной работы, который органически вырастает из живой действительности.

Поэтому, если бы кто-нибудь пришел и сказал: я знаю в совершенстве, как построить план, и я с высоты этого знания критикую,— то я сразу заподозрил бы его в том, что он мыслит не по-пролетарски, что его идеология — не пролетарская. Это был бы наблюдатель „со стороны“, который не видит, как растет идеологическая надстройка, как растет то, что в конце концов объединяет воли и направляет их по единому руслу.

Для того чтобы демонстрировать, что это действительно так, достаточно вспомнить знаменитые слова Маркса в „18 Брюмера“, где он подчеркивает, что отличительная особенность пролетарских революций заключается в том, что они не имеют та-

ких эффектов, какие свойственны буржуазным революциям, что „пролетарские революции . . . непрерывно критикуют самих себя, то и дело прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, что, повидимому, уже совершено“.

Вот поэтому я заранее отказываюсь давать вам готовые истины, а хочу указать путь наших исканий и думаю, что если бы мы стали критиковать наши работы с точки зрения готовых общих истин, то этим показали бы, что мы сбиваемся с правильной дороги. Вот почему, товарищи, я на XV съезде партии и бросил такой лозунг, которого казалось бы меньше всего от меня можно было бы ожидать. С кафедры съезда, где приходилось говорить в качестве представителя плановой работы страны, я должен был бросить лозунг, обращаясь к стране: „Даешь план“. Не только я даю план, а и вы дайте план. Вся страна в целом только может дать план. Вот это я хотел подчеркнуть и думаю, что другого пути нет.

Теперь перейдем к другому моменту. Если наш план является в последнем счете отрезком партийной программы, то какие выводы вытекают отсюда. Я думаю, что самая сущность нашей партийной программы заключается в том, что в ней нет эклектизма. Вот это — прежде всего. В ней монолитная целостная выдержанность научного социализма. Поэтому я думаю, что если к этой программе партийной мы привесим какой-нибудь эклектический хозяйственный хвостик, то вряд ли такой план явится отрезком программы. Когда смотришь на те или другие попытки планового творчества, то приходится прежде всего спросить: „А есть ли здесь монолитная выдержанность“. Трудности составления такой монолитной работы огромны.

Для того чтобы это доказать, я прочту вам письмо Энгельса к Конраду Шмидту.

Вот как он пишет:

„Ваш план: переходные этапы к коммунистическому обществу стоит того, чтобы над ним подумать. Но я вам посоветую выполнить его только в результате продолжительной работы. Это труднейший материал из всех существующих, потому что условия постоянно меняются. Каждый новый трест, например, изменяет их, и пункты для атак совершенно меняются даже в течение десятилетий“.

Но, товарищи, если посмотреть на обстановку нашего хозяйственного строительства, и на то, что происходит после войны во всем мире, то соображения Ф. Энгельса приходится особенно подчеркнуть, потому что громадный кризис в экономике после надлома мировой и гражданской войн привел к тому, что мы сейчас в различных областях техники, в различных отраслях человеческого знания испытываем громаднейшие революционные сдвиги.

Я беру, например, обстановку нашей страны. Энгельс говорил о том, что отдельные тресты могут повлиять на всю уста-

новку плана переходов к коммунистическому обществу. А представьте наше положение сейчас. Вот сейчас приходят к нам работники из самых различных отраслей и делают нам сообщение, что нас ждет. Возьму самый обычный пример. Скажем, торф. Вы знаете, что цена торфа сейчас 23 копейки. Вы знаете, может быть, что Ленин придавал колоссальное значение гидравлическому холодному способу обработки торфа, и вы знаете, что это сейчас целиком оправдалось. Гидравлический способ обработки торфа понижает цену торфа с 23 коп. до 19—18 коп., и он уже сейчас бьет прежний способ обработки. Однако ныне мы имеем основания предполагать, что мы находимся накануне новой революции в этом деле. То, что произведено сейчас в торфяном институте в виде первого опыта, но значительного—до 300 тыс. пудов по применению фрезерного способа послойной обработки торфяных болот, может представить совершеннейшую революцию в торфяном деле, которая спустит цену торфа, по словам работников в этой области, до 6—5 коп. за пуд.

Если вы возьмете минеральный топливный баланс страны и примете во внимание, что торф тогда окажется в два раза дешевле каменного угля, если вы прикините мощность наших торфяных запасов, то легко придете к выводу, что для всего топливоснабжения страны это подлинная революция.

Нам сообщают, что в Аландевском Уральском районе найден коксующий уголь. Что это означает? Проблема Кузнецкого Уральского комбината—один из крупных моментов в наших строительных планах—может резко измениться. Мы смогли бы иметь на самом Урале тот комбинат, который мы искали в Сибири.

Недавно было получено письмо из Франции о нашем агрономе Корневе, который там работает несколько лет. Он сделал открытия, которые французы оценивают весьма высоко. Он опубликовал часть своих агрономических работ во французском журнале, и эти работы произвели колоссальнейшее впечатление, потому что эти его открытия изменяют культуру таких мест, где имеются безводные пески, изменяют задания по ирригации.

Если оправдается сейчас то, чего мы ждем от Иоффе в его работе по изоляции, то трудно оценить те сдвиги, которые мы получим немедленно в работах электротехники.

Мы переживаем в технике поистине революционное время. Если смотреть так, как смотрели отцы коммунизма на науку, что независимой науки нет, что наука всегда вырастает на почве практических потребностей, то громадность размера тех практических потребностей, которые сейчас перед нами стоят, предрешает расцвет научных знаний. Но канун этого расцвета обусловливает громаднейшие трудности планирования. Как мы пытаемся преодолеть эти трудности? Для того чтобы критиковать нашу установку, надо быть поближе знакомым со всей нашей концепцией в целом. Методология, которая висит в виде обобщений в абстрактно написанных томах — это одно дело, а другое дело — это та мето-

дология, которая растет на почве действительной практики. Я думаю, что наука о планировании так же, как и всякая другая наука, вырастает на этом стыке работников теоретической мысли с нуждами практической действительности. Поэтому, когда мне товарищи говорят, что методологию планирования нужно заново создать, я говорю—извините, эта методология отчасти уже создана, и самая „научная часть“ ее б. м. лежит в том практическом опыте, который проделал Госплан.

Мы по-разному методологически подходим к задачам, которые стоят в разрезе одного года, в разрезе пяти лет, в разрезе десяти и более лет.

Наряду с этим мы создали свою систему конъюнктуры как хозяйственной вахты. Нужна специальная конъюнктурная установка наблюдений для годового плана и для пятилетнего плана. Для генерального плана нужна некоторая проверка совершенно особого порядка — по целому ряду научно-исследовательских проблем. Здесь огромнейшее поле работы. Нельзя предъявлять к пятилетнему плану такого рода запросы, которые мы можем предъявлять к годичному плану или генеральному плану. Мне прежде всего кажется, что в вашей практике сказывается некоторое нежелание считаться с этими стержнями. Можем ли мы, товарищи, надеяться на то, что по всем этим разделам нашего планирования, по этим стержням плана, в быстрое время мы сделаем успешные шаги.

Если вы представите связь с жизнью, то вы увидите, что можно ожидать в ближайшее время, по-моему, решительных успехов для годичного плана, но для пятилетнего плана, я заранее скажу, что быстрых успехов, законченной концепции ожидать нельзя. Вспомните, что я говорил на XV съезде, как мы перешли от генерального плана электрификации в некоторый „рассыпной“ фронт и как действительность трудно реагировала на наши попытки сначала создать годичный план, а потом создать пятилетний план. Почему восстановительный процесс наш прошел в условиях таких медленных восхождений со ступеньки на ступеньку, и лишь теперь, когда этот восстановительный процесс заканчивается, это дерзание планового охвата хозяйства на пять лет является совершенно назревшим и привлечет к нам большое количество сотрудников.

Здесь мы должны быть материалистами, не негодовать, не порицать, а просто понимать фактическое развертывание процесса планового охвата в действительности. Для того чтобы ускорить этот процесс, перед нами стоит прежде всего организационная задача. Только таким путем, путем правильной организации мы сломим медленность этапов, медленность завоевания сознания работников нашими целевыми установками. Если материалистически подумать о том, что это значит, если развернем на глазах всего мира генеральный план народного хозяйства такой огромной страны, как наша, подписанный ответственным активом

нашей страны, то ответ ясен. Я бы сказал, что когда это осуществится, тогда пролетариату придется записать этот день у себя в календаре. Это праздник трудящихся мира. Это громадный переход от необходимости к свободе. Но такие переходы не даются легко. И поэтому заранее надо предвидеть, что пройдет целый ряд лет,—хотя мы и живем в такое время, когда каждый год должен считаться не как обычный год, — прежде чем такое положение будет достигнуто.

Какая основная целевая установка в этой желательной организованности? Перед вами прошел очень любопытный и очень поучительный пример. На наших глазах оппозиция попыталась, оторвавшись от партии, стоя в стороне, критиковать партию. Вы видите, какое фиаско она потерпела. Поэтому, если бы у нас создался рассыпной фронт плановых работников, и если бы у нас преобладала критика со стороны, заранее можно сказать, что плохо кончит такая критика. И не потому, что нет талантливых людей, а просто потому, что это очень трудное дело, оторвавшись от центра плановых работ, критиковать эти работы. Наша задача заключается в том, чтобы создать как можно более широкий непосредственно к нам примыкающий актив. Создать все своими руками, руками коммунистов мы не можем. Это был бы прямой уход от тех указаний, которые Ленин в этом отношении нам сделал. Но настоящий план может быть создан только путем очень искусной организованности, и партия коммунистов должна являться главным стержнем. Одновременно должна быть смычка по линиям всех „приводов" партии и должна захватываться огромнейшая периферия. Вот эта организационная задача и стоит здесь перед нами. Но здесь есть некий водораздел, который разделяет окружающую нас среду. Прежде чем перейти к этому водоразделу, я парочку слов скажу об одном моменте нашего планирования, который необходимо учесть при критике.

Только что вчера — в соединенном заседании Совнаркома и СТО обращалось внимание на основной недостаток промфинпланов ВСНХ. В плане хозяйства на год не разделены два вида хозяйственной деятельности, хотя диалектически связанных, но различных: не разделена эксплоатация от строительства. Мы говорим о капитальном строительстве. В построении плана на год должны быть две резко разделяющиеся части — эксплоатация того, что существует и действует, то, что представляет из себя действующие отряды труда и данной производственно-технической аппаратуры, а затем то, что строится вновь. Если нет четкого разделения методологического и практического между этими двумя частями, то получается путаница. Необходимо проводить такое разделение по всем видам планов. Мы должны иметь в виду, что план годовой — это больше всего план эксплоатации, план приведения в действие наличных установок, хозяйственных ячеек, отрядов труда на том базисе, на котором они сейчас находятся, с некоторым небольшим прибавлением того строительства, ко-

торое в такой маленький отрезок времени можно сделать. План генеральный, охватывающий 10—15-летний период, прежде всего имеет строительную концепцию. А план пятилетний представляет и часть эксплоатационного плана и часть плана строительства. Но было бы неправильно сказать так. как сказал, между прочим, т. Струмилин, что главная часть в пятилетнем плане есть план капитальных работ. Для генплана это верно.

Когда критикуется пятилетний план, надо иметь в виду, что создание надлежащей пропорции между эксплоатационной частью и строительной частью — одна из трудных и основных задач правильного построения пятилетнего плана.

После этого беглого замечания перехожу к вопросу—какой водораздел мы наблюдаем в лагере критикующих нашу пятилетку.

Мне кажется, что по сути дела есть только два лагеря. Первый считает, что не может быть и тени сомнения в том, что мы идем совершенно особым путем развития, а другие считают так, что нет никаких особых путей, что по сути дела в формах чуждой идеологии идет обычный для всех стран процесс—трансформаций капиталистического общества. Вот два лагеря. И вот мне кажется, что те, что стоят на последней точке зрения, те ныне бесполезны. Они сейчас не могут сыграть даже той относительной роли, которую они играли во время восстановительного процесса, когда этим восстановительным процессом они были привязаны к старым привычным для них рельсам.

Сейчас, когда творческая целевая установка с каждым шагом вперед играет все более и более крупную роль, эти прежние сменовеховские элементы являются для нас вредными. Но если вдуматься в положение вещей, может ли среди мыслящих кругов наших научных работников быть большой круг таких лиц, которых мы могли бы выкидывать за борт на этом основании, то думаю, что их должно оказаться меньшинство,

Размышляя на эту тему, невольно вспоминаешь знаменитое письмо Маркса в редакцию „Отечественные записки", где он полностью разбирал свое отношение к Герцену и Чернышевскому и говорил о грядущих судьбах России. Вы помните, что он говорил о своем уважении к „великому русскому ученому и социалисту Чернышевскому". Он очень осторожно высказался относительно идей Чернышевского о судьбах русской земельной общины. Он писал так:

„Я не люблю оставлять ничего на долю догадок; чтобы иметь возможность судить со знанием дела об экономическом развитии современной России, я выучился по-русски и затем, в течение долгих лет изучал официальные и другие русские издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу: если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она шла с 1866 г., то она лишится самого прекрасного случая, какой когда-либо представляла история

какому-либо народу для избежания всех злоключений капиталистического строя".

С одной стороны — очень осторожное отношение к идеям Чернышевского, с другой стороны — „самый прекрасный случай" избежания всех злоключений капиталистического строя.

В письме, относящемся к 90 годам, Энгельс пишет о Марксе, что он сказал: „Если изменение экономической системы в России совпадает с изменением экономической системы на Западе так, чтобы они пополняли друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом нового общественного развития". Констатируя далее „увядание" русской общины, Энгельс говорит, что, быть может, европейский кризис спасет остатки этой общины „в некоторых, более отдаленных местностях страны". Община увяла окончательно, но суть не в ней, а в подходе Маркса и Энгельса к этому циклу вопросов.

Может ли „прекрасный случай" того времени сравниться с „тем случаем", в котором мы живем с вами. Тогда имелось в виду, что натиск революционной России поборет дикую реакцию русского царизма. Расчет был на то, что в Европе произойдет одновременно резкий революционный переворот. И вот на основе этих факторов окажется возможным в нашей стране создать возможности миновать „злоключения капиталистического строя". Интересно подумать над тем, что бы сказал Маркс относительно сомнения в возможности итти особым путем, разбирая то положение, в котором мы живем. Мы имеем не какой-то политический надлом, не просто свержение царизма, а мы имеем небывалую победу пролетариата, мы имеем эту победу при наличности такого положения капитализма, когда он на этот раз наверняка смертельно болен и разлагается.

Я думаю, что те, кто теперь сомневается в возможности особого пути движения нашей страны к социализму—это, знаете ли, не просто маловеры, а либо сикофанты либо глупцы.

А время работает за нас.

Как только мы преодолеем первый этап этого труднейшего перехода к процессу строительства на базе реконструкции, я глубоко убежден, что в рядах интеллигенции должен произойти решительный сдвиг в нашу сторону.

Стратегия т. Ленина, между прочим, заключалась и в том, чтобы посадить каждого человека на подходящее место и использовать его так, чтобы он дал все лучшее, что он может дать. Сейчас, при такой огромной творческой работе, которая нам предстоит, при провозглашении нами культурной революции, мы, товарищи, должны чрезвычайно внимательно отнестись к этой стратегии Владимира Ильича и быть чрезвычайно бережливыми.

Итак, и размежевание, и процесс собирания сил, и критика без затушевки, и известная осторожность критики.

Мне хочется сказать несколько слов по поводу прений, имевших здесь место, и показать вам, что можно было бы многое избежать из того, что здесь говорили и что являлось недоразумением, и избежать этого можно только путем сплочения вашего фронта с нашим. Я беру основной доклад т. Милютина. В общем я констатирую, что это „дружественная критика". Но одно место в докладе т. Милютина меня удивило, и я думаю, что это просто продукт или опечатки, или недоразумения. Вот здесь вы цитируете доклад т. Куйбышева на съезде о том, как вырастает тяжелая индустрия и наше машиностроение. Вы приводите цифры, а затем пишете так: „В области электрификации—следующая важная область"... Верно ли такое сопоставление. С одной стороны. индустриализация—это есть, так сказать—суть, а следующая важная область—это электрификация. Я думаю, что это просто недоразумение. (Милютин. — Это формальное недоразумение.) Такое противопоставление было бы неправильно, тем более, что сам т. Милютин высказал мне свое одобрение недавно изданной нами книге „Плановая электрификация" — перевод с американск. издания—где доказывается, что энергетика и электрификация сейчас являются революционизирующим началом всей экономики.

Надо вспомнить кое-что из старого, товарищи. Разрешите мне прочесть восемь тезисов из одной книги, которую очень много хвалят и которую очень немногие читают. (Голос:— Какая книга.) В свое время узнаете. Вот эти восемь тезисов.

Если взять эти восемь тезисов, то не ясно ли будет вам, как часто мы возвращаемся в настоящее время к тем же самым положениям, которые были написаны в 20-м году в этой книге—книге Гоэлро.

Обратим дальше наше внимание на трактовку т. Милютиным вопросов рационализации. Совершенно справедливо в основу плановых построений он ставит вопрос о рационализации. Но если вопрос о рационализации ставить в отрыве от общей энергетической проблемы — получится рассыпной фронт. Мы видим, что у него рационализация переносится—то на стандартизацию. то на массовую продукцию, то на частный сдвиг в той или иной хозяйственной области.

Не надо забывать уже пройденных этапов, того, что намечалось уже в работе Гоэлро. И вот моя просьба к вам, когда мы с вами вернемся к вопросу рационализации, давайте посмотрим, не нужны ли прежде всего определенные плановые рельсы для этого великого дела. Больше по адресу т. Милютина ничего не имею сказать, потому что на большинство затронутых им тем отвечал т. Струмилин, и в этой части т. Струмилин, по-моему вполне прав. Если у нас есть недуги качественного анализа, то они объясняются просто предварительным характером нашей работы. Неясно, что если мы говорим о снижении цен, о тех или иных коэфициентах роста обобществленного сектора, если по каждому разделу хозяйства мы даем цифры-показатели, то, конечно. эти

цифры вскрывают огромную качественную проработку самих наших экономических установок. Это надо выявить более ясно в наших будущих работах. Но мне кажется, что когда т. Милютин будет в дальнейшем работать с нами вместе, то он увидит. что это вовсе не абстрактно-статистическая работа, что статистика здесь была только орудием.

Приходится несколько слов сказать по адресу т. Струмилина. Я должен сказать, что это вероятно обмолвка с его стороны, когда он сказал, что в директивах съезда нет ничего нового, ничего неожиданного, чего бы в целом ряде постановлений предыдущих съездов и руководящих центров не было. Я думаю, что это неосторожное выражение, что здесь он перегнул палку. Я считаю, что XV съезд дал громадный сдвиг и сказал не только то, что мы знаем, и не просто—просуммировал то, что есть. Если бы вы меня спросили, какие самые общие моменты были выдвинуты XV съездом, то я бы сказал—тут есть три основных момента: 1) установка методологии планирования, по преимуществу темологической, целевой; 2) новая трактовка методов разрешения деревенских тупиков; 3) определенная ставка на культурную революцию.

Эти установки съезда, конечно, пронизаны мыслями Владимира Ильича. Но надо откровенно признать, что в материалах наших пятилеток они еще не нашли развернутого выражения. Относительно Громана и Базарова я должен сказать, что это личности настолько всем известные, что о них не приходится много говорить, они здесь налицо и сами за себя поговорят.

Во всяком случае, это такие товарищи, которых нельзя никак заподозревать в струвизме. Беру Громана. Его я неоднократно характеризовал так: у него очень здоровая шуйца, и эта шуйца очень вредит ему. Но в 1918 г. в труднейшее время, напродовольственном съезде стоит Громан рядом с Шингаревым и поливает его на чем свет стоит. Он доказывает, что продовольственники временного правительства—хвостисты, и планового хозяйства, как такового, не желают признавать. Громан является одним из старейших плановых работников. Это не помешало тому же Громану, когда была написана работа Гоэлро, дать мне генеральное сражение в Колонном зале. Это был противник совершенно особого рода: противник и союзник. И хотя я приготовил для печати статью против Громана, одобренную В. Ильичом, я предпочел статью не печатать, а его пригласить на работу в Госплан. По другую сторону баррикад Громан не был. Громан—человек известный в том смысле, что впечатлительность его превосходит его марксистскую учобу. И я бы не сказал так резко, как говорил т. Струмилин относительно громановского примата „производительных сил".

Кажется уже т. Ронин здесь правильно отмечал, что нет внутренних противоречий между ставкой на производительные силы и нашей ставкой на социалистическое строительство.

В вышецитированном мною письме К. Маркса есть замечание, что конечный этап социальной борьбы — такой экономический строй, который „обеспечивает... наибольший размах производительных сил труда и наиболее всестороннее развитие каждого отдельного человека". Эта формула представляется мне исчерпывающей.

Остановлюсь дальше на выступлении Бессонова. Тов. Бессонов имеет перегиб в сторону переоценки сделанного им правильного указания, что наша тарифная система в своей ставке на платежеспособность грузов опирается на теорию предельной полезности. Он думает, что закон себестоимости, как основа тарификации, является ключом к рациональному пространственному охвату нашей хозяйственной территории. Мне кажется, что он ошибается. Поскольку в ваших транспортных планах мы будем опираться исключительно на принцип себестоимости, мы будем находиться в порочном кругу. Когда бы это было возможно? Если бы наша страна представляла из себя такое поле, по которому были бы разбросаны энергетические ресурсы и всякая производственная и живая сила в совершенной равномерности, тогда дело другое. Но ведь этого нет. Станет ли спорить т. Бессонов, что мы при экономическом районировании должны считать транспорт лишь орудием районирования. Учет себестоимости транспорта еще не разрешение тарифной проблемы. Ведь мы здесь подходим к вопросу о разрешении противоречий между себестоимостью транспортных услуг и подъемом энергетики районов, географически прихотливо раскинутых на огромном расстоянии один от другого. Идеи рационализации и магистрализации транспорта. сверхмагистрализации мы ставим во имя чего? Во имя подъема энергетики страны. во имя правильного распределения труда среди экономически-специальных районов. Вот что лежит в основе, а все остальное—подчиненное. Когда он считает, что ключом к правильному пространственному распределению промышленности в стране является учет себестоимости транспорта—это односторонний взгляд. Между этой себестоимостью транспорта и его надлежащей тарификацией такое же расстояние, как между себестоимостью и ценой.

Что касается выступления Ронина, то мне немного остается сказать. Я не могу понять, с кем Ронин полемизирует: со Струмилиным или Базаровым. Его противопоставление внешнего и внутреннего рынков, когда он говорит, что для нас внутренний рынок все, а внешний рынок лишь некоторая прибавочная величина,—это, мне кажется, отрыв от действительности. Совершенно верно, что для нас внутренний рынок имеет колоссальное значение, но я бы посмотрел на т. Ронина, когда ему придется заняться планированием нашего экспорта и импорта, как бы он обошелся со своей формулировкой. И та и другая сторона, рынок внешний и внутренний, находятся в глубокой диалектической связи.

Проф. Лященко меня несколько удивил. Он тут приходит к нам, как человек из дружественного лагеря, но говорит так: чрезвычайно важная сторона перспективного плана и развития планового хозяйства „в переустройстве всей структуры общественного хозяйства в смысле приближения к социалистическим основам“. Ну, знаете, если только мы приближаемся к социалистическим основам, то покорно благодарю вас. Социалистические основы нам даны Октябрьской революцией, а вот как на этих основаниях, на этих командных высотах, вы будете действительно развертывать хозяйство, как будете осуществлять социалистическое строительство,—вот это для нас интересно.

Дальше проф. Лященко видит в нашей пятилетке три разреза: технический, экономический и социальный. Интересное противопоставление: техническая реконструкция и экономическая задача расширенного воспроизводства. Я не понимаю этого разделения. В одном из писем Энгельс разбирает вопрос относительно техники и экономики и говорит, что основой экономических отношений служит техника, производственная техника данного общества. Так что, когда противополагается техника экономике, то такое противопоставление является весьма весьма условным. Проф. Лященко просмотрел, что мы в нашей пятилетке имеем рубрики технико-экономического анализа и анализа социально-экономического.

Многие нападали на Струмилина за его „инженерный“ подход к планированию, причем Лященко здесь выразился так, что „инженерный“ метод—это „бухгалтерский, статистический метод“. У него тут знак равенства. Что имел в виду т. Струмилин, когда говорил о необходимости социальной инженерии. Я думаю, что он говорил в строгом согласии с той концепцией, которая является общим нашим достоянием. Возьмем классических представителей инженеров, крупнейших работников среди немецких инженеров. Почитайте, как они рассматривают вопрос о том, что такое инженер. Это ведь не тот, кто прошел курс инженерных наук. Если кто-либо изучил рецептуру технологии, он уже может быть мастером-ремесленником. А что такое инженер? Это по их определению „борец и творец“ прежде всего. Какой же может быть знак равенства между инженером, социальным инженером и бухгалтером, статистическим счетчиком? Когда в вашей аудитории раздался смех на замечание т. Лященко, что вот, де, до чего дошел Госплан, что он даже с „инженерной“ точки зрения проектирует классовую диференциацию деревни, то это продукт явного непонимания. Если бы мы так только на основании статистики прошлого могли подойти к социальной проектировке, это было бы смешно, а если нас упрекают, что мы подходим к этому вопросу, как „социальные инженеры“, то мне странно, что здесь в аудитории смеются по этому поводу.

Что же касается т. Мотылева, то его возражения подробно будет разбирать т. Струмилин, и мне по этому поводу

сказать нечего. Я думаю, что т. Мотылев, который пробовал подходить к вопросам планирования по-деловому, с подсчетами, фактически кое-что не досчитал.

Разрешите закончить. Мы в этой стадии реконструкции вступаем в особо ответственную полосу работы. Не могу вам в достаточно живых красках нарисовать размер той ответственности, которая падает на нас. Я должен сказать, что сейчас Госплан уже становится объектом особого внимания заграничного мира. Ко мне являются различные делегации, недавно были делегации японская и немецкая, которые с величайшим интересом присматриваются к нашей работе, и ясное дело, что каждая наша ошибка, всякий недоучет будет использован нашими врагами с величайшей охотой, а всякая удача будет могущественнейшим орудием социалистической пропаганды. Я думаю, что если окажутся верными наши общие соображения, то уже первый этап реконструктивного периода покажет, что вопреки нашей недостаточной организации, вопреки постоянным перебоям, вопреки нашему пионерству в плановой работе, мы в общем и целом поборем такие трудности и дадим такие темпы восходящих хозяйственных процессов, которых еще не знал мир. Мы этим сами „опубликуем документы" перед капиталистическим миром гораздо более для него опасные, чем опубликованные нами ранее дипломатические документы, чем документы царской дипломатии. Мы опираемся на социалистическое преобразование действительности, дающее такие приводы к активам великого Союза, которых мир не знал, где по закону больших чисел ошибки и дефекты превращаются в исчезающие величины. Думаю, что мы вправе требовать, чтобы в этой работе была нам оказана всемерная помощь со всех сторон, и в первую очередь со стороны Комм. академии. Было бы очень интересно подумать о заданиях Комм. академии, но я бы здесь не хотел быть схоластичным; мне хотелось бы, чтобы на том Плановом съезде, который начинается 8 числа, чтобы на этом съезде товарищи из Комм. академии вместе с нами поварились в соку действительно плановой работы и подумали, какие проблемы наиболее охотно возьмут на свою долю. Я думаю, что вы окажетесь, товарищи, не последними бойцами.

И вот в ожидании такой поддержки вашей стороны, я и пришел сюда. *(Аплодисменты.)*

РЕЧЬ ТОВ. БАЗАРОВА

Товарищи! Я, к сожалению, не имел возможности присутствовать на том заседании, когда выступали оба докладчика, а также и на последнем заседании, когда происходили прения. Правда, секретариат академии был так любезен, что прислал мне стенограммы основных докладчиков, и это есть единственный материал, на основании которого я и могу сделать свои замечания. Я зна-

ком со стенограммами докладов т. Милютина и т. Струмилина. Что касается доклада т. Милютина, то я не имею сделать никаких возражений по существу. Все то, что он говорил, приемлемо. Может быть единственный недостаток этого доклада в том, что судя по стенограмме, его замечания носили слишком абстрактный характер. В. П. говорил, что надо углубить качественный анализ, это совершенно бесспорно, но неопределенно. Было бы интересно выслушать, в каком направлении его надо углубить. Тогда была бы почва для обмена мнений. Другой пример. В. П. говорил о необходимости форсировать рационализацию производства (принцип стандартизации и т. д.). Это верно, но опять-таки интересно знать, какие экономические предпосылки потребны для того, чтобы в максимальной степени внедрить рационализацию в наш план.

Что касается доклада т. Струмилина, то он был в последней его части полемически заострен против „независимых ученых“ Госплана. т. е. против меня и В. Г. Громана. Полемика эта касается как построения пятилетки, так и более общих вопросов—вопросов марксистской теории познания. Позвольте остановиться сначала на первой части. Доклад в Комм. академии был сделан т. Струмилиным недели три тому назад, когда мы в Госплане только что приступили к обсуждению тех начал, которые надо положить в основу дальнейшей работы над пятилеткой. Каждый из членов Комиссии представил свои тезисы, вернее, черновой набросок тезисов, и на почве этих набросков произошел первый обмен мнений. Когда по какому-нибудь вопросу впервые скрещиваются полемические шпаги, то участникам словесного боя обыкновенно кажется, что разделяющие их разногласия глубже и резче, чем это имеет место на самом деле. Так это было и в настоящем случае. За истекшие три недели нам удалось найти общую, госплановскую платформу пересмотра пятилетки—платформу, в которой учтены индивидуальные мнения, казавшиеся раньше несогласуемыми, в частности, и те мои мнения, против которых направлена полемика С. Г. Струмилина. И если бы он выступил с докладом в Комм. академии теперь, содержание его доклада вероятно было бы иное, и я имел бы меньше поводов выступать с контрполемикой. Основное обвинение, выдвинутое против меня С. Г. Струмилиным, состоит в том, что я проповедую такие принципы построения пятилетки, которые противоречат директивам партии. С. Г. Струмилин цитирует речь т. Сталина на XIV съезде партии. Тов. Сталин говорил, что индустриализацию СССР надо развивать таким образом, чтобы мы возможно скорее эмансипировались от нашей хозяйственной зависимости от заграницы. С этой общей установкой, одобренной XIV съездом, я, по уверению С. Г., не желаю считаться. Мало того, я характеризую ее как „поверхностную индустриальную экспансию“ и выставляю совершенно иной принцип: индустриализация должна в первую очередь реконструировать массовые производства, ибо

только при огромной массовости продукции возможно последовательно провести специализацию, стандартизацию и вообще рационализацию производства, дающую большое повышение производительности труда без добавочных затрат основного капитала. Но такая очередность реконструктивных работ, по мнению С. Г. Струмилина, задержала бы нашу хозяйственную эмансипацию от капиталистического окружения, следовательно, точка зрения Базарова прямо противоположна партийной директиве. Такова аргументация С. Г. Струмилина. Все это сплошное недоразумение. „Поверхностной индустриальной экспансией“ я назвал не директивную установку, а ту тенденцию, которая фактически наблюдается в нашем промышленном строительстве, которая не регулировалась до сих пор никаким систематическим продуманным планом, но носила в высокой степени стихийный характер. Глеб Максимлианович Кржижановский говорил здесь о двух основных направлениях нашей борьбы за плановое начало, об эксплоатации и новом строительстве; он отметил, что в первом направлении мы достигли значительно больших успехов, чем во втором. Это бесспорно. За последние годы мы научились строить достаточно реальные годовые хозяйственные планы и более или менее систематически проводить их в жизнь. Конечно, и здесь мы еще очень далеки от совершенства; наша хозяйственная жизнь отличается чрезмерно резкими сезонными колебаниями, мы то и дело переживаем кризисные явления, вызванные товарным голодом и другими „диспропорциями“ роста. Тем не менее успехи по сравнению с тем, что было пять-шесть лет тому назад, несомненны: „ударные“ кампании все более и более вытесняются из хозяйственного обихода плановым началом. Гораздо хуже обстоит дело с промышленным строительством. Тут еще не закончен период острых детских болезней и величайших неурядиц, план еще совсем не овладел стихией. Чем же направляется эта стихия? Направляется она традициями, унаследованными от дореволюционной эпохи, когда строили все, что капиталистически-рентабельно было строить, а рентабельно было все, что покровительственная политика царского правительства брала под свою высокую защиту. Естественно, что при таких условиях строительство наше отличается раздробленностью объектов; мы пытаемся насаждать производства, для рациональной организации которых у нас нет ни знаний, ни организационных навыков, ни экономических предпосылок; мы начинаем строить гораздо больше того, что при наших ресурсах возможно окончить в разумные сроки. Вот эту нашу практику я и назвал „поверхностной индустриальной экспансией“; распыляя силы и средства, мы не в состоянии форсировать в достаточной степени реконструкцию основных массовых производств, тех производств, где энергично и рационально проведенная реконструкция могла бы быстро и решительно увеличить мощь нашего народно-хозяйственного целого. Отсюда критерий массовости при определении очеред-

ности реконструктивных работ. Противоречит ли этот критерий, цитированный С. Г. Струмилиным, речи т. Сталина и соответственной партийной директиве? Ни в какой мере. В тех тезисах, которые послужили основой для настоящей полемики, я определенно утверждаю, что всей совокупностью естественно-исторических особенностей нашей страны предопределяется тот самый путь развития в сторону все большей и большей хозяйственной самостоятельности, которого требует директива (путь Соединенных штатов Америки, а не путь Англии). И разумеется эта хозяйственная самостоятельность, эта независимость от капиталистического окружения будет достигнута тем скорее, чем интенсивнее и основательнее будет развиваться наша индустриализация, другими словами, чем последовательнее мы будем проводить принцип рациональной очередности в нашем промышленном строительстве. Продолжая теперешнюю практику, мы создадим ряд чахлых производств, дающих дорогую и недоброкачественную продукцию. Это нисколько не освободит нас от заграницы, но замедлит реконструкцию основных массовых отраслей, замедлит рост нашей общей народно-хозяйственной мощи, составляющей основу всякой независимости.

Интересы обороны, как это было отмечено и в моих тезисах и в напечатанной мною почти год тому назад статье, заставляют внести некоторое ограничение в защищаемый мною принцип рациональной очередности. В строительстве, обслуживающем специальные нужды обороны, принцип этот не применим. Здесь в меру возможностей государственного бюджета приходится ставить целый ряд производств независимо от каких бы то ни было соображений экономической рациональности. Но в тех отраслях хозяйства, которые в мирное время обслуживают, так сказать, гражданские потребности, интересы народного хозяйства совпадают с интересами обороны: хозяйственная мощь есть вместе с тем основа военной мощи государства.

Таков инкриминируемый мне „уклон“ в направлении работы по пересмотру пятилетки. Правилен он или неправилен, но совершенно очевидно, что обвинения меня в сознательном намерении итти против директив партии основано, мягко говоря, на недоразумении.

Перехожу теперь к разоблачению моих грехов в области теории познания. Я напомню вам вкратце ход рассуждений Станислава Густавовича Струмилина. Базаров, говорит он, признает, что телеология и генетика, директивные целевые установки и научное исследование—две автономные области. Как будто бы это довольно невинно. Но смотрите, что получается. Получается то, что оперируя автономным научным исследованием, Базаров берет под подозрение директивы XIV съезда и предлагает даже построить два варианта перспективного плана для решения вопроса: кто прав—он или партия. Вот иллюстрация того, что независимости этой самой генетической точки зрения достаточно,

чтобы поставить под сомнение очень твердые, казалось бы, директивные наши установки.

Не лучше и второй принцип, защищаемый „независимыми учеными“ Госплана, что примат в истории, а следовательно, и во всех проектировках нашего дальнейшего исторического развития принадлежит развитию производительных сил. Эту позицию С. Г. охарактеризовал как явный „струвизм“. Для нас, говорит он, примат—осуществление социализма; развитие производительных сил мы принимаем, но лишь постольку, поскольку оно совместимо с процессом социализации нашего народного хозяйства. При такой зловредности „независимых ученых“ С. Г. считает необходимым, чтобы все „зависимые“ сплотились против них единым фронтом и сетует на В. П. Милютина за то, что своей критикой он льет воду на мельницу независимых. С. Г. Струмилин закончил свою критику следующими словами: „Мы никогда не можем признать независимости научного исследования от целевой установки; что касается науки, то, несмотря на высокое звание этой особы, она, как и все остальное, должна быть только вспомогательным средством, только служанкой“.

Такова гносеология т. Струмилина. Если бы она была продуктом его индивидуального творчества, на ней, пожалуй, не стоило бы останавливаться, но как мне кажется, мы имеем здесь проявление своего рода стихии, заслуживающей серьезного внимания. Как пришел Станислав Густавович к своим теоретико-познавательным откровениям? Разногласие между мною и им по вопросам дальнейшей переработки пятилетки казалось ему глубоко принципиальным. В поисках источника этих разногласий ему и пришлось пуститься в трудное путешествие по мало изведанным дебрям гносеологии. Станислав Густавович является одним из самых видных и продуктивных наших научных работников в области конкретной экономики и статистики, но теорией познания он не занимался. Естественно, что мысль его скользнула здесь, так сказать, по линии наименьшего сопротивления, ухватившись за ходячие формулы, за формулы, которые носятся в воздухе и неизвестно кем пущены в оборот. Но именно тот факт, что они носятся в воздухе, заставляет остановиться на них несколько подробнее.

Итак, возьмем тезис первый, который гласит, что мы должны признать науку служанкой партийных установок, ибо иначе возникает опасность, что наша наука столкнется с авторитетным мнением современных вождей коммунизма.

Мне хочется напомнить, что по этому поводу говорил один старый коммунист, которого у нас стали, к сожалению, понемногу забывать, но который в свое время пользовался большим авторитетом, пожалуй, не меньшим, чем в настоящее время Сталин, Бухарин и другие выдающиеся коммунисты. Я имею в виду Карла Маркса. Карл Маркс, как известно, называл созданную им теорию научным социализмом, и не случайно, а с нарочи-

тым подчеркиванием. В научности он усматривал главное различие между своим учением и всеми другими видами и формами социализма. Друг Маркса, Фридрих Энгельс, написал даже целую книгу, в которой он доказывал, что социализм в концепции Маркса впервые превратился из утопии в науку, впервые поднялся на ступень действительной научности. Как мы видим, Маркс и Энгельс с гордостью применяли к своему учению характеристику „научный". Могло ли бы это быть, если бы они рассматривали науку как „служанку" социалистических директивных установок. Конечно, нет. В старые времена бывало, что слуги гордились прославленным именем своих господ, но чтобы господин принял и с гордостью носил имя своей служанки,— этого не бывало.

Тезис, что наука есть служанка некоторых высших непререкаемых директив, ведет свое начало не от основателей научного социализма. Он имеет гораздо более древнее происхождение. Он зародился в средние века и был краеугольным камнем церковно-христианской теории познания в эпоху феодализма. Вся „телеология" того времени имела своим источником религиозную догматику—теологию. Наука же была служанкой теологии. И это положение науки с неизбежностью вытекало из самых основ церковно-христианского мировоззрения средних веков. Директивы теологии опирались не на человеческий разум, а на гораздо более высокий источник познания, на божественное откровение. Наука не могла посягать на обоснование и тем более на практику божественного откровения; ей ничего не оставалось, как быть верной служанкой откровения, его „апологетикой".

Буржуазный строй, дав мощный толчок развитию производительных сил, вместе с тем сбил средневековые оковы и с научного мышления. Наука была впервые провозглашена свободной и независимой; всякое ф о р м а л ь н о е подчинение науки вне ее стоящим авторитетам было уничтожено; наука завоевала автономию. М а т е р и а л ь н о-научное мышление было, конечно, подчинено интересам буржуазии. И пока буржуазия переживала свой революционный период, пока интересы ее были направлены в сторону уничтожения всяких препятствий к максимально быстрому развитию производительных сил, эта подсознательная материальная связанность буржуазного мышления не мешала мощному развитию действительной объективной науки. Известно, с каким уважением относился Маркс к некоторым физиократам и представителям классической политической экономии.

В дальнейшем, по мере того как буржуазное общество приближается к своему закату, по мере того как интересы буржуазии вступают все в большее и большее противоречие с объективными тенденциями исторического развития, буржуазная наука начинает хиреть. Формальная независимость науки сохраняется, но внутренняя связь с интересами падающего класса лишает буржуазных ученых мужества объективной мысли, отнимает у них спо-

собность прямо смотреть в глаза действительности, угасает дух свободного научного творчества. Наука снова вырождается в апологетику, в „служанку“ телеологии.

Социализм, как понимал его Маркс, призван навсегда освободить науку от всяких внешних или внутренних пут; социализм радикально устраняет не только всякую формальную связанность науки, но и те материальные общественные противоречия, которые могли бы вызвать на деле апологетическое перерождение науки. В социалистическом строе наука впервые становится абсолютно свободной и независимой и в то же время находится в полной гармонии с волевыми установками и директивами общества. Достигается эта гармония тем, что на базе науки реконструируются не только общественные отношения, но и сознание людей. К моменту завершения социализма сознание пролетариата должно быть всецело охвачено и преобразовано научным мировоззрением; воля пролетариата должна быть эмансипирована от всяких случайных или безотчетных порывов, от всякого п р о и з в о л а; с в о б о д а с т а н о в и т с я п о з н а н н о й н е о б х о д и м о с т ь ю. На этой высшей ступени развития смешно говорить о „служанках“ и „господах“; здесь эти категории рабского строя и рабского сознания вообще не применимы. Но и в наш переходный период попытка приклеить к марксизму рабью церковно-христианскую гносеологию представляется, конечно, глубоко реакционной. Она реакционна не только теоретически, но и практически. Всякий знакомый по опыту с научной работой согласится. что в науке нельзя создать ничего путного, с о з н а т е л ь н о руководясь положением, что наука есть чья-то служанка. Можно сказать с полной уверенностью, что ученый, поставивший перед собой такую гносеологическую максиму. пороху не выдумает и большой пользы тем директивам, о которых он так заботится, не принесет.

Перехожу к обвинению в „струвизме“. То, что Станиславу Густавовичу представляется струвизмом, есть в действительности пересказ известного предисловия к „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ Маркса. В основе исторического процесса, говорится там, лежит развитие производительных сил и производственных отношений; а на этом базисе вырастают культурно-бытовые, юридические, идеологические и всякие другие надстройки. Что такое социализм? Это есть юридическая и социальная форма, предполагающая мощное развитие производительных сил. Никоим образом нельзя сказать так, как говорил Струмилин.—что социализация есть для нас первое и основное, а рост производительных сил мы допускаем „постольку, поскольку“. Этот второй тезис струмилинской теории познания, как и первый, ведет свое происхождение от времен, давно прошедших. Всего ярче примат коммунистических целевых установок по сравнению с ростом производительных сил, осуществлялся в религиозных коммунистических общинах первых веков христианства. О развитии про

изводительных сил они вообще не заботились, но требование полного отказа от личной собственности проводили с величайшей строгостью. Всякий вновь вступающий в общину должен был продать свое имущество и вырученные деньги сложить к ногам апостола. В „Деяниях апостольских“ рассказывается следующий любопытный эпизод: был некий муж Анания с женою Сапфирою, которые, продав имущество, принесли деньги к ногам апостола Петра, но не все,—малую толику утаили у себя. Петр сурово обличил их перед лицом всей общины, а бог немедленно поразил Ананию и Сапфиру смертью; юноши вынесли их трупы и немедленно зарыли без всяких религиозных церемоний. Итак, за утайку части личного имущества — смертная казнь на месте, и трупы казненных зарываются в землю, как падаль. До такой „коммунистической“ последовательности мы не доходили даже в самый разгар военного коммунизма. Примат коммунистической формы над экономическим содержанием сохраняется на протяжении многих веков в сектантском социалистическом движении. Крупный шаг вперед делает утопический социализм Фурье, Овена и в особенности Сен-Симона. Здесь социалистическая организация приведена в сознательную гармонию с развитием производительных сил; социализм защищается великими утопистами не как праведный, священный, самодовлеющий „примат“, а прежде всего как форма общежития, наилучшим образом гарантирующая развитие производительных сил. Основной недостаток утопического социализма состоял в его неисторичности. Утописты полагали, что рекомендуемое ими общественное устройство могло бы быть с пользой для человечества осуществлено в любую эпоху, на любом уровне хозяйственного развития: и если оно до сих пор не осуществилось, то виноваты в этом предрассудки, недомыслие, косность людей.

У Маркса социалистическое преобразование общества приводится в неразрывную связь не только с развитием производительных сил вообще, но и с исторически определенным уровнем их развития. Ни одна социально-экономическая формация, писал Маркс, не погибает раньше, чем разовьются присущие ей производительные силы; и лишь тогда, когда данный общественный строй из формы развития производительных сил превращается в его оковы, бьет час социальной революции. На этой точке зрения стоит и современный коммунизм. Современные коммунисты считают мировую войну началом мировой социалистической революции. Почему это так? Потому, что дальнейшее развитие производительных сил мирового хозяйства невозможно в капиталистических формах. Эти последние из форм развития превратились в оковы: отныне возможна временная „стабилизация“ капитализма, частичное продвижение вперед отдельных стран, но все это на фоне непрерывно растущих и углубляющихся противоречий, разрешением которых может быть лишь мировая коммунистическая революция. Итак, то, что т. Струмилину представляется „струвизмом“,

есть несомненно точка зрения Маркса и вместе с тем официальная точка зрения современной коммунистической партии.

Ошибка Струмилина, как и всякие ошибки в обществоведении, чревата практическими опасностями. Для того чтобы осветить эту сторону дела, я от абстрактных положений Маркса перейду к конкретной формуле, данной Лениным в его книжке „Что делать“. Вы помните, Ленин полемизирует там с меньшевиками и другими умеренными социалистами, которые утверждали, что задача партийной головки рабочего движения отчетливо формулировать то, к чему приходит коллективное сознание рабочей массы. Ленин категорически отвергал эту позицию. Стихийно рабочая масса приходит, по его мнению, лишь к программе борьбы за повышение своего уровня жизни в рамках существующего строя, т. е. к программе тред-юнионизма. Обобщить стихийные стремления рабочих масс в революционную программу социализма—задача, доступная только „профессиональным революционерам“, идеологам рабочего класса, которые, таким образом, являются не простым зеркалом стихии, а действительными руководителями, политическими вождями рабочего класса. Но само собою разумеется, не внешним авторитетом вождей, а сознательным убеждением прививается рабочему классу социалистическая идеология. Рабочий-массовик становится под знамя социальной революции, когда убеждается, что в рамках капитализма прочное улучшение его жизни невозможно.

Меняется ли это соотношение между массой и вождями мгновенно после завоевания власти партией пролетариата? Конечно, нет. Оно исчезнет лишь тогда, когда будет доведена до конца та культурная революция, к которой мы теперь приступаем. А пока этого нет, пока длится переходный период, остается в значительной степени справедливым то, что писал Ленин в брошюре „Что делать“. И в переходном периоде рабочая масса приемлет общественные формы постольку, поскольку они способствуют непрерывному росту ее благосостояния, а это последнее может расти лишь при условии, что растут производительные силы. Струмилинское „постольку, поскольку“ надо поэтому перевернуть. Не производительные силы должны быть приспособлены к заранее данным априори санкционированным формам социализации, а как раз наоборот, проводимые в жизнь формы социализации должны неустанно пересматриваться, подвергаться критике и исправлению, раз они в недостаточной степени стимулируют развитие производительных сил. Пролетарская революция, говорил Маркс, постоянно проверяет и критикует самое себя, приостанавливается и даже, как будто бы, отступает назад, чтобы сделать еще более решительный шаг вперед. Основной критерий этой самой проверки и самокритики—развитие производительных сил. Защищаемая С. Г. Струмилиным теория — очень удобная идеологическая подушка для жаждущего спокойствия бюрократа переходного периода. Это—идеология бюрократического

оцепенения и бюрократического самодовольства. Но вместе с тем это—идеология, при торжестве которой неизбежно должна появиться и все более и более углубиться трещина между бюрократией и „народом“, между идеологами и классом. Впрочем, как я уже сказал, только что рассмотренные мною положения не являются индивидуальным творчеством С. Г. Струмилина, но явно заимствованы со стороны. Есть, однако, в докладе Струмилина один афоризм, несомненно принадлежащий ему самому. А именно, говоря о требовании углубленного качественного анализа экономических построений пятилетки, он изрек такую формулу: „но что такое качество? Не что иное, как недостаточно осознанное количество“. Вот это—глубоко оригинальная теория. За последние годы среди наших марксистов происходили большие споры между сторонниками самостоятельных качеств и защитниками количественной механической концепции. Но ни один механист не сказал, что „качество есть неосознанное количество“. Это не механический материализм, а мистическая гносеология, усматривающая в количестве, в „числе“ сущность вещей. Это возрожденное пифагорейство. И если бы я захотел вышивать на этой гносеологической канве политические узоры, я мог бы без большого труда,— во всяком случае с большей убедительностью, чем это сделал Струмилин по отношению ко мне и к Громану, — „обосновать“ политическую ретроградность автора сов-пифагорейской теории познания. Можно было бы показать, например, что в древней Элладе пифагорейство всегда выступало на защиту аристократической ретроградной традиции, и что связь эта далеко не случайна; но, товарищи, мне не хочется заниматься этим вздором. Ведь совершенно очевидно, что Станислав Густавович впал в пифагорейство не под давлением его классовых интересов, а в силу, так сказать, гипертрофии профессиональных навыков мышления. Он прежде всего статистик. А статистику всякая вещь кажется „неосознанной“, туманной и неотчетливой, раз она не получила цифрового выражения. И как в глазах сапожника производство обуви есть занятие наиболее достойное человека, так в глазах статистика — сущность мира есть цифра. Если тут и есть несколько односторонний „уклон“, то во всяком случае политически весьма невинный.

Остальные тезисы защищаемой Струмилиным теории познания,—тезисы. гораздо менее невинные при всей их кажущейся архи-лойяльности,—принадлежат, как я уже не раз отмечал, не Струмилину. Но кто же их автор? спросите вы меня. Не знаю. Я не могу припомнить, чтобы нечто подобное говорил кто-нибудь из теоретиков и вообще из ответственных партийных деятелей, кто-нибудь из „консулов“, которым официально поручено блюсти чистоту теоретических основ нашей республики; но я отчетливо помню, что аналогичные формулы я десятки раз слышал и читал в речах и статьях авторов. имена которых невозможно удержать в памяти. Это не официальные „консулы“, а те многочисленные

добровольцы, которые в порыве бьющей через край благонамеренности спешат взять на себя консульские обязанности защиты господствующего учения всякий раз, когда, по их мнению, ему что-нибудь угрожает. А так как никаких ресурсов, кроме благонамеренного подъема чувств, у них нет, то естественно они приходят к формулам, глубоко компрометирующим защищаемое ими учение. К кому же апеллировать на консулов-добровольцев? Очевидно, к республике, если таковая есть и доступна апелляции. К счастью, такая республика есть, и мы находимся в ее стенах. Это Коммунистическая академия. Позвольте же мне, товарищи, закончить мое слово предостерегающим призывом: Caveat Academia, ne quid consules detrimenti capiant.

РЕЧЬ ТОВ. ШАНИНА

Время позднее, и я хочу сделать только два замечания. И не потому, что именно эти замечания являются наиболее важными, а потому, что этому ходу мыслей, насколько я могу судить, в прениях уделялось меньше всего места. Я хотел бы поэтому вставить в контекст замечаний, которые делались другими, следующее.

Первое—по вопросу о целевой установке в нашем перспективном планировании, а второе—по вопросу о тактике.

О целевой установке я должен сказать, что если отвлечься от некоторых полемических заострений, которые у С. Г. Струмилина были, я думаю, что он значительно ближе к марксистской оценке соотношения „телеологии“ и „генетики“, нежели В. А. Базаров. Но я упоминаю об этом только мельком.

Я считаю, что наше планирование находится сейчас в такой стадии, когда всем ходом вещей уже напрашивается. чтобы основные задачи нашей хозяйственной работы были выявлены отчетливее, чем это обыкновенно делается. Мы зашли довольно далеко в деле фактического овладения нашим хозяйством. Несмотря на все дефекты, которые здесь имеются, мы много проделали успешного в смысле реального охвата и руководства нашей экономикой. Но когда речь идет о том, какими же конкретными идеями мы должны здесь руководствоваться, то мне кажется, что оформление этих руководящих идей еще не закончено. XIV съезд партии двинул это дело, сформулировав директиву об индустриализации. В нашей технической литературе по линии электрификации было проделано довольно много, чтобы наметить известные элементы руководящих технических идей. Очень значительный шаг вперед представляет решение XV съезда. Известная конкретизация потребуется сейчас при составлении самой пятилетки.

Наше хозяйство в отличие от хозяйства капиталистического может быть характеризовано как хозяйство, имеющее свои определенные общественные задачи, и в этом смысле имеющее свое лицо. Каковы эти задачи? Я считаю, что на сегодняшний день можно было бы говорить о трех основных задачах.

Одна задача—обеспечить торжество в нашей экономике социалистических тенденций, известный социалистический протекционизм, хотя бы ценой временных жертв по линии производительных сил. Если на длительные сроки тут расхождение невозможно, то на отдельных этапах конфликты между интересами развития производительных сил сегодняшнего дня и социалистическими тенденциями несомненно возможны и на деле имеют место. Если в области промышленности, транспорта, банковской системы, основной товаропроводящей системы, вопрос о дальнейшей рационализации и развитии производительных сил сейчас уже почти совпадает с интересами усиления социалистических тенденций, и развитие и укрепление социалистических тенденций здесь (на базе тех социальных достижений, которые мы в этих сферах уже имеем) почти что сводятся к деловой рационализации, то в других областях положение еще не таково. По линии, например, части сельскохозяйственных заготовок (скоропортящиеся продукты), пытаясь усилить социалистические элементы в организации их, мы на первых шагах идем с некоторыми деловыми и финансовыми жертвами. Но эти жертвы являются совершенно естественными. Мера этих жертв—это вопрос, который решается практически руководящими органами и не может быть раз навсегда однообразно решен.

В области сельского хозяйства мы сейчас вступили в полосу, когда задача социалистического переустройства его становится перед нами, быть может, как основная задача, которая наложит печать на все ближайшее десятилетие. И совершенно бесспорно, что мы будем на первых порах эту задачу решать с некоторыми жертвами по линии, скажем, товарности нашего сельского хозяйства, жертвами, которые на протяжении нескольких лет будут неизбежны, но потом окупят себя. Для длительного периода мы будем иметь совпадение интересов социалистического строительства в сельском хозяйстве с интересами производительных сил.

Но я бы сказал, что для нынешней стадии развития усиление социалистических тенденций в сельском хозяйстве и в некоторой части сельскохозяйственных заготовок будет протекать в некотором временном конфликте с интересами максимального, сегодняшнего развития товарности как самостоятельной задачи. И это ни в малейшей степени не должно нас пугать. Мы через это прошли в транспорте, в банковской системе, в промышленности, в торговле, и это нам предстоит сейчас на известное непродолжительное время в области сельского хозяйства. В этой частной сфере такого рода *протекционизм, в отношении социалистических элементов, хотя бы ценой жертв в смысле некоторого замедления в росте товарности, есть та задача, которая перед нами сейчас стоит.*

Второе—мы говорим о том, что наше хозяйство должно быть подчинено задачам обеспечения обороноспособности страны и ее независимости. В разработке этого вопроса у нас пока не все обстоит благополучно. Мы, к сожалению, пока еще пробавляемся здесь общими лозунгами, не наполняя их достаточно конкретным практическим и деловым содержанием. Мы должны в развитии нашей промышленности и всего народного хозяйства взять установку на обеспечение нашей обороноспособности. Но сколько и чего требуют интересы обороны от нашего хозяйства? Надо сказать, что здесь деловой уровень того, чем мы оперируем, пока еше не высок. Насколько я знаю, Госплан ставит сейчас перед собой вопрос о хозяйственном обеспечении обороноспособности в пятилетке. Я думаю, что этот вопрос в новом варианте пятилетки несомненно найдет деловую, конкретную разработку. По линии обороноспособности от нашего хозяйства потребуются определенные жертвы. Но эти жертвы должны быть уточнены и прямо подчинены конкретной и точной деловой задаче. Они должны вытекать из совершенно определенных и конкретизированных требований обороны. Мы должны от общего — и в своей общности расплывчатого — лозунга перейти здесь к строгому подсчету необходимого. Неопределенность требований, которые мы в этом отношении адресуем сейчес нашему хозяйству, должна быть преодолена. Это одна из основных задач перспективного планирования. Такое уточнение может привести к тому, что мы должны будем в одних областях делать больше, чем это нам сейчас кажется, а в других областях мы, быть может, окажемся менее под тяжестью требований, чем это сдается на основе общего только лозунга; окажемся, может быть, более свободными. Уточнение всего этого нам совершенно необходимо как в интересах обороны, так и народного хозяйства.

К этому примыкает лозунг о независимости нашего хозяйства в мирных условиях. Я должен сказать, что с деловой разработкой лозунга независимости обстоит дело еще хуже. Нам необходимо обеспечить независимость от капиталистического окружения не только в условиях войны, но и в мирное время. Но насколько реально вообще этот мотив определяет линии нашего социалистического строительства? Мы форсируем, скажем, нефтяную промышленность, которая стала уже во внушительных размерах экспортной. Мы требуем довольно больших сумм для нефтяных инсталяций за границей, мы вкладываем миллионы в оборудование продажных пунктов нашей нефти, в том числе и розничных, в самой Англии. С этим связана возможность известной зависимости (известного рода зависимость имеется не только в импорте, но и в экспорте). Присмлема она или неприемлема? Практически мы этот вопрос решаем, но отчетливой разработки под этим углом зрения отрасли за отраслью в нашей пятилетке пока нет. Типы зависимости бывают весьма различны. Зависимость бывает, кроме того, односторонней и двухсторонней (взаимозави-

симость); чувствительность по отдельным отраслям экспорта и импорта крайне различна, смотря по международной организованности и монопольности контрагента, смотря по удельному весу импорта и экспорта во внутреннем производстве по каждой отрасли, в зависимости от доли ввоза и вывоза данной страны в мировом ввозе и вывозе по данной отрасли, в зависимости от формы финансирования внешней торговли и т. д. Формулировка под этим углом зрения развернутых, определенных, конкретных заданий для пятилетия совершенно необходима. Над этим надо систематически поработать.

Кржижановский. Вы плохо читали раздел развертывания.

Шанин. Если взять то, что называется пятилеткой Госплана,—работу Струмилина,—то можно убедиться, что эти вопросы пока не разработаны. У вас в руках имеется экземпляр пятилетки, вы может быть его передадите Струмилину, который в заключительном слове в опровержение меня процитирует соответственные места.

Надо сказать, что по линии независимости у нас реальной конкретизации пока нет, и здесь нам нужна дополнительная работа Госплана.

Третий момент—Г. М. Кржижановскийговорил сегодня о стыке между нашей экономикой и культурой (культурной революцией). Я считаю, что мы после десяти лет входим в такую полосу, когда вопрос о нашем народном хозяйстве, обращенном лицом к населению, вопрос о хозяйстве, обслуживающем людские массы Союза, выполняющем определенные задачи в отношении живых рабочих и крестьянских масс, становится одним из важнейших. Что даст наше хозяйство в итоге следующих пяти лет населению в смысле повышения уровня жизни, быта, условий труда, реорганизации труда и приближения его к социалистическому типу, в смысле объема потребления, социалистического качества этого потребления, культурного состава этого потребления? Все это моменты, которые должны быть разработаны в пятилетке. Для второго десятилетия это—задача, которая должна быть выдвинута значительно более отчетливо. Если вы возьмете пятилетку Госплана, то любопытно, что там даже нет главы о потреблении.

Развитие производительных сил в сочетании с определенными социально-организационными формами является как бы самодовлеющей задачей. Но ведь социалистическое хозяйство характеризуется тем, что оно субъектное хозяйство, притом вдвойне. Оно субъектно в том смысле, что имеет планового организатора и оно субъектно, поскольку имеет живого адресата, для которого хозяйственная работа ведется. Конечно. улучшение условий жизни для сегодняшнего дня, как мы видели. еще не является единственным критерием. И даже в пределах вопроса об улучшении условий жизни масс вопрос нужно ставить так, что в пределах

пятилетия для непосредственного потребления и культурного обслуживания масс может быть направлено столько-то ресурсов, а столько-то должно быть направлено для накопления как предпосылки культурного обслуживания масс в следующее пятилетие. А это значит, что массы должны в ближайшее пятилетие принести известные жертвы ради большего размаха в подъеме уровня своей жизни в следующее пятилетие. Но человеческое лицо нашей экономики должно быть выявлено как в потреблении, так и в накоплении ближайшего пятилетия.

Если мы говорим о культурной революции, она должна отразиться и на типе нашего хозяйственного планирования в смысле выявления этих наших задач. Речь здесь идет не обязательно об увеличении направляемых на это дело ресурсов. Это вопрос конкретных расчетов. Речь идет пока лишь об известной перегруппировке планового материала, о присоединении нового разреза рассмотрения, который позволил бы, по крайней мере, выявить то, что в этом отношении уже сейчас (прямо или косвенно) намечается.

Известная социалистическая гуманизация нашего хозяйства является той задачей, которая выдвигается перед нашими плановыми органами в нынешнем десятилетии. У нас был период, когда мы измеряли наши успехи военно-политическим укреплением диктатуры, колоссально жертвуя ради этого и ростом производительных сил и даже непосредственными успехами социалистического строительства в хозяйстве, ибо военный коммунизм был формой социалистического организованного проедания ресурсов, диктовавшегося условиями войны, а не действительного развертывания социалистического хозяйства. Военный коммунизм позволил нам решить военную задачу, но хозяйственно и политически он привел нас к кронштадтскому кризису. В следующий период мы спасали диктатуру и основные наши хозяйственные позиции методами нэпа, оживляя хозяйственную жизнь, создавая для социализма хотя бы минимальнейшую производственную (продовольственную и сырьевую) базу, хотя бы ценой некоторого отступления по линии законченных социалистических форм. Мы окрепли в результате нэпа, создали минимальную базу и через три года нэпа, укрепившись, смогли поставить во весь рост следующую задачу—после создания минимальной производственной базы, начать тщательно выращивать элементы социалистического переустройства. Последние годы характеризуются решающими успехами в области социалистического строительства, обеспечивающего одновременно и рост производительных сил. Только три года тому назад мы в наших планах (контрольных цифрах) стали впервые специально прослеживать процессы обобществления. Это было показателем того, что мы вошли в следующую стадию роста. На базе всех этих успехов сегодня или завтра, через год или через два, вопрос о гуманизации нашего народного хозяйства, вопрос о гуманистических его задачах, вопрос о большем выявлении этой стороны и этой цели нашей

хозяйственной работы станет на очередь. Переход к этому в известной степени уже подготовлен предыдущими успехами всего нашего экономического и социалистического строительства и успехами нашего планирования.

Необходимость этого шага я связываю еще с одним моментом. Я имею в виду связь плановых органов с массами. Эта связь, как настоящая живая связь, должна и может быть создана. Как к этому итти? Несмотря на весь строительский энтузиазм масс, для этого нужно не только выяснение того, что в итоге пятилетия мы будем иметь столько-то угля, столько-то электроэнергии, столько-то металла и т. д. В этом нет еще выражения того,— сколько чего получат массы в смысле подъема их уровня жизни. Нужно попытаться перевести всю ту большую работу, которую вы проделали, на язык измененного уровня жизни масс, условий их труда, быта, потребления, его состава, индивидуальной и обобществленной формы потребления и т. д.

Кржижановский. Это есть.

Шанин. Где? Если вы думаете, что данные о доходе и уровне зарплаты исчерпывают этот вопрос, то это ошибка. Конечно, большой шаг вперед, что подсчитан рост дохода, но это еще не решает того вопроса, о котором я говорю. Некоторую конкретизацию вы даете только в отношении жилищной площади в итоге пятилетия. Но по другим линиям нет даже такой скуднейшей конкретизации.

Голос. Есть она—в первом варианте Струмилина.

Шанин. У вас нет в пятилетнем плане отчетливой картины уровня жизни масс в его конкретном натуральном выражении. Этого у вас нет.

Струмилин. Кое-что есть, но это вас не удовлетворяет.

Шанин. Думаю, что то расхождение, которое заметно здесь по „цвишенруфам“ объясняется именно тем, что вы удовлетворены теми отдельными, крайне скудными намеками об этом, которые в пятилетке в рассыпанном виде имеются, а мне представляется, что мы можем уже дать, а потому и должны дать отчетливую, конкретизированную и ясно выраженную картину того, что—в качестве исходной точки—мы сейчас имеем в смысле условий жизни и труда и что мы будем иметь через пять лет в этом отношении в результате того подъема хозяйства, который пятилетка планирует.

Вот то, что я хотел сказать по первому разделу о целевых установках.

Второй раздел, если можно так наименовать эти подразделения, относится к вопросу об экономической тактике на протяжении этих пяти лет. Что я понимаю под вопросом об экономической тактике? Я имею в виду следующее. Нам нужно решить вопрос, будем ли мы и дальше двигаться путем периодических разрывов в хозяйстве или нет. Как мы двигаемся реально. На деле мы периодически сбиваемся на перенапряженную

неравномерность в росте отдельных частей хозяйства, приводящую к серьезным разрывам. То, что мы имели на протяжении истекшего квартала, может быть охарактеризовано только как кризисный разрыв. И вопрос заключается в том, нормализируем ли мы этот тип развития, или нет. Мы недавно слыхали, что то, что мы имели в первом квартале, есть нормальное сезонное явление, которое будет на протяжении ближайших лет повторяться. Я считаю чрезвычайно важным, чтобы мы установили, действительно ли для нас неизбежно двигаться именно таким путем, действительно ли установленный партией курс может быть успешно проведен на деле только в этих формах, действительно ли то, что мы в этом году пережили, есть поэтому неизбежное и нормальное явление, долженствующее повторяться из года в год на протяжении ряда ближайших лет. Я думаю, что Госплану совершенно необходимо в этом пункте занять отчетливую позицию. В частности, Госплану следовало бы взвесить вопрос о том, сколько мы на деле заплатили за эти разрывы в нашем хозяйственном развитии, каковы были реальные издержки практики перенапряженной неравномерности, каковы в итоге задержки, а не форсирование темпа нашего развития, ибо эти разрывы ничего не дают и очень многое у нас берут. Госплан должен все это взвесить и на основе этого уточнить тактику нашего продвижения в течение ближайшего пятилетия. Лично я думаю, что отказ от практики разрывов только поднимет темп нашего развития.

Затем другой, смежный с этим, вопрос. Мы сейчас сплошь и рядом движемся таким образом: мы намечаем (если взять опыт прошлого года) определенное задание по поднятию производительности труда, определенное задание по снижению цен, по подъему заработной платы, по повышению цен на технические культуры и т. д. Мы это запроектировали и в предположении, что все это будет равномерно осуществляться, начинаем (необеспеченные резервами) одновременно двигать и одну, и другую, и третью колонну мероприятий. А между тем совершенно очевидно, что рост производительности труда должен быть базой для снижения цен и должен ему несколько предшествовать (если не рассматривать снижение цен как единственный доступный нам метод принуждения к снижению себестоимости, о чем я вскользь скажу ниже). А ведь мы определенный рост производительности труда пока только запроектировали, и неизвестно еще, насколько полно его удастся осуществить. Тем не менее мы уже проводим полностью программу снижения цен, не дождавшись результата снижения себестоимости. Мы видели, как в прошлом году одновременное (в летние месяцы) проведение всех этих четырех линий дало нам серьезный срыв. Не правильнее ли было бы произвести снижение цен с опозданием, скажем, на четыре—шесть месяцев, осуществив его на базе выявившихся уже реальных успехов в области снижения себестоимости и прибегнув

в качестве меры принуждения к фискальным методам давления на хозорганы (введение временных—скажем на 6 месяцев—акцизов и промналога, при неизменных ценах, как метода принуждения к снижению себестоимости и подготовки к непосредственно следующему за этим снижению цен).

Я думаю, что Госплану следует установить ряд аналогичных деловых директив, относящихся к области экономической тактики на протяжении ближайших лет, которые могли бы нас застраховать от периодического повторения кризисов, отнюдь не неизбежных, отнюдь не коренящихся в самом экономическом курсе партии, ничуть не мотивированных требованиями темпа, наоборот, лишь задерживающих темп развития, и—не будем этого забывать—компрометирующих идею планового хозяйства, за престиж которой нам надо еще упорно бороться.

РЕЧЬ ТОВ ЛЕОНТЬЕВА

Я не предполагал, признаться, выступить по заслушанным докладам о пятилетнем плане, потому что я еще не закончил в настоящее время своей работы, соприкасающейся с этими проблемами. Я решил все же взять слово лишь потому, что в последних выступлениях тт. Базарова и Шанина, мне кажется, имеется много таких замечаний, которые никак нельзя пропустить мимо ушей и на которые следует так или иначе ответить.

Тов. Базаров довольно решительно взял под обстрел утверждение т. Струмилина насчет связи между наукой и политическими директивами. Тов. Базаров при этом чрезвычайно умело воспользовался, быть может, не совсем удачной словесной формулировкой т. Струмилина насчет того, что наука—служанка директивы. Исходя из критики этой словесной формулировки, он зашел, однако, по-моему, довольно далеко и выставил целый ряд таких положений, с которыми согласиться никак нельзя. Тов. Базаров указал на то, что забытый старый коммунист Маркс,—я, признаться, не знаю, почему Маркс должен в настоящее время считаться именно забытым коммунистом, мы грешным делом обычно считаем наоборот, что настоящая эпоха является эпохой торжества и идейного господства марксизма в большей мере, чем какие-либо другие,—так вот, забытый старый коммунист Маркс, по мнению т. Базарова, иначе смотрел на взаимоотношения между наукой и директивами. Марксизм является научным социализмом. Был раньше другой социализм, который не носил научного характера; марксизм носит научный характер, и поэтому нет разрыва между наукой и социализмом. Наука, так сказать, не может успокоиться на положении служанки, науке принадлежит гораздо более почетная роль. Вот, примерно, смысл соображений, высказанных т. Базаровым.

Мне кажется, что в этих соображениях имеется, в лучшем случае, лишь половина правды. а как нам известно, половина

правды иной раз бывает хуже, нежели целая неправда. Верно, что социализм бывает научным и ненаучным; но верно также и то, что науки бывают социалистическими и несоциалистическими. Вот эту вторую сторону вопроса, эту весьма элементарную истину т. Базаров каким-то непонятным образом совершенно упустил из вида. Он упустил из вида, что не всякая наука является социалистической наукой, и не всякая наука с нашей точки зрения является наукой вообще. Вы знаете, товарищи, что есть очень много таких произведений, которые носят все внешние видимые признаки научных произведений, а между тем мы эти солидные книги, эти толстые фолианты, несмотря на всю их научную видимость, не считаем научными произведениями. Сравнительно недавно т. Покровский совершенно правильно указал, что буржуазная наука истории, в сущности говоря, есть не что иное, как буржуазная политическая публицистика, опрокинутая в прошлое. Именно так мы оцениваем буржуазную науку и во всех остальных областях обществоведения. То обстоятельство, что не всякая наука является социалистической, звучащей в унисон с классовыми интересами пролетариата. показывает, что связь между наукой и директивами, т. е., говоря яснее—классовой линией социалистического строительства, не такая уж непрочная, не такая уж маловажная. И весь этот вопрос не столь уж курьезен, как это кажется т. Базарову.

Тут возникает, естественно, вопрос—где тот критерий. который позволяет решить, признаем ли мы данную работу, данную теорию, имеющую наукообразную форму, признаем ли мы ее за науку, или не признаем. Таким критерием, в сущности говоря, является, конечно, классовый подход. Тов. Базаров всю свою аргументацию построил, я бы сказал, чрезвычайно элементарно, поэтому и возражать приходится в чрезвычайно элементарной форме. Он нам напоминал, что марксизм есть научный социализм. Совершенно верно: имеется научный социализм и ненаучный социализм. Но так же верно и так же элементарно, что общественная наука, в зависимости от тех классовых интересов, которым она служит, может иметь буржуазный или пролетарский характер. В зависимости от этого она может нами признаваться в качестве науки и может не признаваться в качестве таковой. Поэтому те по видимости убедительные возражения, которые по этому поводу у т. Базарова были, когда он говорил, что нельзя науку подменять директивами, которые. может быть, звучали убедительно по форме, по существу являются результатом чистого недоразумения. Маркс, который социализму придал научный характер, говорил о том, что мы познаем внешний мир в процессе активного воздействия на этот самый внешний мир. При этом Маркс указывал, что наука вовсе не является верховным каким-то существом, которое стоит вне обыденных классовых интересов. которое стоит над грешной

землей. Мы знаем, что Маркс подходил к науке совершенно иначе, что он подчеркивал и выдвигал на первое место именно классовый момент, отрицаемый, в сущности, т. Базаровым.

Тов. Базаров затронул чрезвычайно интересный вопрос, который до настоящего времени не решен со всей ясностью, которой он заслуживает; это вопрос о соотношении между генетикой и телеологией. Об этом говорилось в содокладе; в прениях этот вопрос снова и снова поднимается. Здесь иногда совершенно упрощенно и вульгарно истолковывается та общеизвестная марксистская истина, что свобода есть познанная необходимость. Исходя из этого совершенно бесспорного положения, иногда умудряются притти к выводу, что, мол, задача планирования целиком исчерпывается задачей прогноза хода будущего развития. Вы знаете, что среди некоторой части плановых работников, которые занимаются этим вопросом, существует течение, которое рассматривает план лишь как предвидение тех стихийных процессов, которые происходят в нашем хозяйстве. Совершенно ясно, что наш план, план социалистического строительства не может носить такого характера. Таким предвидением стихийно проявляющихся процессов может удовлетвориться план любого крупного объединения капиталистических хозяйств. Наш план в корне, в самом своем существе отличается от этого плана. Кроме познания стихийно-действующих закономерностей, мы должны в наш план включить ту или иную определенную целевую установку; мы должны в наш план привнести элемент телеологии. На первый взгляд может показаться, что это противоречит тому положению, что свобода, в сущности говоря, есть познанная необходимость. В самом деле, если необходимость существует, если объективная необходимость дана, все дело заключается лишь в том, чтобы эту объективную необходимость познать. Может показаться, что достаточно предвидеть эту необходимость, достаточно ее познать, и дело плана будет „в шляпе“; при этом никакой телеологии не надо, никаких директив не понадобится. Такая трактовка этой сложной проблемы исходит однако из чрезвычайно, я бы сказал, механического представления об этом самом процессе познания необходимости. Ведь, в самом деле, познание объективной необходимости должно совершаться грешными людьми; оно отнюдь не исходит от бога. Тов. Базаров упоминал тут, как в средние века, когда говорили, что философия—служанка теологии, откровения ждали именно от бога, от мистического высшего существа. В настоящее же время, когда мы говорим о познании необходимости, речь идет о том, что мы ее сами должны познать.

Разумеется, само познание этой необходимости будет различным в зависимости от того, какими классовыми интересами это „познание“ определяется. Сплошь и рядом можно встретить такого рода прогнозы, такого рода попытки познания объективного хода событий, которые мы должны решительно отвергнуть, потому

что эти попытки исходят из враждебной нам классовой установки. Поэтому совершенно справедливы были те замечания, которые сделал т. Струмилин по адресу ученых экономистов, которые любят рядиться в тогу „независимости“. Нужно приветствовать уж одно то, что т. Базаров делает попытку уйти из лагеря этих самых независимых ученых. Он указывал, что не принадлежит к той категории, о которой говорил докладчик. Но путь, по которому он пошел, пытаясь доказать полнейшую независимость науки от классовых интересов, от директив, как он несколько иронически называл то, что мы называем классовой линией, — этот путь мне представляется наименее удачным из всех путей, которые здесь можно было выбрать.

Перехожу к тем замечаниям, которые были сделаны т. Шаниным. Тов. Шанин пытался подойти к двум проблемам: к вопросу о целевой установке плана и к вопросу о тактике в деле планирования.

Что касается целевой установки в плане, то нужно сказать, что вопрос этот теоретически чрезвычайно мало разработан. У нас даже дискуссии настоящей не было по этому поводу. Имеются кое-какие статейки на эту тему, в частности, была моя статья в последнем номере „Плановое хозяйство“, но во всяком случае этот вопрос чрезвычайно мало разработан. Мне кажется, что постановка вопроса т. Шанина не может считаться правильной. Когда речь идет о целевой установке, мы должны исходить из того, что в деле планирования советского народного хозяйства имеется, в сущности, одна основная цель. Здесь нет того, что можно было условно назвать гетерогенностью целей, здесь нет множества противоречащих друг другу целей. Есть одна цель, и эта цель есть продвижение к социализму. Разумеется, такая общая формулировка цели далеко недостаточна для практических нужд планирования. Задача заключается в том, чтобы эту общую цель конкретизировать, чтобы ее для каждого отрезка времени выразить в определенных, так сказать, формулах возможно более конкретного характера. Это совершенно верно. В этом отношении нужно работать дальше. Но то, что выставил т. Шанин, мне представляется неправильным и вот почему. Во-первых, некоторые недоразумения вызывает формулировка, которую он здесь приводил. Его формулировка является, повидимому, продуктом известного обдумывания. Он указывал, что наша цель сводится к тому, чтобы *способствовать* социалистическому развитию. Он при этом указывал на то, что мы применяем социалистический протекционизм в отношении обобществленного сектора нашего народного хозяйства. Мне кажется, что такая формулировка не исчерпывает дела и она может создать неправильное представление о самой сущности вопроса. Способствовать мы должны такому процессу, который происходит стихийно и в значительной мере помимо нашего участия. Если бы мы полагали, что обобществленный сектор возникает и растет стихийно, что вообще социализм разви-

вается также совершенно стихийно, тогда задача, действительно, исчерпывалась бы тем, чтобы оказывать ему протекционизм и тем самым способствовать его развитию. Но дело как раз этим не ограничивается. Дело заключается в том, что социализм приходится строить, и притом строить не в безвоздушном пространстве, а в процессе борьбы с врагами социалистического строительства, в процессе борьбы с частно-капиталистическими элементами, которые существуют в нашем хозяйстве и имеют некоторые возможности развития на базе огромного моря мелких товарных хозяйств. Это самое море мелких товарных хозяйств может развиваться по двум путям: к социализму или к капитализму. Мы боремся за социалистический путь их развития, за их обобществление, за кооперирование и т. д.

Таким образом, дело не ограничивается лишь одним способствованием. Речь здесь идет о сознательном строительстве, о сознательном увеличении доли социалистического обобществленного сектора в нашем народном хозяйстве.

Далее т. Шанин затронул вопрос, который тоже точной постановки не получил, это вопрос о пропорции между мирным строительством и задачами обороноспособности. Не совсем ясно, о чем, собственно, идет речь у т. Шанина. Ход его мыслей был примерно такой, что у нас нет строго установленных норм в этом отношении, что мы имеем тут, так сказать, значительное влияние всякого рода случайных моментов. И т. Шанин указывал, что если бы у нас была твердо установленная норма по этому поводу, то, может быть, мы бы могли ограничиться меньшими средствами, чем те жертвы, которые приносятся сейчас; причем, несмотря на сокращение затраченных средств, мы бы ничего не потеряли в смысле укрепления обороноспособности страны и получили бы тот же самый эффект. Мне кажется, что из этих замечаний могут вытекать некоторые не совсем правильные выводы.

Это заявление т. Шанина можно понимать в двух смыслах. Можно понимать его мысль так, что конкретная практическая деятельность тех или иных руководящих организаций имеет те или иные дефекты. Это вполне конкретное дело, это обстоятельство, которое не представляет собою предмета научного обсуждения,—это дело, которое требует вполне конкретной проверки, исправления и т. д. Но в эти возражения можно вложить и другой смысл, который будет в корне неправильным, причем т. Шанин подает некоторый повод именно к такому пониманию. Можно понять таким образом, что существует известная объективно данная пропорция между потребностями мирного строительства и потребностями обороны. Наша задача заключается в том, чтобы эту объективно данную пропорцию найти, чтобы ее познать, а познавши, положить в основу нашей практической деятельности. Конечно, товарищи, вы прекрасно понимаете, что так вопрос ставить нельзя, что нет такой объективной пропорции, потому что мы не знаем и не можем знать заранее вполне

досконально тех обстоятельств, из которых вытекает необходимость укрепления обороноспособности страны. Мы заранее не знаем наших противников, мы не знаем точных размеров их ресурсов, не можем предвидеть всей обстановки наших будущих столкновений с мировым капитализмом. Поэтому не может быть и речи о том, что существует какая-то объективно данная пропорция, по которой следует делить все наличные ресурсы на две доли: на часть, употребляемую для поддержки обороноспособности, и другую часть, направляемую на нужды мирного строительства.

Подобное недоразумение тесно связано с тем, что иногда неправильно, прямо как-то метафизически трактуют вопрос о свободе как познанной необходимости, вопрос, на котором я несколько остановился ранее.

Перехожу, наконец, к последнему вопросу, который был затронут т. Шаниным и который представляет особенно большой интерес. Он проблему тактики в области планирования понимает таким образом, что нам следует решить вопрос, закрепим ли мы тот сверхнапряженный темп, которым идет хозяйственное развитие в настоящее время, или мы, наоборот, будем оставаться только на темпе напряженном. Такова формулировка, данная т. Шаниным. Стало быть, в настоящее время у нас темп перенапряженный. Я должен оговориться, что т. Шанин, пожалуй, не специально о темпе говорил, а говорил об общем ходе и направлении хозяйственного развития, указывая, что именно общее состояние хозяйства перенапряжено. Поэтому он ставит вопрос о том, что выгоднее нам: сохранить это перенапряженное состояние хозяйства, или перейти на состояние только напряженное; при этом он указывал, что Госплану следовало бы произвести соответствующие подсчеты, во сколько нам обходится перенапряжение в области хозяйства и выгодно ли сохранение этого перенапряжения с точки зрения темпа хозяйственного развития, с точки зрения конечных результатов. Я должен сказать по совести, что эта часть речи т. Шанина большой ясностью не отличалась; чрезвычайно многое осталось прямо-таки неясным; формулировки тут были даны чрезвычайно, я бы сказал, осторожные. Но все же, несмотря даже на такую осторожность формулировок, некоторые возражения напрашиваются сами собой.

Прежде всего, кто уполномочен проводить грань между перенапряженным состоянием и напряженным состоянием? В какой момент просто напряженное состояние переходит в перенапряженное? Ведь в конце концов подобное деление следует понимать в чрезвычайно относительном смысле. Это первый вопрос, который тут напрашивается. Второе замечание, совершенно законное, заключается в том, что современное перенапряжение в области хозяйства не было никем запроектировано, не было никем спланировано. Оно получилось скорее в порядке плановых просчетов, в порядке плановых неудач; но

никогда никем не проектировалось сознательно такое перенапряжение, наличие которого мы имеем в настоящее время в нашем народном хозяйстве. Мне кажется, что это вряд ли кто-нибудь станет отрицать. Стало быть, когда мы говорим о планировании на дальнейшие 5 лет, когда мы говорим о тех запроектированных моделях хозяйственного развития, которые тут имеются, то ставить в пример современную напряженность, или, как говорит т. Шанин, перенапряженность, не совсем законно, ибо причина этого перенапряженного состояния лежит в нарушении плановых наметок, в том, что некоторые плановые наметки, как показало дальнейшее хозяйственное развитие, оказались недостаточно верными, недостаточно точными. Вот в чем заключается корень вопроса.

Затем т. Шанин сам говорил, что перенапряженность в хозяйстве может получиться от разных причин, и вследствие этого пути ликвидации перенапряженности тоже могут быть весьма различны. В зависимости от причин перенапряженного состояния приходится избирать тот или другой путь ликвидации перенапряженности. Я должен сказать, что по этой части замечания т. Шанина были чрезвычайно скупы; но даже из этих скупых замечаний некоторые следует признать совершенно неправильными. Тов. Шанин почему-то остановился только на одной стороне вопроса; он указал, что мы рост заработной платы проектируем одновременно с повышением производительности труда. Не дожидаясь, мол, результатов в области повышения производительности труда, мы сразу повышаем заработную плату. Указывалось далее, что точно такая же политика проводится и в области снижения цен, когда мы цены снижаем, не дожидаясь и не добиваясь предварительного снижения себестоимости. Я думаю, т. Шанин, что можно указать целый ряд других причин перенапряженного состояния нашего народного хозяйства, и в зависимости от этих причин уже указывать пути ликвидации этого перенапряженного состояния.

Укажу хотя бы те причины,—я здесь с ними не солидаризируюсь ни в малейшей мере,—которые в экономической прессе иногда фигурируют. Некоторые указывают, что перенапряженность получилась вследствие слишком больших размеров капитальных вложений, и требуют для уничтожения перенапряженности решительного снижения капитальных вложений. Другие указывают, что перенапряженность в области хозяйства прямо получилась оттого, что внешняя торговля отстает от всех других отраслей народного хозяйства; отсюда делается вывод, что следует принять целый ряд мер для того, чтобы внешняя торговля выравнялась, чтобы она не отставала от общего темпа народного хозяйства, причем для достижения этой цели, без чего нельзя, мол, восстановить равновесия в народном хозяйстве, можно довольно свободно обращаться, по мнению некоторых критиков, с принципом монополии внешней торговли. Вот какие

причины существующей перенапряженности указываются отдельными экономистами, которые в зависимости от этих причин делают определенный вывод относительно путей восстановления равновесия. По этой части у т. Шанина большой ясности не было. То, что он говорил относительно заработной платы, это, правда, указывалось целым рядом других экономистов, но вряд ли может считаться правильным. Мы знаем те решения и ту линию, которую партия проводила в области хлебозаготовок; наши мероприятия идут по линии усиления борьбы с капиталистическими элементами деревни, по линии улучшения нашего хозяйственного аппарата, улучшения функциональной работы наших хозяйственных организаций. Именно таким путем, а вовсе не путем снижения заработной платы или замедления в дальнейшем роста заработной платы, мы предполагаем эту перенапряженность ликвидировать.

РЕЧЬ ТОВ. ЛЯЩЕНКО

Я попросил вторично слово для того, чтобы сделать несколько замечаний по поводу тех реплик, которые были здесь сделаны одним из оппонентов, к сожалению, отсутствующим— т. Кржижановским, по поводу моего выступления, и для того, чтобы поставить, если не перед т. Кржижановским, то перед т. Струмилиным, несколько вопросов, на которые не ответил т. Кржижановский. Я с большим нетерпением ожидал выступления т. Кржижановского, так как думал, что он нам даст широкую картину тех принципиальных подходов, которые были положены в основу „перспектив" и которые здесь, главным образом, и привлекли внимание. Но если по словам т. Кржижановского мое выступление его наиболее удивило, точно так же и я должен сказать, что и выступление т. Кржижановского, в свою очередь, меня сильно удивило. Я не услышал от него ничего того, что я с таким нетерпением ожидал, так как все дело свелось, главным образом, к таким общим рассуждениям, которые по существу поднятых вопросов не решают и на них даже не отвечают.

Я должен прежде всего указать два обстоятельства и две характерных черты, которые можно отметить в выступлениях работников Госплана, как главных здесь оппонентов по поводу рассмотрения пятилетки. Когда мы здесь указывали, я и другие, в том числе и т. Милютин, на теоретическую необоснованность того, что имеется в перспективах, на то, что там преобладают голые цифры, количественные выражения, без качественного содержания, без социально-экономического анализа этих голых цифр, тогда т. Струмилин и т. Кржижановский отвечали, что здесь за каждой страницей, за каждой цифрой имеются сотни страниц обоснований, что эти сотни страниц хранятся в архиве Госплана и в них все обосновано, что нет ни одной цифры не-

обоснованной. Нужно думать, что все эти цифры, действительно, не списаны с потолка. Но мы обсуждаем не эти скрытые обоснования, мы не работники Госплана, а Комм. академии, мы являемся читателями только этого тома в 800 страниц, а в нем-то этого качественного обоснования, экономического анализа цифр не находим. Это первое положение.

Второе соображение, которое развивал здесь т. Кржижановский, заключается в следующем. Когда опять-таки мы указываем на необходимость дать научное обоснование данных практического хозяйственного строительства, то т. Кржижановский говорит нам следующее: подойдите к практической работе, поваритесь в этой практике, тогда вы увидите, как трудно, как невозможно под давлением жизненного спроса давать какие-нибудь академические научные обоснования. Да фактически это уже не так и важно, ибо наука является „служанкой" этого практического строительства. Я думаю, что с этим положением также нельзя согласиться. Ведь доклад делается работниками Госплана в Академии, ведь доклад для того здесь и поставлен, чтобы рассмотреть его с точки зрения научного обоснования. Конечно, я не хочу отсюда сделать вывода, что мы такие „академики", которые заложат уши ватой, завешают окна действительности и будут витать в области абстрактных, отдаленных от жизни построений. Понятно, этого нет. Но тем не менее требовать научного обоснования нам нужно, оно всегда останется в силе. И вот я в своем выступлении и в статье указывал на то, что все содержание плана в сущности состоит из, пожалуй, правильных общих теоретических положений, под которыми можно почти целиком подписаться и которые здесь не вызывают сколько-нибудь крупных разногласий. Но при переходе к конкретным данным оказывается, что все они висят в воздухе и не обоснованы, они совершенно не связаны с такими обоснованиями. В основе их лежит так наз. „метод инженерной проектировки социальных конструкций", затем „формально-статистический метод", и, наконец, метод, который я назвал методом бухгалтерским, сметным, ведомственным. И к этому можно привести много доказательств. Тов. Кржижановский в своей реплике говорит, что я будто „ставлю знак равенства" между этими тремя методами—статистическим, бухгалтерским и методом „инженерной проектировки". Нигде этого знака равенства я не ставлю. Я только подчеркиваю, что эти три метода применяются в „перспективах", но что в этих методах нет научного социально-экономического анализа и обоснований количественных выражений. Вместо этого в плане получил преобладание тот формально-статистический метод, от которого сам Госплан отказался.

Этот формально статистический метод оказал отрицательное влияние на построения и обоснования плана, устранив из поля зрения экономический анализ... Я приводил много примеров, вроде, напр., подсчета числа телеграмм, которые будут пос-

ланы в 1931 г. и числа слов на каждую телеграмму. Что дает такой подсчет в смысле социально-экономических перспектив планового хозяйства? Конечно, ничего. Может быть, можно сказать, что это важно для того, чтобы установить количественный размер той службы связи, которая является важнейшим моментом в развитии народного хозяйства. Но ведь характер этой связи в этих цифрах совершенно не передается. Он будет совершенно иной, когда, например, дело пойдет на усиление индустриализации, на усиленный темп промышленного и торгового развития, и другое дело, когда народное хозяйство будет менее индустриализировано. Тогда характер связи при том же самом количестве телеграмм будет совершенно иной. Я нарочно взял такой пример, как будто бы далекий от необходимости вкладывания какого-либо социально-экономического содержания. В действительности оказывается, что даже и здесь эта необходимость чувствуется. Я не говорю, например, о проблеме землеустройства, которая в „перспективах" разрешается исключительно с количественной стороны: столько-то у нас неустроенной земли, столько-то инженеров, столько-то эти инженеры могут устроить и т. д. и т. д. То же и по отношению к проблеме перенаселения. Но какого типа будут хозяйства, которые будут организованы на новой земле, в какой мере пойдет на этой земле коллективизация, каково будет влияние землеустройства на эту коллективизацию, этого совершенно не видно.

Таким образом, формально-статистический метод идет в ущерб анализу по существу. Точно так же я считаю, что в „перспективах" получил развитие метод чисто бухгалтерский, сметный, для наших целей совершенно никчемный. Я приводил примеры, что для широких задач перспективного плана („бескризисное воспроизводство и укрепление в хозяйстве начал социализма") никакого значения не имеют такие ведомственные подсчеты, как смета расходов на ремонт Московского почтамта, почтовых сумок—50 000 руб., смета в 500 000 руб. на устройство заводов для томат пюре, на 600 000 рублей на заводы для соленых продуктов—капусты и огурцов и т. д. Все это есть чисто бухгалтерские подсчеты, и они не должны найти места на этих 800 страницах.

Наконец, что касается последнего момента „инженерной проектировки, социальных конструкций" как метода „перспектив", то я здесь долго останавливаться не буду, потому что здесь об этом я уже говорил. Я считаю, что этот метод,—как он точно формулируется в плане, „метод инженерной проектировки социальных конструкций" на основании тех или других плановых заданий, что этот метод не научный, это не метод научного социализма. В этом отношении мы здесь, конечно, с т. Кржижановским определенным образом расходимся.

Затем второй упрек, который мне сделал т. Кржижановский, заключается в том, что я будто бы противопоставляю начало

техническое экономическому и социальному. Тов. Кржижановский даже искал здесь выдержку из Маркса, чтобы опровергнуть будто бы мои утверждения. Но это совершенно излишне, потому что я никогда технику и экономику не противопоставлял. Наоборот—я только развил и расчленил то самое положение, которое выставляется самими авторами плана, в качестве основного и исходного, именно, что задача планирования сводится к техническому перераспределению ресурсов страны, к экономической организации бескризисного расширенного воспроизводства и, наконец, к задаче уже социального порядка—к переустройству общества на началах социализма и коммунизма. Никаких противоречий здесь нет, и если бы т. Кржижановский перевернул страницу моей стенограммы, на которую он ссылался, то на другой странице он прочел бы мое указание, что в основе этих социальных построений должно лежать техническое и экономическое обоснование. которого как раз у авторов „перспектив" нет.

Вот, следовательно, вкратце то, что я говорил и на что я бы очень хотел получить ответ от т. Струмилина в его заключительном слове, так как т. Кржижановский ничего определенного не ответил. Я бы хотел, чтобы он сказал, во-первых—считает ли он этот „метод инженерной проектировки новых социальных конструкций, на основе заданий", методом, который может быть научно положен в основу построения плана вместо метода социально-экономического анализа и выяснения социально-экономической необходимости и обусловленности основных линий, которые развиваются в плане. Затем я хотел бы еще услышать от т. Струмилина, согласен ли он также с тем, что в плане сохранился в значительной степени не только формально-статистический подход вместо экономического обоснования выдвигаемых цифр, но имеются иногда даже такие цифры, которые некоторым частям плана придают характер ведомственных подсчетов. а никак не широких перспектив планового хозяйственного строительства.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО С. Г. СТРУМИЛИНА

Мне предстоит ответить на целый ряд выступлений, которые здесь имели место в течение нескольких заседаний. Но я хотел бы начать с докладчика. Мне представляется, что у нас, работников Госплана, есть с ним, вероятно, известные недоразумения, но принципиальных расхождений нет. Недоразумения эти заключаются в том, что от нас докладчик требует, повидимому, действительно больше того, что мы могли дать. Вот как я могу кратко характеризовать суть этого нашего спора. Мы готовы согласиться, что у нас недостаточно экономического анализа, что мы недостаточно глубоко ответили на целый ряд качественных вопросов, которые встают у читателей наших материалов к пятилетнему плану. Ну что ж, исправляйте наши недочеты! Мы для того и опубликовали наши материалы раньше, чем они получили формальное утверждение, чтобы дать возможность тому коллективному творчеству плана, о котором говорил здесь т. Кржижановский. А что касается Комм. академии, то ее мы с особенной охотой хотим привлечь к совместному творчеству в этой области. Итак, если наша работа вас не удовлетворяет,—а она, повидимому, вообще многих не удовлетворяет,—то благоволите указать конкретно, чем вы недовольны, почему недовольны и как вы считаете нужным исправить наши ошибки. Если бы вы не ограничились только негативной критикой, а указали бы на ряд положительных поправок и практических мероприятий к улучшению нашей работы в этой области, мы, вероятно, скоро нашли бы общий язык.

Голос места. Правильно.

Милютин. Об этом здесь было указано.

Струмилин. Я буду говорить и по поводу тех конкретных замечаний, которые были сделаны. Я хочу только сказать, что тут были такого рода общие замечания: у вас недостаточно анализа, следовало применить метод изучения социальной обусловленности. Как раз об этом говорил т. Лященко. Но как это делается и в чем заключается этот метод? Вот если бы т. Лященко дал нам хотя бы один конкретный пример применения своего метода и сообщил нам, чем именно мы против него погрешили, то я считаю, что такое предметное обучение было бы чрезвычайно полезным для нас, а может быть и для самого проф. Лященко.

Может быть, это оказалось бы и для него полезным потому, что он тогда понял бы, что это не так просто делается, как выговаривается.

Первым в прениях выступил т. Бессонов. Спор, который им возбужден по теоретическому вопросу о роли тарифов в плановом хозяйстве, представляет очень большой интерес. Я считаю, что большая заслуга т. Бессонова состоит в том, что он выдвинул этот вопрос вообще, а не только здесь в Коммунистической академии. Но это такой большой вопрос, что о нем надо совершенно специально разговаривать. Свою точку зрения я высказал в печати, и мне бы не хотелось больше на этом останавливаться. Я только скажу, что я с ним не согласен вот в чем. Я согласен с т. Бессоновым, что эта проблема должна быть разрешена, что она должна быть по-марксистски поставлена, что до сих пор в этом отношении нами ничего не сделано, но я не согласен с ним в том отношении, что после пересмотра нам придется радикально изменить нашу тарифную политику, которая сводится к диференциации тарифов, которая сводится к тому, что мы совершенно сознательно строим новые дороги на окраинах и перевозим грузы там по значительно более дешевым ценам, чем это было бы, если бы мы их исчисляли по конкретным издержкам производства для данной окраинной дороги, для данного перегона и т. д. Это расширяет сферу нашего народного хозяйства, это позволяет нам подтягивать окраины к центру, притягивать их экономически, что соответствует одной из основных директив нашей хозяйственной политики в самом широком смысле этого слова.

Теперь обратимся к замечаниям т. Лященко. Он, выступая и раньше и сегодня, повторил свои основные замечания. Его основные замечания сводятся к тому, что он удовлетворен нашими целевыми установками, к которым он примыкает и под которыми можно подписаться, но он совершенно неудовлетворен тем методом инженерной проектировки, к которому мы прибегали, и тем, что все цифровые выражения директив, которые находятся в нашем плане, с его точки зрения, ничем не обоснованы. При этом хотя он очень „дружески“ по его словам к нам настроен, но он говорит, что наш план построен не марксистским методом. Я хотел бы все-таки, чтобы хоть такого рода замечания были подкреплены какими-нибудь доказательствами. Если бы было верно только одно то, что этот план построен не марксистским методом, то и этого одного достаточно было бы, чтобы признать его никуда не годным. Поэтому я прежде всего остановлюсь на этом. Какие в этом отношении имеются соображения у профессора Лященко в доказательство этой его основной мысли, на которой он так настаивает? Он говорит, что метод инженерной проектировки потому не марксистский метод, что его применял еще Фурье в своих фаланстерах. Это метод утопического социализма. Методы, применявшиеся при построении фаланстеров,—вы помните, там были проектировки *даже* антикитов и антильвов и тому подобные

курьезы—конечно, не соответствуют реалистическому духу марксистской философии. Но почему это может быть отнесено к нашей работе? В пользу этого никаких аргументов я в выступлении т. Лященко не нашел, не нашел ни в печати, которую я перечитывал, ни в стенограмме.

Я не знаю, можно ли метод проектировки Фурье, примененный им в его фаланстерах, можно ли его вообще назвать инженерным методом? Утопический метод отличается от метода научно-социалистического прежде всего тем, что он не опирается на науку, а инженерное дело строится целиком на научной базе. У Фурье не было этого фундамента. Вспомните, на какие силы он старался опереть осуществимость своих проектов. Он надеялся заинтересовать в них какого-нибудь благодетельного и просвещенного принца. Вот в чем заключается прежде всего утопизм Фурье. У него не было классовой точки зрения. Он не понимал, что только определенный класс, идеологию которого он отражал, мог реально осуществить его план.

Как же мы подходим к постановке своего плана? Наш план сознательно строится на тех целевых установках, которые отражают целеустремленность определенного класса—пролетариата. Вся реальность нашей пятилетки нами мыслится в той мере, в какой мы сумеем на платформе этой пятилетки организовать пролетариат. Поэтому мы и придаем такое значение целевой установке. Поэтому мы и ограничиваем самостоятельное значение того метода прогноза, о котором сегодня говорил т. Лященко, противопоставляя его нашему методу. Он прямо говорит, что тот метод, который он бы противопоставил нашему, есть метод изучения социальной обусловленности, метод предвидения. Если бы мы жили в обществе, целиком подчиненном стихийным законам рынка, тогда мы бы могли и должны были бы говорить только об изучении социальной обусловленности разных явлений и на основе этой обусловленности выдвигать те или иные предвидения. Но, конечно, тогда мы бы не называли этого научного исследования планом.

Весь подход наш совершенно иной. Я считаю утопичным такой подход, который бы сводился лишь к тому, что я извлекаю, как паук из своего собственного желудка, научную паутину и строю известный прогноз, который непременно должен осуществиться. Извините пожалуйста, он не сможет осуществиться, если вы не заинтересуете в этом тот класс, который должен его осуществлять, а заинтересовать его серьезно можно только тем, что ведет к осуществлению его идеала.

Научное обоснование плановых проектировок, конечно, необходимо. Но лишь в той мере, в какой нужно, чтобы этот ваш план был не только поддержан массами, но и технически осуществим и реалистичен. В нашей пятилетке вы не найдете никаких фантастических антильвов или антикитов именно потому, что ее проектировали научно образованные инженеры. И в этом смысле наш план целиком реалистичен.

В чем заключается ошибка проф. Лященко, когда он нам говорит о непригодности метода инженерной проектировки социальных конструкций? Я думаю, в том, что он забывает об одной оговорке. Инженерная проектировка осуществляется нами на основе определенных заданий. Как мы вообще строим социализм в нашей стране? Разве мы его строим только руками коммунистов? Нет. Мы знаем, что мы еще не можем себе позволить такой роскоши. Мы должны привлекать к этому строительству, — и в этом наша сила, — все те ресурсы, которые имеются в нашей стране. Если, например, вы посмотрите состав Госплана, то вы увидите, что на одного экономиста-коммуниста там имеется десяток инженеров-беспартийных. Без специальных знаний инженеров всех родов оружия, привлекаемых по каждой отдельной отрасли, мы не могли бы создавать наших планов. Но для того, чтобы именно социальные конструкции могли творить инженеры, чуждые нам иной раз по духу, стоящие вне того марксистского учения, которое нас одухотворяет, мы должны с особенным ударением подчеркнуть роль тех целевых установок, партийных и прочих директив, в пределах которых мы строим свои планы. Так вот, если вы этим специалистам-инженерам дадите вполне определенное задание о том, какую социальную структуру им предстоит построить, и используете их технические знания только для того, чтобы в пределах этого задания они вам вычертили рабочие чертежи и дали все схемы заданной постройки, тогда вы и этих инженеров-специалистов запряжете в самую плодотворную работу по строительству коммунизма. Они будут строить вам такие социальные конструкции, какие соответствуют вашим общим установкам. И если вами дана марксистская установка, то и инженерный проект будет ей отвечать в полной мере.

Тов. Кржижановский говорил здесь еще о том, что инженерная проектировка планов предполагает социальную инженерию. Мы думаем о социальном инженере, как о такой объединяющей комбинации знаний и технических и экономических на основе общемарксистского мировоззрения, которая позволит нам творчески, без всякой помощи со стороны, проектировать социальную реконструкцию всего нашего хозяйства в том направлении, в каком нам нужно. Но если отвлечься от этого образа социального инженера, который пока можно было бы применить только к некоторым нашим вождям, то придется сказать, что, разумеется, только их руками строить конкретные хозяйственные планы мы пока еще не можем. Для этого мы слишком пока еще бедны такими силами. Но на той социальной базе, которую дают нам вожди, и на тех технических знаниях, которые нам дают инженеры-специалисты, мы можем и теперь создавать нужные нам социальные конструкции. Возьмите хоть ту проектировку, которая связана с постройкой Днепростроя. Инженерная это проектировка или нет? Инженерная. Можно ли ее назвать марксистской? Нет.

А между тем это составная часть плана Гоэлро, того самого, который В. И. Ленин называл второй программой партии. Не следует забывать, однако, что и наш план это есть прежде всего известная совокупность Днепростроев. Именно к ним сводится техническая основа нашего плана, поскольку мы имеем в виду, прежде всего, план капитального строительства как основную составную часть нашей работы. Тов. Кржижановский здесь говорил о том, что нельзя ограничивать содержание перспективного плана планом капитального строительства. Я в своем докладе тоже говорил, что помимо этого наш план должен представлять собой целостную систему экономической политики, т. е. систему социальных, экономических и политических мероприятий, на основе которых это плановое строительство становится реалистическим. Но во всяком случае, с теми или иными оговорками, совершенно ясно, что в центре нашей проектировки лежат такого рода крупные строительства, которые должны совершенно изменить экономическую физиономию районов, а вследствие этого и всей страны, и которые базируются на определенной целевой установке — приближении к социализму.

Теперь по поводу упреков т. Лященко, что у нас все „предусматривается“ и ничего не обосновывается. Я хотел бы знать, какое именно „обоснование“ им мыслится для тех отдельных цифр, которые мы давали. Тов. Лященко, ну, если мы говорим, что капитальные затраты у нас достигнут за 5 лет 22 млрд. рублей, то как, путем какого экономического анализа можно обосновать эту самую цифру—22 млрд.? Какой экономический анализ может указать, что нужно проектировать не 23 млрд. и не 21 млрд., а ровно 22 млрд.? Я бы очень хотел, чтобы нам хотя бы одну из тех цифр, которые у нас в перспективах проектируются, исчислил и аналитически „обосновал“ проф. Лященко или кто-нибудь другой. Я полагаю, что этого никто не сделает по той простой причине, что путем экономического анализа мы никогда не получим никакой конкретной арифметической величины. В результате экономического анализа мы можем установить известные директивы. Вот, скажем, такую директиву, что мы должны запроектировать такой темп капитальных вложений, чтобы двинуть нашу промышленность более быстрым темпом, чем она возрастает в странах капиталистического окружения.

Это одна из директив, из которых мы исходили. Обоснована ли эта директива или нет? Пусть т. Лященко скажет; может быть, он потребует от нас большего обоснования, чем мы даем. А наши обоснования в этом отношении не-сложны. Во-первых, опираясь на всю нашу марксистскую экономику, мы утверждаем, что социалистическое хозяйство может дать больший эффект, чем хозяйство капиталистическое, и, во-вторых, основываясь на том, что если бы мы оказались не в состоянии реализовать эти преимущества нашего переходного к социализму строительства,

то мы бы несомненно потерпели поражение вследствие того, что наш удельный вес в той мировой системе, которая сейчас существует, падал бы, а не возрастал, мы заключаем, что наши планы должны обеспечить нужный нам темп развития. Это устанавливает известный лимит. Но только лимит, а не конкретную цифру. Рост производства в СШ Америки, где он наиболее бурен, определяется 5—6% в год, а мы запроектировали около 15% в последнем варианте. Это больше 5, но и 10% тоже больше, и 12% и 30% было бы больше. Скажите, пожалуйста, чем можно обосновать именно 15%? Мы располагали, разумеется, и другим лимитом в тех ресурсах, какие поддаются нашему учету и какие мы могли запроектировать на протяжении пятилетки.

(Тов. Милютин: „Это тоже экономический анализ?")

Да, это экономический или, точнее говоря, статистико-экономический анализ. Но во всяком случае он устанавливает лишь пределы и даже, я бы сказал, далеко не точные пределы. А в этих пределах мы должны дать конкретные цифры,—цифры, которые выражают меру не качественного, а количественного роста нашего хозяйства, не приводя нас к внутренним противоречиям со всей массой других конкретных проектировок той же пятилетки. Эти цифры нельзя получать в результате решения системы уравнений, они в лучшем случае удовлетворяют требованиям известной системы неравенств, не выходя за пределы установленных лимитов. Вот почему нелепо было бы „обосновывать" каждую цифру в отдельности.

В отдельных случаях, впрочем, когда мы проектируем, скажем, накопление, мы производим очень детальные расчеты. Но как раз эти расчеты возмущают т. Лященко. Он не понимает, зачем нам нужны такие детали, как число телеграмм, которые будут посланы в 1931 году. А между тем, без числа почтово-телеграфных отправлений нельзя учесть и почтово-телеграфный доход.

Очевидно, тут есть какое-то коренное взаимное непонимание, когда говорят, что у нас нет обоснования наших установок, и в то же время досадуют по поводу тех детальных расчетов и цифр, которые, с нашей точки зрения, как раз являются определенным обоснованием отдельных элементов плана.

Слушая проф. Лященко, можно подумать, что в Госплане сидят какие-то невежественные люди, которые нашей экономики не знают, не изучают ее, и приходят с цифрами, неизвестно откуда взятыми. Но вы все знаете, что это не так. Я не знаю, много ли у нас имеется в СССР таких исследовательских учреждений,—я не исключаю и Комм. академию,—которые дали бы больше для конкретного изучения советской экономики, чем дали работники Госплана. Посмотрите только содержание журнала „Плановое хозяйство". В каждом номере вы увидите какое-нибудь исследование,—может быть небольшое, но это потому, что журнал не позволяет помещать больших,—вы

увидите там всегда новые продвижения в области изучения нашей конкретной экономики. Сейчас работники Госплана и ВСНХ выпускают работу по динамике народного хозяйства СССР за 40 лет. Это девятитомный труд, там освещается и динамика промышленности, и сельского хозяйства, и транспорта, и бюджета, в сущности все стороны народного хозяйства. Почему мы это делаем? Потому что мы понимаем, что без изучения конкретной экономики, и очень далеко идущего изучения, на много лет назад, мы бы не могли строить наши конкретные планы. Но мы вовсе не считаем своей обязанностью повторять в таких конкретных планах все те исследования, которые мы прорабатываем и публикуем самостоятельно.

Я не вижу в данном случае таких моментов, которые могли бы меня лично убедить, что те установки, которые имеются в нашем плане, неправильные, не марксистские установки и что нам кто бы то ни было показал в этом отношении более правильные марксистские установки.

Тов. Ронин находит неудачной постановку вопроса о примате производительных сил в движении к социализму в моем изложении. Весьма возможно, что я неудачно его поставил. К сожалению, в чем неудачность этой постановки я не мог проследить, потому что та цитата, на которую он ссылается, выпала из его стенограммы, стенографистки ее не записали. В силу этого я не знаю самого содержания этого упрека по существу. Может быть, я плохо выразился Во всяком случае, если мне приписывается такая мысль, что мы строим наше хозяйство и даже социализм вопреки развитию производительных сил, против этого развития, ну, извините, никогда, ни в одном из моих выступлений печатных и, надеюсь, в устных тоже, такого утверждения не было. К чему нам строить социализм против развития производительных сил? Я вовсе не нахожу противоречия между развитием производительных сил и развитием социализма. Наоборот. Я считаю, что именно, когда мы двигаемся в направлении к социализму, то и развитие производительных сил происходит наиболее эффективно. Вот моя точка зрения. Я могу прочесть ту формулировку, которая имеется в печатном виде в нашей пятилетке. Мы ставили в ней задачей плана—„бесперебойное развитие производительных сил в целях возможного повышения благосостояния трудящихся масс и скорейшего продвижения к социализму, при одновременном повышении обороноспособности страны“ [1]. Стало быть, на первом месте мы говорим о развитии производительных сил, но мы не ограничиваемся этим, а говорим, куда должно итти это развитие. В чем же дело? Я возражаю против „примата производительных сил“ вообще, который выдвигают некоторые экономисты только по-

[1] Перспективная ориентировка на 1926/27—1931/32 гг. М. 1928, стр. 3.

тому, что они как раз этим „приматом“ хотят отмести все остальные указания о направлении развития и сказать, что они уже не имеют решающего значения. Так, например, В. А. Базаров утверждал, что критерием годности плана должен служить примат производительных сил в том смысле, что если план дает развитие производительных сил, то он уже хорош, если же он этого развития производительных сил не дает, значит, он плох. А вот, если он не дает продвижения к социализму, то поскольку речь идет только о пятилетнем плане и т. д., то даже попятное движение можно допустить с его точки зрения, и это не является критерием негодности плана

Вот против этого я и возражаю, именно против этого отметания некоторых дополнительных характеристик. Мы ведь теперь не говорим просто об „индустриализации“ страны, а говорим о социалистической индустриализации. К чему это нас обязывает? Мы можем мыслить эту индустриализацию по-разному. Вспомните хотя бы установку тт. Сокольникова и Шанина. Они тоже высказывались за индустриализацию. Но это была установка на индустриализацию путем подъема и развития нашего сельского хозяйства. через увеличение экспорта наших с.-х. изделий и т. д. Это была бы индустриализация через аграризацию и рост частно-хозяйственных сил деревни. Таким образом, такие характеристики, как социалистическая индустриализация, страхуют нас от известных уклонов даже внутри нашей партии. Когда же об индустриализации будут говорить Макаров или Кондратьев, то для них такая страховка еще нужнее. Точно так же, если о развитии производительных сил будет говорить тот же Кондратьев, это будет совершенно другое, чем тогда, когда мы об этом будем говорить. В одном случае будет мыслиться просто развитие производительных сил без дальнейшего уточнения, а в другом—оно будет мыслиться по направлению к социализму.

У т. Мотылева были попытки показать конкретно, к чему приводит недостаток экономического анализа в нашей пятилетке. Подход т. Мотылева, по-моему, является наиболее правильным. Он говорит: плох был ваш экономический анализ и вот из-за этого вы впали в такие-то грубейшие ошибки. Вот, товарищи, если бы каждый из вас таким же образом констатировал и конкретизировал те ошибки, в которые мы впали, как это сделал т. Мотылев, нам гораздо легче было бы найти общий язык. Хорошо было бы, если бы и проф. Лященко указал нам сам наши ошибки вместо весьма неудачной ссылки на Кондратьева, который, дескать, нашел эти крупные ошибки. Проф. Лященко напрасно поверил на слово Кондратьеву. Я очень сожалею, что проф. Лященко не читал нашего ответа Кондратьеву. Если бы он его прочел, он понял бы, насколько те неувязки, на которые он ссылается, являются плодом творчества самого Кондратьева и в какой мере мы к ним совершенно не причастны.

Но я оставляю этот вопрос и перехожу к конкретным указаниям неувязок в нашем плане, который мы слышали здесь в этой аудитории.

Тов. Мотылев говорит, что у нас в пятилетке разница между оптимальным и отправным вариантом по капитальным вложениям 20%, а по их эффекту всего 7—8%. Явная ошибка. Да, товарищи. Это грубейшая, крупнейшая ошибка. Но это ошибка т. Мотылева, а вовсе не наша. Такого соотношения в нашей пятилетке нет. В самом деле, к чему относятся эти цифры прироста в 7—8%. Они относятся ко всему народному доходу. Но разве мы начинаем эту пятилетку с пустого места? Разве наши капитальные вложения прибавляются к нулю? Мы собираемся вложить по одному варианту 18,5, а по другому варианту—22 млрд. Но у нас, кроме этих вложений, в народном хозяйстве было уже вложено к октябрю 1927 г. около 61 млрд. Естественно поэтому, что если мы хотим говорить об эффективности тех вложений, которые мы за эти пять лет проектируем, нужно сопоставить капитальные вложения не с полной суммой народного дохода, а с тем приростом народного дохода, который обусловлен новыми вложениями за эти пять лет. Народный доход по отправному варианту возрастает за пять лет с 25 млрд. до 33,5 млрд., всего на 8 446 млн. По оптимальному варианту он возрастает с 25 млрд. до 36 млрд., т. е. примерно на 10 923 млн. Вторая сумма на 30% больше первой. Стало быть при увеличении вложений на 20% их эффект возрастает не на 7—8%, как это сосчитал т. Мотылев, а на целых 30%. Подобно этому по промышленности при увеличении затрат по оптимальному варианту на 23% их эффект возрастает при правильном подсчете не на 11, а на целых 43%.

Спрашивается, мало это или много? Это трудно сказать. Я не знаю, как ответит на это т. Мотылев. Но во всяком случае его аргумент о 7—8% теряет свое значение. Это просто неграмотное обращение с цифрами, и больше ничего.

Еще забавнее другое критическое замечание т. Мотылева. Он делает такое сопоставление. Сопоставляя оптимальный вариант по пятилетке Госплана и по контрольным цифрам ВСНХ, он находит, что капитальные вложения в обоих этих вариантах почти тождественны, а эффективность по проектировке ВСНХ значительно больше. Тут явное недоразумение. Нужно сказать, что оптимальный вариант ВСНХ и наш оптимальный вариант ровно ничем не отличаются. И т. Мотылев никакой в них разницы обнаружить не мог бы, если бы он делал правильные сопоставления. Но он взял у ВСНХ—вариант с учетом 7-часового рабочего дня и увеличения числа смен, а у Госплана он взял не тот же самый вариант, а другой, составленный по наметке ВСНХ без учета 7-часового рабочего дня и увеличения числа смен[1].

[1] Госплановский вариант с учетом 7-час. раб. дня, опубликованный еще в ноябрьской книжке „Плановое хоз-во" за 1927 г., повидимому остался вовсе неизвестным нашему строгому критику.

Если бы, значит, т. Мотылев читал внимательно наши работы, то он, несомненно, не впал бы в такое забавное надоразумение и не стал бы упрекать нас за то, что увеличение смен дает повышенную продукцию.

У т. Мотылева есть еще одна мысль, которая тоже им ставится в упрек нашему методу планирования. Он говорит о затухающем характере кривой развития, которая намечается в нашей пятилетке. Правда, этот упрек им обращен, главным образом, по адресу старой пятилетки ВСНХ, где особенно резко проявлялась эта особенность. Должен сказать, что по вопросу о кривых развития у нас в Госплане было много споров. И мы слышали очень много различных точек зрения по этому поводу. В порядке проектировки генерального плана мы действительно наметили кривую в виде интеграла, сначала в первом пятилетии затухающую, а затем возрастающую. Эту точку зрения оспаривал вначале В. А. Базаров, который предложил нам другой вид кривой — сначала. в первой пятилетке, возрастающей, а в последующие — затухающей. Почему мы отвергли эту точку зрения и приняли такую, по которой темп развития сначала якобы затухает, а потом разгорается? По очень простой причине. Мы входим в эту пятилетку из очень быстрого в своем росте предыдущего восстановительного периода. Остатки и хвостики этого восстановительного периода в первые годы текущей пятилетки еще будут сказываться. А затем этот рост несколько замедлится. Капитальные вложения текущей пятилетки вполне скажутся, по нашему мнению, только в следующих пятилетиях, вследствие слишком длинных сроков строительства. Может быть, мы в этом несколько просчитались, может быть, мы уже к концу этого пятилетия начнем ощущать значительный эффект новых вложений. Но во всяком случае мы уверены, что в следующие пятилетки мы будем иметь уже определенно возрастающие темпы. И должен сказать, что после того, как мы конкретно попытались выявить, какое количество новых фабрик вступит в действие до 1931 г., то нам удалось убедить и В. А. Базарова, и он снял свои возражения.

Тов. Мотылев априори разрешает вопросы в пользу возрастающих темпов даже для первого пятилетия. Я думаю, что этот вопрос так априорно не решается. Нужно оценить все те конкретные факты, из которых мы исходим, и проверить их. Может быть мы и перегнули палку в сторону осторожности. Но это требует еще проверки. Я лично отнюдь не склонен к пессимизму. Два года тому назад мы здесь с этой самой трибуны выслушивали упреки совсем с другой стороны. Тов. Смилга гораздо пессимистичнее расценивал шансы реконструкционного периода. Он заявил, что за 1927/28 г. мы больше 5—6% не сделаем. Я и тогда ему возражал. И действительно, в старой пятилетке мы запроектировали на 1927/28 г. 13% роста, в нынешнем году мы запроектировали уже 17%, а последнее слово ВСНХ, против чего не возражал и Госплан, когда было установлено, что мы

можем целый ряд фабрик пустить в три смены, уже намечает 23% роста. Причем тут пришлось признать, что мы не дооцениваем как раз эффекта тех новых капитальных затрат, которые уже сейчас вступают в действие. Конечно, это еще не новые предприятия, их еще нет. Но это уже входит в действие целый ряд старых переоборудованных предприятий. Таким образом, вы видите, что мы отнюдь не застрахованы от просчетов. Когда определяешь темпы на несколько лет вперед, можно просчитаться. Но во всяком случае не нужно забывать и о том, что высокие темпы развития не даются задаром. Они не случайно приводят на эту кафедру т. Шанина с предостережениями против перенапряжения. 23% мы получим. К этому нас принуждает обострение товарного голода. Но это связано с угрозой перенапряжения, и само собой разумеется, что мы не можем проектировать сознательно на целое пятилетие вперед хроническое перенапряжение.

Теперь перехожу к замечаниям т. Базарова. Тов. Базаров немного коснулся истории наших споров. Он сказал, что теперь мы можем похерить большую их часть, потому что отныне у нас уже установилась общая платформа. Я думаю, что после этого ему следовало бы поставить точку. Ну что ж, если установилась общая платформа, если мы уже стоим на общей платформе, то не о чем и спорить. Но затем т. Базаров взял сейчас же свои слова обратно, обрушившись против всех тех моих замечаний, которые были направлены против его старой платформы, ныне им якобы оставленной во имя общей объединенной платформы. Мало того, я должен сказать, что он пошел в некоторых отношениях даже дальше своей прежней установки. Для примера возьмем хотя бы этот самый спор о примате производительных сил, в защиту которого он выступил. До сих пор я с ним по этому вопросу не спорил. Идея этого „примата" целиком принадлежала В. Г. Громану, а В. А. Базаров ее оспаривал. Он говорил, что собственно между развитием производительных сил, устремлением к социализму и ростом благосостояния нет никакого внутреннего противоречия. Их незачем противопоставлять уже потому, что повышению производительных сил в наших условиях неизбежно будет сопутствовать и продвижение к социализму и повышение благосостояния трудящихся масс. Это вполне правильно. Но сегодня он обрушился на меня за отвержение примата производительных сил в струвианском его толковании и привлек к себе в союзники... стариков-коммунистов. Действительно, у Маркса в „Введении к критике полит. экономии" ясно сказано, что „базисом" является развитие производительных сил, а все остальное „надстройки". Это правильно. Но беда заключается в том, что не это правильное нас разделяет, потому что к такому тезису, что базисом служит развитие производительных сил присоединятся не только Струмилин и Базаров, но и Струве тоже присоединится, даже после того, как он перестал быть социалистом. Развитие производительных сил всегда было и будет

базисом. Беда в том, что у Маркса имеется не только это предисловие к „Zur Kritik", а имеется и „Коммунистический манифест", к которому Петр Струве совершенно не присоединяется.

Тов. Базаров высказался, например, здесь за развитие производительных сил по американскому образцу. Спросим себя, однако, что означает этот американский образец? Можем ли мы развиваться по американскому образцу? Можем. Будут ли вырастать наши производительные силы, если мы восстановим капитализм и пойдем теми путями, которыми шла до сих пор Америка? У нас естественные условия таковы, что повидимому мы сможем повышать наши производительные силы, двигаясь к капитализму, довольно быстрыми шагами. Но будет ли это то развитие производительных сил, которое нам нужно? Нет, это будет не то развитие производительных сил, совсем не то. На настоящем этапе истории нас не может уже удовлетворить развитие производительных сил само по себе, без характеристики, в каком направлении оно идет. Мы думаем, что мы можем итти своим путем, путем советским, а не американским, и на этом пути достичь такого темпа в развитии производительных сил, которое обгонит даже американский темп, обгонит именно благодаря тому, что будет итти нашим советским социалистическим путем.

Так вот, товарищи, я считаю, что тут простой ссылкой на стариков нельзя устранить того разногласия, которое кроется в этом выставлении примата производительных сил, как чего-то самодовлеющего, не требующего никаких дальнейших ограничений и уточнений. Дальше очень характерным было выступление т. Базарова в защиту независимости науки. Я думаю, что среди марксистов этот тезис независимости науки большой популярностью не может пользоваться. Мы знаем, что надклассовых наук нет. Это настолько элементарно для каждого марксиста, что аргументировать это более подробно нет никакой надобности. Если бы была независимой наука, это была бы такая наука, которая стояла бы над классами, парила бы выше их, творила бы свой суд и расправу над этими борющимися классами. Такой объективной, внеклассовой, надклассовой науки мы не признаем, в особенности, если говорить об общественной науке, о чем здесь шла речь. Стало быть, мы можем говорить только о классовой науке. Но что значит говорить о классовой науке? Что это за наука? Это та наука, которая служит интересам данного класса. Тут им было допущено легкое изменение моей формулировки. Я не говорил, что наука должна быть служанкой „директив", да еще „директив вождей". Я только говорил, что наука должна служить пролетариату. Во всяком случае, если эта наука—наша классовая наука, то она для себя не нашла бы ничего зазорного в том, чтобы служить интересам пролетариата. Старик Маркс тоже находил, что наука должна служить обществу. Владимир Александрович Базаров говорил, что только в средние века наука обрекалась быть служанкой теоло-

гов. А разве в новейшие века она не обслуживала интересов буржуазии? Правда, т. Базаров говорит, что буржуазия провозгласила независимость науки. Но тут же оговаривается, что это были только слова, а независимости никакой нет и не было.

Но спрашивается, зачем же далась эта независимость т. Базарову? Мы говорим, что наука классовая, что она всегда служит классу. Но мы ведь отнюдь не хотим того, чтобы она фальсифицировала свои выводы в угоду кому бы то ни было. Это неизбежно только тогда, когда речь идет о науке, которая служит интересам класса отмирающего. Эта наука нередко должна фальсифицировать истину в интересах самосохранения своего класса. Она-то и стремится обычно этот мундир независимости на себя напялить. А та наука, которая служит классу, за которым стоит будущее, вовсе не должна что-либо фальсифицировать. Чем она объективнее освещает положение вещей, тем лучше она служит этому классу. Поэтому мы вовсе не вкладываем ничего обидного в то положение, что наука может и должна служить своему классу.

Теперь обратимся к следующему замечанию. Я утверждал, что качественные различия являются по существу только недостаточно осознанными количественными различиями. Т. Базаров иронизировал здесь по поводу этого якобы моего „гносеологического новшества", которое можно рассматривать как результат увлечения пифагорейским учением о мистическом значении цифири. Для шутки это может быть и хорошо. Но если бы мы чаще обращались к старикам, то ни о новшествах, ни о какой либо мистике по поводу моего утверждения нам говорить не пришлось бы. Я имел в виду только общеизвестные выводы физики и химии, т. е. весьма положительных наук. Вот что, например, пишется в одной очень хорошой книге:

„Современные натуралисты прекрасно знают, как часто изменения количества ведут к изменениям качества. Почему одна часть солнечного спектра производит в нас ощущение красного цвета, другая—зеленого и т. д.? Физика отвечает, что тут все дело в числе колебаний частиц эфира... То же подтверждает химия. Озон имеет другие свойства, чем обыкновенный кислород. Откуда это различие? В молекуле озона иное число атомов, чем в молекуле обыкновенного кислорода" [1].

Значит то, что мы осознали как другое качество, есть только другое количество. Это далеко не ново и совершенно чуждо мистике.

Владимир Александрович Базаров хочет посмеяться по поводу того, что я, скромный статистик, взялся не за свое дело—толковать о гносеологии, хотя никогда не был причастен к философии. Но вот наши старики—они понимали кое-что в филосо-

---

[1] Бельтов—„К вопросу о развитии монистического взгляда", Спб., 1906 г., стр. 65—66.

фии. Приведенные слова принадлежат Плеханову. Я мог бы также же свидетельства найти и у Энгельса. Они не ссылаются на гносеологию. Они ссылаются на физику, на химию, на современных натуралистов. В чем же дело? Когда Владимир Александрович захотел сначала меня сделать пифагорейцем, а потом смилостивился и согласился с тем, что я просто статистик и поэтому уже по своей профессии придаю такое большое значение числу, то мне пришло в голову, что он сам заговорил о гносеологии и пифагорейцах только потому, что это его специальность, поскольку он причастен к философии. У него не было иных оснований притягивать здесь к ответу эту высокую особу—гносеологию, с которой я, действительно, не много имел дела в своей жизни.

Дальше, Владимир Александрович здесь говорил о комчванстве. Действительно, это вещь очень нехорошая. Не знаю, кстати ли вообще было упоминать комчванство при обсуждении данного вопроса. Но я думаю, что и спецчванство тоже нехорошая вещь. Конечно, за ту пару лет, когда я, сидя в тюрьме, штудировал от нечего делать кантианцев, махистов, эмпириомонистов и прочих идеалистов, я не мог сделать столь больших успехов в гносеологии, чтобы удовлетворить В. А. Базарова, который в этом деле большой спец. Недаром же разбору его философских трудов уделил в свое время столько места В. И. Ленин. Но если учесть те отзывы Ильича, которыми он характеризовал труды Владимира Александровича, то едва ли даже в этих трудах можно усмотреть особые основания для спецчванства перед нами—простаками, не причастными к философии.

Я закончу по отношению к нашему спору с В. А. одним замечанием. Я Владимира Александровича очень уважаю, считаю одним из полезнейших работников в Госплане, и мне бы очень не хотелось сказать что-нибудь обидное ему. Но он допустил некоторые выражения в своем выступлении, настоятельно требующие ответа.

Возражения своих оппонентов против его установки в методологии планирования он склонен объяснять лишь их „через край бьющей благонамеренностью“. Установка на то, что критерием годности плана может стать помимо развития производительных сил еще дополнительное требование о приближении к социализму, ему представляется настолько необоснованной, что он даже затрудняется сказать, кто мог такое требование прокламировать. Я могу ответить на это.

„При составлении пятилетнего плана народного хозяйства“ — читаем мы в одном довольно известном документе—„необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного потребления рабочих и крестьянских масс; расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве вообще; более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народно-хозяйственного развития

и непременного систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора, что является решающим и главным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата".

Это требование прокламировано XV съездом ВКП (б).

Что же касается кивка по поводу чьей-то благонамеренности, то я замечу лишь следующее. Я понимаю интеллигентское чванство—всегда и при всяких обстоятельствах быть в оппозиции, оставаться в мундире неблагонамеренности. Но гораздо естественнее, если революционер, десятки лет подряд носивший с честью знамя „неблагонамеренности", после революции остается верным своим убеждениям, а не мундиру, и потому оказывается вполне благонамеренным. Во всяком случае было бы очень странно, если бы кто-нибудь из таких революционеров стал замазывать в споре с противниками принципиальные с ними разногласия только для того, чтобы не попасть в одиозный, по их мнению, разряд благонамеренных.

Разрешите на этом закончить.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО В. П. МИЛЮТИНА

Товарищи, дело в том, что все выступавшие ораторы и особенно товарищи из Госплана—т. Кржижановский и т. Струмилин—начинали свои речи с того, что они солидаризуются с той постановкой, с теми основными положениями, которые были сделаны мною в моем докладе о построении пятилетнего плана. Полагаю, что это не были слова любезности Комм. академии и докладчику, а были серьезно данные заверения в смысле солидаризации с теми положениями, которые были выставлены в докладе и которые обязывают к определенным выводам при разработке пятилетнего плана.

Нашими докладами здесь, конечно, вопрос только поставлен. Мы не предполагаем, что вопрос окончательно решен моим докладом, докладом т. Струмилина и тем их обсуждением, которое вы здесь заслушали. Несомненно, нам придется теоретически эти проблемы проработать, и в этом отношении тесная увязка работы Комм. академии с работой Госплана для нас крайне существенна и крайне важна. Поэтому можно с удовлетворением констатировать тот факт, что и т. Кржижановский и т. Струмилин в сегодняшнем своем заявлении сказали, что они солидаризируются с той общей постановкой, которая сделана в моем докладе. На основании этого мы сделаем совершенно определенные практические выводы и будем в дальнейшем уже в определенном направлении проводить работу.

Но здесь необходима известная договоренность для дальнейшей работы. Тов. Кржижановский поставил мне один вопрос, а по поводу других крайне существенных положений он сделал некоторые замечания, о которых нам нужно с ним договориться. Он поставил вопрос о том, что я в своем докладе положение об электрификации выделяю в особую область. Должен заявить, что мною было сделано это выделение не по каким-либо принципиальным соображениям, не потому, что я отделяю процесс электрификации нашего народного хозяйства от развития его на базисе электрической энергии, на базисе электрификации. Я это сделал потому, что обычно в наших планах и бюджетах электрификация выделяется в особую часть, чтобы наиболее ярко и определенно подчеркнуть ее. Так что здесь нет между мною и т. Кржижановским никаких принципиальных разногласий.

Несомненно, стержнем рационализации народного хозяйства необходимо считать электрификацию.

Второй вопрос, который я считаю крайне существенным, который я в своем докладе поставил как один из центральных вопросов,—это вопрос о том, чтобы мы не удовлетворялись только количественным построением развития отдельных областей народного хозяйства (главным образом, производства, товарообмена, финансирования), а чтобы мы в нашем планировании перешли к построению, к развертыванию плана качественной стороны нашего народного хозяйства. Тут т. Кржижановский сказал, что он так понял т. Струмилина, да и т. Струмилин подтверждает это в своем докладе, что я слишком большие требования предъявляю Госплану. Сегодня т. Струмилин это повторил.

Товарищи, я не забываю французской поговорки, что самая красивая девушка не может дать больше, чем она имеет; но тем не менее я полагаю, что Госплан может выполнить ту задачу, о которой я говорил и которую я считаю очень существенной. Здесь я должен исправить и т. Струмилина и т. Кржижановского. Конечно, трудности имеются. Но мне кажется, они смешали количественный анализ с качественным, и тут ссылка Струмилина на Плеханова не годится. Известно, что как количество переходит в качество, так и качество переходит в количество, этого забывать нельзя, и это есть у Плеханова. Если возьмете „Диалектику естествознания“ Энгельса, то вы там найдете указания на качественные показатели в математике. Этот вопрос для нас является особо существенным, конкретным вопросом для современного периода; этого забывать нельзя, от него отмахнуться тоже нельзя. Конечно, повторяю, здесь трудности заложены величайшие, я потом дальше о них скажу, но пройти мимо этого вопроса никак нельзя. Тов. Струмилин в своем докладе говорил дальше, что эти вопросы мы будем рассматривать в генеральном плане, который рассчитывается на 15 лет. Неверно. Нельзя откладывать этот вопрос, нужно его теперь рассматривать. Когда на объединенном заседании Совнаркома и СТО совсем недавно обсуждался промфинплан ВСНХ, то никто иной, как т. Гринько выступил от имени Госплана и критиковал ВСНХ именно в том смысле, что с качественной стороны этот годичный план построен слабо, что качественный анализ слаб. Больше того—именно-то в проекте резолюции Госплана, который потом в основу был принят СНК, раздел о качественных показателях был выделен как отдельный раздел. Мы имеем, очевидно, в Госплане поворот к переходу на анализ качественной стороны, к учету и разработке качественных показателей.

Струмилин. Это другое, там нет речи о технике.

Милютин. Позвольте, я вам скажу, о другом ли мы говорим. Об этом говорится в моем докладе, об этом говорится в моих тезисах.

Струмилин. Тогда у нас нет расхождений.

Милютин. Если расхождений нет, то я это только приветствую. Но тогда нужно в этом смысле строить нашу плановую работу и не бояться трудностей. Если вы перед ВСНХ ставите требование, чтобы в годовом плане вам давали качественный анализ, качественные показатели, то как же вы можете обойтись в пятилетнем плане без них. В чем дело, товарищи? Сейчас мы, действительно, вступили в реконструктивный период, этого забывать нельзя. Я сошлюсь на пример нынешнего 1927/28 года. Нынешний год крайне показателен, в него следует вдуматься для того, чтобы определить путь нашей экономической деятельности на дальнейшие годы, потому что все затруднения, которые мы встретили в нынешнем году, это затруднения не случайного характера, они не объясняются так, как их старался объяснить т. Громан, как их стараются объяснить некоторые товарищи, как их стараются также объяснить некоторые противники из неонароднического мелкобуржуазного лагеря. Объяснять их только противоречиями обычного рыночного характера между спросом и предложением, между покупательной способностью города и деревни и той продукцией, которую дает наша промышленность, неправильно. Мне представляется этот путь ошибочным для объяснения того экономического положения, которое мы сейчас имеем.

В двух словах дело заключается в следующем. Мы имеем в деревне несомненно выросший по сравнению с прошлым годом покупательский спрос. Данные, которые у нас пока-что имеются, говорят о том, что у нас благоприятные виды в смысле производства в сельском хозяйстве. Озимые прошли в среднем на 19 процентов выше, чем в прошлом году. В области промышленности мы проектировали рост валовой продукции на 17 процентов. Сейчас те данные, которые мы имеем за первый квартал, и те сводные данные, которые у нас имеются, говорят за то, что мы можем рассчитывать на 20% роста валовой продукции.

Последняя цифра, которая принята на совместном заседании СНК и СТО, говорит о 23%, т. е. мы будем в нынешнем году итти на более высокой базе в промышленности, чем в прошлом году. Это нужно иметь в виду. Темп этого года будет выше прошлогоднего и, таким образом, мы имеем экономический рост, и на основе этого экономического базиса, мы имеем тем не менее целый ряд крупнейших дефектов в области нашей экономики, и прежде всего в области хлебозаготовок. Мы имели к январю в области хлебозаготовок очень резкий упадок, который поставил под настоящую угрозу наше хозяйственное положение. И вот выделилась группа людей, группа ответственных людей, специалистов, которые заявили, что нам нужно менять нашу экономическую политику, что в самой нашей экономической политике заключается гвоздь тех противоречий и тех огромных трудностей, которые мы встретили на практике. Вот была одна

постановка вопроса, вполне отчетливая и ясная, сторонники этого взгляда требовали повышения цен, видели ошибку в повышении заработной платы, которое мы производим, потому что этим покупательная способность населения повышается. В этом они видели основные грехи нашей политики, и против этой политики они выступали. Эти выступления имели место не только в заседаниях, но это было напечатано в фельетоне т. Громана в „Экономической жизни“. Подобная постановка вопроса в корне неверна. Правильность нашей экономической политики подтверждается всем ходом нашего экономического развития, подтверждается фактическим развертыванием и подъемом производства. Но мы не должны недоучитывать вскрывшихся противоречий, которые, по моему глубокому убеждению, заключались помимо объективных причин и в наших организационных недостатках. Я думаю, конечно, что основная причина заключается в недостаточной индустриализации страны; но вместе с тем мы встречаем противоречия в том, что мы отстаем в смысле улучшения структуры нашего хозяйства, в смысле улучшения способов хозяйствования, в смысле качественной стороны нашего планирования, мы отстаем от нашего экономического развития. Вот в чем гвоздь. И действительно, те меры, которые были приняты партией в течение этих месяцев, ясно это показали. Ведь теперь в результате этих мер мы должны констатировать успех хлебозаготовок.

Теперь о другой области, о капитальном строительстве, в котором мы встречаем затруднения. О перенапряжении, о котором вы, т. Шанин, говорите, я скажу дальше. Не в этом дело. Несомненно, без такого перенапряжения мы индустриализации не сможем произвести. Конечно, скверно, если это выливается в кризисное положение. но такого кризисного положения у нас сейчас не наблюдается.

Шанин. Наблюдается.

Милютин. Ту затрату, которую мы сделали в этом году—200 млн.—мы выдержали. Но в чем заключается наша прореха? Она заключается в том, что мы эффективности капитальных затрат не знаем. В большинстве случаев эта эффективность там. где мы это дело начали анализировать. экономически стоит необычайно низко, а в некоторых случаях наблюдается даже преступное положение. Когда строится, например, новое предприятие — Сызранская электростанция, которая дает в результате своей постройки киловатт-час в 12 коп., в то время как старые галоши, которые там имеются, дают нам энергию по 8 коп., то это уже неимоверный дефект. Эти дефекты говорят о том, что мы плохо умеем строить, что мы до сих пор работаем только на эскизах. Поэтому мы можем говорить, что в настоящем проекте капитального строительства качественная сторона нашей работы определенным образом хромает. Таким образом основные

противоречия, основные прорехи нынешнего года заключаются в том, что качественная сторона хромает и факт тот, что основную проблему нашего хозяйствования—именно реорганизацию и улучшение структуры хозяйствования, мы решаем, как самые последние кустари, как ремесленники.

До сих пор у нас такие проблемы, как рационализация (я не беру электрификации, которая так или иначе разрешается), как районирование, как проблема коллективизации, решаются кустарническим способом. Если мы от этих кустарнических методов не откажемся, если мы не осознаем опасности, то не удивляйтесь, если мы в ближайшем будущем будем иметь срывы в нашем хозяйстве. Нынешний год нас стукнул по голове с хлебозаготовками, с капитальным строительством. Но нужно из этого удара сделать определенный вывод, иначе мы ни к чорту негодные экономисты и будем, не понимая нашей экономической политики, строить наши планы. Наши ошибки будут видны на каждом шагу. Вот какой вывод нам необходимо сделать. Повторяю, если вы согласитесь с этой постановкой и из нее сделаете вывод, то вы скажете, что нам нужно возможно большее развитие плановой рационализации. Без этого все наше капитальное строительство стоит под угрозой.

Струмилин. Мы ждем от вас этот план.

Милютин. От кого от нас, от Комм. академии? Не Комм. академия должна это решать, извините. Я вам скажу, от кого вы должны ожидать разрешения этого вопроса—прежде всего от техников, а затем только от статистиков и экономистов. Без них вы с места не сдвинетесь в пятилетке. Пятилетку вы должны строить вместе с техникой; и в этой области, я откровенно скажу, я лично считаю, что под угрозой стоит у нас вся наша политика. У нас этого пока нет. Мы знаем только названия, мы знаем титулярные списки: вот 220 предприятий построено, 212 строятся, 92 проектируются. Но ведь проблема изменения техники и направление ее развития, помимо самых грубых расчетов, не связана даже с проблемой стандартизации. Я утверждаю, что без этого мы, как слепые котята, будем натыкаться на всякие затруднения. Как же этого не понять? Госплан должен эту работу произвести во что бы то ни стало.

Тут же встает проблема районирования. проблема специализации районов. Я думал, что этот вопрос бесспорен, но т. Струмилин все же строил свой доклад так, что было непонятно, есть ли у нас прорехи в этом пятилетием перспективном плане или нет?

Струмилин. Там нет районного разреза. Это наша беда, но не вина.

Милютин. Тов. Струмилин, я тут не хочу никого винить, я хочу только сказать, что этот вопрос нужно поставить в качестве одного из первых вопросов и, говоря о пятилетке, нужно этот вопрос выдвинуть во что бы то ни стало.

Также дело обстоит и с проблемой коллективизации. От общих слов и резолюций, которые у нас великолепно написаны, нужно перейти к делу—без планирования коллективизации ничего в этом направлении не сделаешь.

Нужно действительно продумать план производственной коллективизации, капитальных накоплений в коллективах, не говоря уже о плане снабжения и т. д. Здесь целый ряд проблем, которые должны быть проработаны, мы должны такой план коллективизации иметь.

У меня затем был вопрос о снижении себестоимости, об урожайности и т. д. Я о них не буду говорить, о них я в прошлый раз говорил. Повторяю, что все эти вопросы должны быть развернуты в плановом порядке. От кустарничества, от индивидуальной обработки, которыми занимаются наши учреждения, нужно перейти к плановой работе в этой области. Вот в чем заключалась моя постановка вопроса.Если мы добьемся результатов в этом отношении, то это будет, конечно, очень ценно.

6 марта открывается совещание в Госплане; эти вопросы нужно там поставить более детально. Трудности здесь громадные. Нужно притянуть самые разнородные силы к разрешению этих вопросов. Такие вопросы нельзя решать только статистическим и экономическим методами, а нужно решать и технически. Только так и нужно эту проблему поставить.

Дальше, если тт. Кржижановский, Струмилин и другие говорят, что у нас здесь не будет недоразумений, то я этому очень рад. Но мы будем зато настаивать на практических выводах из этих ваших заявлений. Нужно не отступать от этих трудностей и не отмахиваться от них, их нужно разрешить. Может быть в первый раз мы их разрешим скверно, может быть нас высмеют где-нибудь, но эту задачу все-таки надо решить.

Я еще остановлюсь на некоторых вопросах. Насчет т. Мотылева. Когда я говорил о темпе нашего экономического развития, о средних цифрах, то кто-то с места крикнул, что это есть у Мотылева. Я просмотрел его статью в „Большевике“, и там в действительности этого не оказалось. Но я помню, что была такая постановка относительно среднего темпа развития капиталистических стран. Я лично этой точки зрения не разделяю, я лично считаю необходимым выделять отдельные капиталистические страны.

Я должен остановиться еще на одном в своем заключительном слове—это на замечаниях т. Шанина. Он заявил о конфликте между развитием производительных сил и социалистическим строительством и говорил даже, что в сельском хозяйстве у нас наверняка будет так, что мы будем с несомненными жертвами для товарного хозяйства двигаться по нашему пути развития сельского хозяйства. Должен сказать, что с этой идеей мне уже не раз приходилось воевать. В первый раз я ее слышал от проф. Макарова, который выдвигал, когда у нас обсуждался вопрос об землеустройстве и землепользовании, вопрос о том, что надо

вставить статью, которая указала бы именно на то, что развитие производительных сил в деревне не требует социалистических форм, не требует коллективизации, а по существу требует поддержки передовых крестьянских хозяйств. Он хотел установить поддержку фермерским хозяйствам в этой статье. Для нас подобная точка зрения является точкой зрения буржуазной экономики.

Шанин. Вы отрицаете временный конфликт.

Милютин. Для нас сбрасывание капиталистических форм хозяйства—синоним развития производительных сил и социалистических форм хозяйства.

Шанин. В каждой стадии.

Милютин. У нас была такая стадия, например, когда мы вели гражданскую войну, и когда на основе этой гражданской войны у нас получалось падение, но весь смысл нашего нэпа,—вы ему придали характер отступления, но не понимаете его значения,—весь смысл нэпа заключается в том, что развертывание социалистического строительства у нас совпадает с развитием производительных сил страны.

Иначе бы это не являлось социалистическим развитием. И тут т. Струмилин, несколько, я бы сказал, смешал вопрос, когда говорил насчет Фурье и других утопистов. Как утописты они не понимали законов общественного развития, и в этом и заключался их утопизм. Мы же нашу экономическую политику, наше плановое хозяйство строим на оценке определенных закономерностей экономического развития. Но учет этих закономерностей не есть только пассивное предвидение, это не фатализм; было бы бессмыслицей, если бы мы не учитывали наших активных сил, организованных сил, диктатуру пролетариата и т. д. Они ведь не выделяются из закономерности. Наши планы основываются на экономике переходного периода, они должны управлять производством, они должны основываться на определенных закономерностях эпохи строительства социализма. Развитие производительных сил в этом смысле не может вступать в конфликт с нашим социалистическим строительством. Поэтому, мне представляется, что когда мы ставим вопрос, что, с одной стороны, есть социалистическое развитие, социалистическое строительство, а вот, с другой стороны, развитие производительных сил, и что могут быть противоречия между этими двумя областями, то это есть признак полного непонимания социалистического строительства.

Товарищи, я думаю, что из нашего обсуждения, как самое главное для дальнейшей работы, вытекает постановка проблем качественного порядка и необходимость разработки их в нашей пятилетке.

О ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

(Тезисы В. П. Милютина)

1. Установление пятилетнего плана народного хозяйства является несомненно крупнейшим достижением дальнейшего развития плановых начал народного хозяйства СССР. Условия экономического развития настоящего реконструктивного периода, когда центром экономической деятельности является техническая база и широкое капитальное строительство, диктуют необходимость перехода от годовых планов народного хозяйства к планам, рассчитанным на более длительный срок. Но установление пятилетнего плана народного хозяйства представляет огромные трудности как со стороны методологической, так и со стороны установления определенных пропорций в развитии отдельных частей народного хозяйства СССР. Указанные трудности не позволяли до сего времени выработать пятилетний план народного хозяйства, и выпущенные Госпланом материалы, а также пятилетние ориентировочные данные имеют, пока-что, по признанию самого Госплана, лишь подготовительный характер.

2. Выработка пятилетнего плана народного хозяйства, как и всякого плана народного хозяйства, должна основываться прежде всего на учете закономерного развития народного хозяйства и экономической политики, проводимой на этой основе партией и советской властью. Директивы, данные XV партийным съездом по выработке пятилетнего плана народного хозяйства, определяют основу и задачи пятилетнего плана. На основе указанных директив предстоит произвести работу по построению самого плана.

3. Анализируя плановую работу наших хозорганов и в первую очередь, конечно, Госплана, мы видим, что планы можно разбить на два типа. Первый—планы оперативного характера, исходящие из оценки конъюнктуры народного хозяйства и состоящие из системы расчетов производства, обращения и потребления; и другой тип планов, к каковым относятся, например, план по электрификации, принятый VIII съездом Советов, и планы по капитальному строительству—определяют развитие производительных сил и дают основные расчеты развития техники и рабочей силы на сравнительно длительный период времени и исходят не из данных текущей конъюнктуры, но из учета ресурсов, определяющих развитие производительных сил. Трудность в выра-

ботке пятилетнего плана заключается в том, что он должен сочетать в себе черты и первого и второго типа построения плана.

4. Госплан, исходя из основных положений развития и переустройства народного хозяйства на социалистических началах, нашедших свое выражение впоследствии в директивах XV партийного съезда, при подходе к выработке пятилетнего плана народного хозяйства в своих материалах о перспективах развертывания народного хозяйства СССР от 1926/27 г. и до 1930/31 г., предлагает двоякого рода методы: во-первых—методы экстраполяции на основе изучения закономерностей, выражающихся в устойчивости ряда так назыв. статистических и динамических коэфициентов. и во-вторых — методы инженерной проектировки новых социальных конструкций на основе тех или иных плановых заданий, причем в области перспективного планирования преимущество отдает именно методам инженерной проектировки, хотя необходимо сказать, что эта проектировка базируется на анализе именно статистических и динамических коэфициентов, т.-е. на анализе предшествующего фактического экономического развития.

5. Указанная методология подверглась критике со стороны неонародников (Кондратьева, Макарова и др.). В своей критике неонародники отрицали методы инженерного проектирования и критиковали установление закономерностей экономического развития. В основе критики неонародников по существу лежал принцип примата сельского хозяйства над промышленностью и замаскированное выступление против индустриализации. В этой критике сказалось непонимание структуры советского хозяйства, законов его развития, отличающих советское хозяйство от капиталистических стран и определяющих соответствующие экономические задачи и экономическую политику.

6. Критика со стороны оппозиции направлялась не на методологию построения плана народного хозяйства, а на определенное количественное выражение и на данные о соотношениях отдельных частей народного хозяйства, запроектированные материалами Госплана. Преувеличивая роль капиталистических тенденций, не понимая точно так же, как и неонародники, определяющего значения законов развития обобществленного социалистического сектора народного хозяйства на все народное хозяйство, оппозиция не видела выхода из противоречий, какие она усматривала в постановке задач перед пятилетним планом народного хозяйства. и не понимала характера строительства социализма, сбившись на путь мелкобуржуазного политиканства.

7. При построении пятилетнего плана народного хозяйства СССР, мы должны считаться. прежде всего, с выявившейся закономерностью нашего экономического развития, заключающейся в определяющей роли для всего народного хозяйства законов развития обобществленного социалистического сектора нашего

хозяйства. На основе оценки экономического развития, нашедшей свое выражение в директивах XV партийного съезда, необходима выработка пятилетнего плана.

Методы Госплана, являясь в основном правильными, однако, являются не достаточными. Методы Госплана, примененные им к построению пятилетнего плана народного хозяйства, касаются почти исключительно количественных выражений в области производства, торговли, финансирования и пр. Качественная же сторона экономического развития почти совершенно не подвергалась анализу в работах Госплана, в то время как именно качественный анализ, по нашему мнению, приобретает огромное значение для построения пятилетнего плана народного хозяйства.

8. В отношении количественных выражений основным является установление баланса между городом и деревней и установление затрат на индустриализацию страны, в особенности на капитальное строительство в промышленности и транспорте. Однако определенные достижения в области темпа и размера производства и улучшения положения рабочих и крестьянских масс стоят не только в зависимости от количественных затрат энергии и материальных средств. но и от качественного характера этих затрат. В наступившем периоде реконструкции народного хозяйства значение перехода количества в качество и качества в количество—играет огромную роль.

В силу этого необходимо установление: плана стандартизации, в первую голову, конечно, в области промышленности, во-вторых—плана рационализации, особенно в области организации труда, в третьих—плана специализации экономических районов, в четвертых—подробной проработки вопросов снижения себестоимости, в пятых—плана коллективизации сельского хозяйства.

Производство этих расчетов должно занять в пятилетнем плане народного хозяйства не менее важное место, чем расчет по увеличению продукции, по финансированию и потреблению, так как вышеуказанные основные проблемы качественных изменений в нашей экономике неразрывно связаны и с определенными количественными достижениями. Недоучет указанных проблем и их конкретной разработки делает план народного хозяйства в преобладающей степени—системой статистических расчетов.

9. В наступивший период развития СССР взаимоотношения с внешним миром приобретают своеобразный характер в смысле, с одной стороны, обострения этих отношений, с другой стороны, увеличения экономического влияния и связи СССР с капиталистическими странами. Но именно это положение делает необходимым для нас установление определенного темпа нашего экономического развития. Эта директива, которая дана XV партийным съездом, обязывает установление более быстрого темпа, чем темп развития окружающих капиталистических стран. При определе-

ния темпа нашего экономического развития, мы должны брать не только общие суммарные данные относительно развития нашей продукции, но и необходимо взять темп развития отдельных отраслей народного хозяйства по сравнению с аналогичными областями капиталистических стран.

В этом отношении на первое место выдвигается задача усиления темпа развития таких отраслей промышленности, как металлургия, машиностроение и химическая промышленность, а для сельского хозяйства—установление темпа развития различного рода технических культур. При установлении темпа экономического развития должны быть решительно осуждены такого рода предложения, которые бы обусловили опасность возникновения экономического кризиса в нашем хозяйстве.

10. Развертывание народного хозяйства СССР обусловливает подъем благосостояния рабочих и крестьянских масс, рост культуры и рост активного участия рабочих и крестьян во всякого рода управленческой и организационной работе.

На основе директив XV партийного съезда, в этой области мы должны будем с особым вниманием определить как затраты в денежной форме (на повышение зарплаты, в определении цен жилстроительства и т. п.), так и организационные меры (по охране труда, по повышению культуры и т. п.). Рост производства неразрывно связан с проведением указанных мероприятий.

11. Таковы основные, по нашему мнению, изменения, которые обусловливаются осуществлением принятых XV партсъездом директив для разработки пятилетнего плана народного хозяйства.
